ОГОНЁК

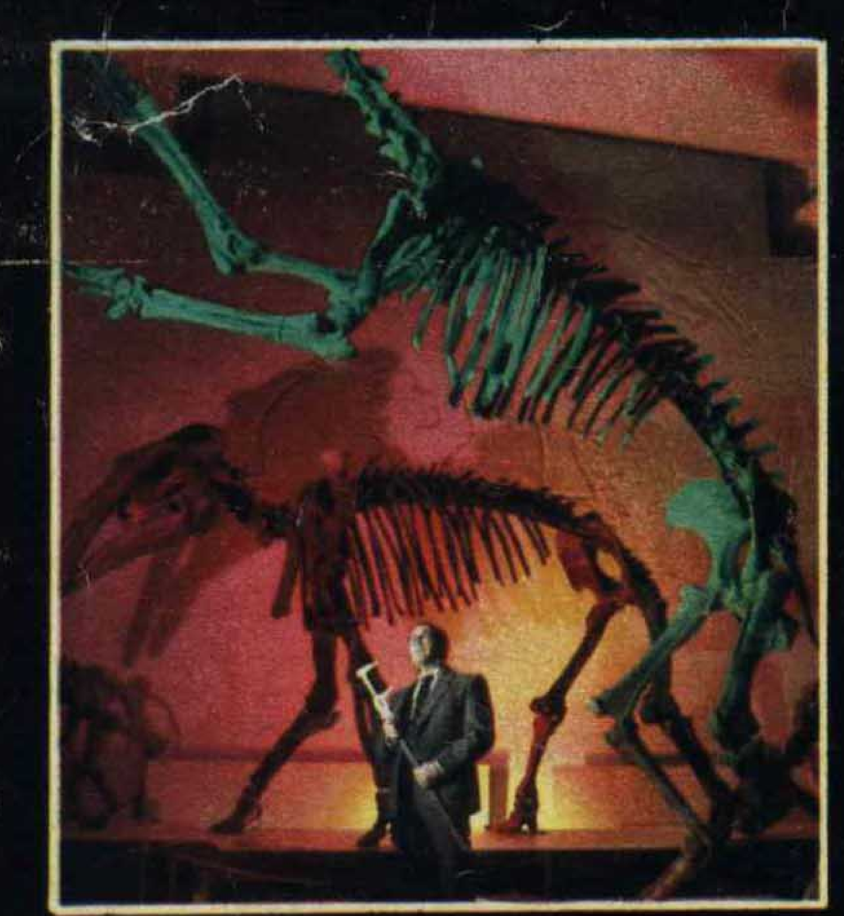
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 13 МАРТ 1988

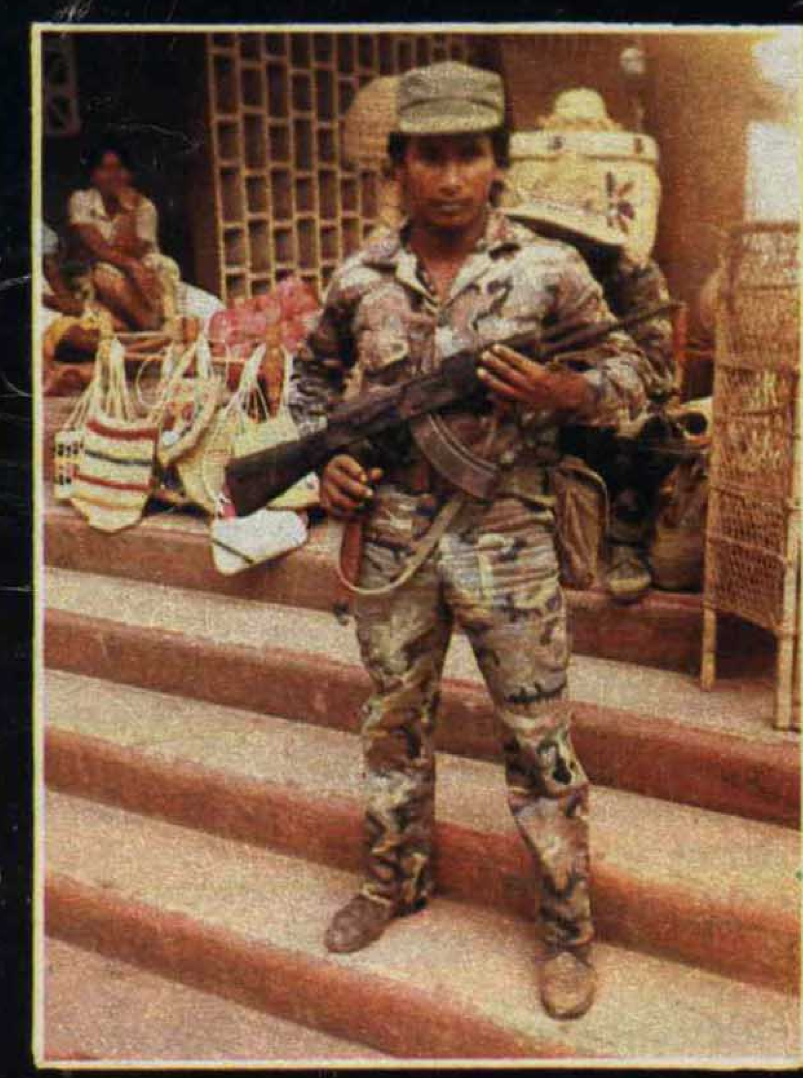

ХУДОЖНИК ВАЛЕНТИН СЕРОВ

РАССКАЗЫ ЮРИЯ НАГИБИНА

НАЕДИНЕ С ДИНОЗАВРАМИ

НИКАРАГУАНСКИЙ РЕПОРТАЖ

ТВОРИТЬ ДОБРО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (3166)

26 МАРТА — 2 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
И лошадка у дяди Асхата добрая. (См. очерк «Галимзянов и сын».)
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 04.03.88. Подписано к печати 22.03.88. А 00316. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 2072.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ГАЛИМЗЯ

Очередной взнос в фонд бескорыстия и человечности.

С верным помощником.

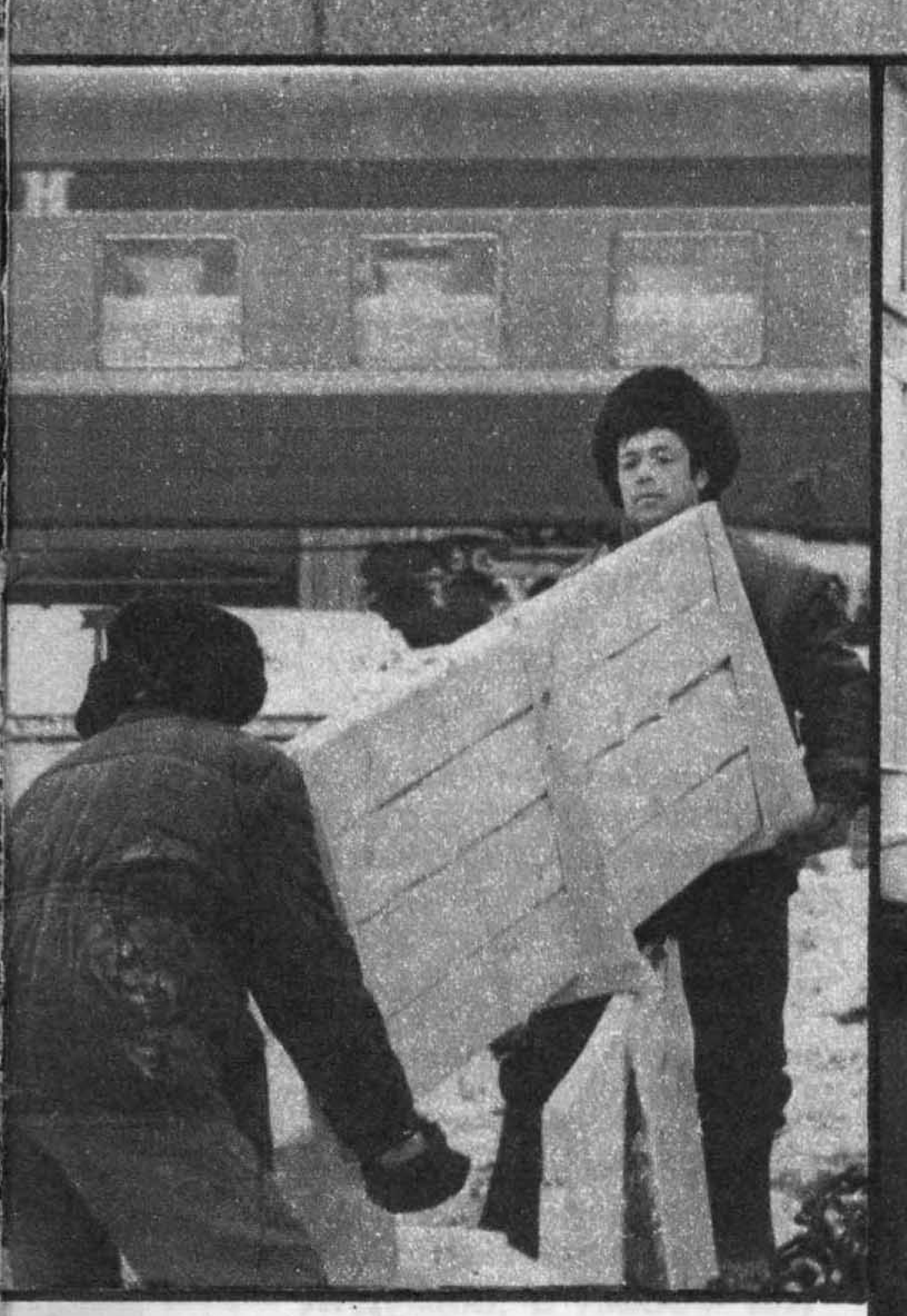
Материалы для новой фермы.

НОВ И СЫН

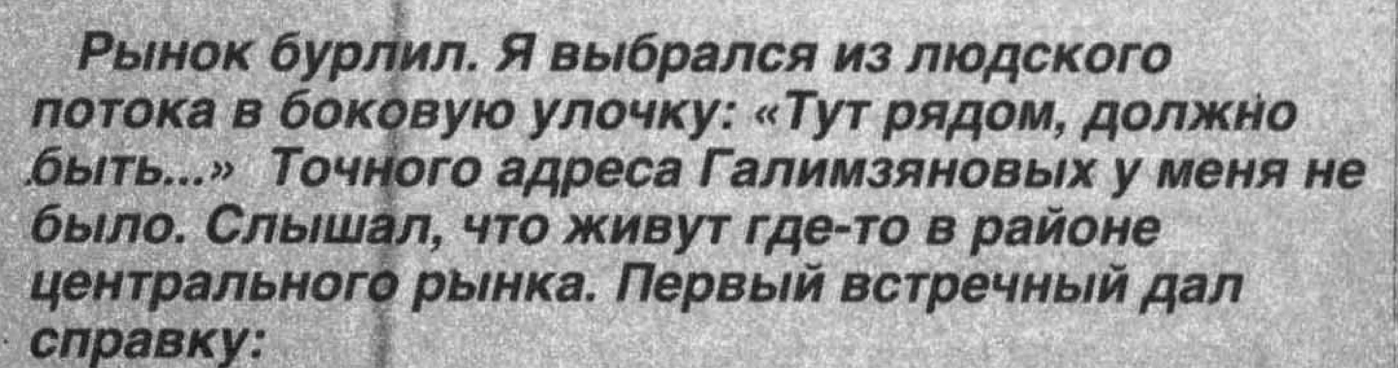
Рынок бурлил. Я выбрался из людского потока в боковую улочку: «Тут рядом, должно быть...» Точного адреса Галимзяновых у меня не было. Слышал, что живут где-то в районе центрального рынка. Первый встречный дал справку:

— Галимзяновы? Сумасшедший дом! Как не знать... Вот сюда, через два дома и — во двор. Перед их крыльцом лошадка должна стоять...

Подкрепиться между рейсами.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Владимир КОЗИН

Но почему их дом — сумасшедший дом? — спросил я.

— Потому что нормальные люди работают для себя. А Галимзяновы на чужого дядю вкалывают. И вкалывают по-черному... Не понимаю их. Никто не понимает.

Вот такое было начало...

ОТЕЦ

«Не балуй, Орлик».— Он шагает в ногу с жеребцом, иногда треплет его за холку, теребит гриву. Орлику нравится, косит благодарно сливовым глазом на хозяина. Они идут с работы.

Асгат улыбается. Он вспоминает, как тыкались ему в коленки ребятишки, каким любопытством светились глазенки. В матовом блеске глазного яблока Орлика отражалась вся их пестрая группа. Те, кто постарше, выговаривали: «Дядя Асгат, покатай!»

Разве откажешь? Каждый раз рассаживает на тележке и — два круга по двору. Когда накатает всех, когда навизжатся ребятишки вволю, Асгат прощается. Выезжая из ворот Дома ребенка, обязательно оглянется: «Невеселый двор. Как поляна вытоптанная. Деревья надо бы...» И еще на памятник посмотрит: «Хороший памятник получился». Сколько раз Асгат видел во сне, будто Владимир Ильич присел около детей, а они гурьбой рядом, подняли глазенки, смотрят...

Почти двадцать лет прошло с того дня, когда Асгат Галимзянов впервые перечислил сто рублей на счет казанского Дома ребенка.

Вечером, помнится, слушал историю тещи своей, Камили Закировны, ее позабытое воспоминание о времени, проведенном в доме сирот сразу после революции в Царском Селе. А дальше скупой, почти неправдоподобный рассказ о том, как приехал в приют Ленин. Асгат тогда здорово разволновался... Вечером Асгат слушал историю Камили Закировны, а утром, не сказав домашним ни слова, пошел к директору Дома ребенка и предложил помощь: «Я понимаю, что государство всю заботу на себя взяло. Но мой взнос не будет лишним. Игрушек купите или еще чего...»

Дома о поступке долго не решался объявить. Поймут ли? Свои дети росли — Радик и Ляля... Через несколько дней признался. И благодарно улыбнулась, смахнув слезу, Камиля Закировна. И Роза — жена — молча кивнула, одобрив...

Сейчас Асгату пятьдесят второй год пошел. Сам он из села, но после армии остался в Казани. Работал в милиции, потом — шофером, слесарем, а последние восемь лет — возчиком одного из магазинов Бауманского райпищеторга. Оклад — 110 рублей. Недавно спросили его, сколько же он, Асгат Галимзянов, перевел на счета различных детских учреждений страны своих денег?

— Да, наверное, что-нибудь около ста тысяч,— ответил Асгат. И сам удивился: раньше как-то не думал об этой сумме. За последние шесть-семь лет немалые деньги перевел в Фонд мира, а после трагедии в Чернобыле на счет № 904 перечислил десять тысяч. Казанский Дом ребенка № 1 получил от семьи Галимзяновых помощь в различных формах на сумму, превышающую сорок пять тысяч рублей; солидную сумму перечислили на счет Ивановской интернациональной школы-интерната...

Когда впервые встретился Асгат Галимзянов с директором Дома ребенка и, переживая неведомую робость и смущение, предложил помощь, сам тогда понимал, как этого мало. И уже тогда подумал: что бы еще сделать, чтобы помощь была существеннее?

Решил выращивать свиней. Вырыл под полом конюшни, где ночевал Орлик, яму, обшил ее досками, и получился хлев. Купил поросят, кормил отходами. Рядом — рынок, там «даров природы», втоптанных в грязь, полным-полно, особенно в базарные дни. Дело давало немалую прибыль. Деньги, вырученные за мясо, практически полностью поступали на счет Дома ребенка: Асгат оставлял себе только на самое необходимое — на корм и покупку молодняка.

Но он считал, что и этого мало. И если долгое время не делал очередного взноса, то как-то неловко себя чувствовал, даже стеснялся лишний раз зайти к ребятишкам.

Однажды его чуть не разорили петушки. Новая была идея! Купил триста цыплят на откорм. А через месяц, окрепнув, птицы подняли такой гвалт, что соседи начали жаловаться во все инстанции. Пришлось вынести петушков на рынок, продать себе в убыток...

Тогда и появилась у Асгата мысль завести ферму в одном из городских тупиков на окраине. Добился разрешения в Бауманском райисполкоме. Вместе с сыном убрал с участка тонн тридцать мусора. Поставил сараюшки, сколотил кормокухню с печкой-буржуйкой и заключил первый договор на откорм бычков с одним из пригородных хозяйств. Бычков сдавал по закупочным ценам. Стоимость молодняка и кормов при окончательном расчете вычиталась. Остаток обычно выражался четырехзначной цифрой: он снова писал заявление о переводе этой суммы в одно из детских учреждений. Помогал теперь не одному Дому ребенка № 1.

Асгат не понимал — и сейчас не понимает,— откуда обрушилась на него лавина неприязни, глухого раздражения? Кому помешало его мясное «дело»? Противников было так много, что в пору растеряться. И опустить руки. Его донимали пожарная служба, санэпидстанция, райисполком (тот самый, который вначале «пошел навстречу»). Подозрительной для мещан «деятельностью» Галимзянова заинтересовались в ОБХСС и даже в уголовном розыске! Появилось «Дело № 2891». Итак, «идея активного добра» была зафиксирована в сотнях докладных, справок, протоколов. Понять правоохранительные органы можно: не был еще обнародован Закон об индивидуальной трудовой деятельности, и семейный подряд Галимзяновых казался чем-то из ряда вон! Но понять — только отчасти. Все вышеперечисленные радетели ничегонеделания, конечно же, знали, что за тяжелый каждодневный труд Асгат Галимзянов не имеет практически ни гроша. Всю выручку он отдавал и отдает другим — детям, а значит, и обществу.

Может быть, пугало бескорыстие?

Здравый разум утонул в мутном потоке логики обывателя: «Так не бывает!» Не бывает потому, что так не было? Или потому, что сомнение гложет душу завистника, дескать, Галимзянов своим делом всем глаза колет?

Асгат боролся. Он верил в силу разума. Он подчинялся закону совести. Он, этот закон, писан для всех, да не всеми почитаем, у многих как бы заплыл жирком собственного благополучия.

«Тут что-то нечисто,— сказал однажды следователь, вызвав гражданина Галимзянова в очередной раз в свой кабинет.— Нельзя при таком размахе дела где-нибудь не сшельмовать...»

Асгат спокойно смотрел в глаза ревнителя закона. Он ответил: «Когда мне было лет десять, я работал прицепщиком на уборке хлеба и принес домой два кармана зерна. Голодные были годы. Кушать хотелось. Отец у меня был инвалидом первой группы. Отец снял с гвоздя ружье и сказал про зерно: отнеси или я тебя застрелю». Вот и вся хитрость.

Лейтенант смотрел непонимающе. И Асгат подумал: «Он не знает, что такое горе и голод...»

Брать — этому учиться не надо. Отдавать — наука сложная.

И все время, пребывая в ежедневных заботах, по ходу нервотрепок из-за комиссий и вызовов в официальные учреждения «на предмет его деятельности», Асгат думал о памятнике для детей! Ленин присел рядом с ребятишками. И рука Ильича легла на вихрастую головку.

Куда только не ходил, какие только двери не открывал! Сначала встречали насмешливо: «Памятник? На ваши средства? Да вы представляете хотя бы, сколько это стоит?» Потом удивлялись: «Ленину? Да вы знаете, в каких инстанциях утверждать надо!»

Для всех он был чудаком. Для некоторых глупцом. Его мечта вызывала чаще всего усмешку, и ничего более: «Человек, который хочет подарить памятник городу...»

«Но почему нет?— огорчался Асгат.— Почему не имею права на свои деньги заказать и поставить монумент в Доме ребенка?»

Мечта не давала покоя. Добрые люди познакомили со скульпторами Радой Нигматуллиной и Виктором Рогожиным.

— Нельзя Ильичу?— вздыхал Асгат.— Надо такой придумать, такой памятник, чтобы... — От полноты чувств он разводил руками широко-широко.

Скульпторы мечту Асгата восприняли сердцем. Эскизы понравились «заказчику». Сегодня Асгат Галимзянов не любит вспоминать, чего ему стоило осуществить свою мечту. В самых высоких инстанциях «не понимали»! И тянули время, не утверждали, страховались. Почти три года.

23 февраля, в прошлом году, во дворе казанского Дома ребенка собрались сотни горожан. Виктор Рогожин и Асгат Галимзянов освободили памятник от белого полотнища. И собравшиеся увидели многофигурную композицию «Сказка»: воспитательница с книгой на коленях в окружении детей и персонажей из народных сказок...

Раздались аплодисменты. Люди заговорили — красивые слова! Среди поздравлявших были и те, кто не так давно показывал на чудака пальцем. Асгат незлопамятный.

СЫН

Когда сверстники звали Радика «прошвырнуться», он почти всегда отказывался: «Дело есть». Смеялись, обзывали обидно. Он отмалчивался. И даже улыбался, хотя часто слезы готовы были брызнуть из глаз. Радик шел к отцу и спрашивал: «Ну почему?»

Отец гладил по голове: «Глупые они, дорогой. Молодые еще, не понимают...»

— А взрослые?— не унимался Радик.— Ругают нас куркулями...

Приходила очередь смеяться отцу: «Зависть, может быть! Чужие рубли считать легче, чем свои... А завидовать — последнее дело».

Давно это было. Недавно Радику исполнилось двадцать пять. После училища стал помощником машиниста на тепловозе. Но случилась авария, и врачи запретили работать по специальности. Сейчас он, как и отец, возчик — в одном из роддомов города. Теперь, бывает, отца успокаивает он: «Ну что ты, папа, из-за людской глупости так расстраиваешься! Сам говорил, что трудно им поверить, чтобы мы не набивали карманы деньгами. Мы своего образа жизни не навязываем никому...»

Асгат гладил щеточку недавно заведенных усов.

Радик нынче главный помощник отцу. Его сподвижник. А помогал всегда, сколько себя помнит. И арбузы на рынке нанимался сторожить, и «яму» для поросят помогал копать. А в последнее время на ферме! Задает корм, чистит хлевы, навоз выгребает. Одному отцу не осилить бы.

Сын сидит на кормокухне, смотрит в окно — во дворе у конуры лениво развалилась собака-дворняга. Тихо на ферме, рева бычков не слышно: три дня назад последнюю партию отправили. Радику не по себе, пожалуй, впервые вот так вот сидит, сложа руки. А еще неделю назад такая круговерть была! Не присесть, успевай поворачиваться.

Радик закуривает и думает, что все-таки тесно бычкам здесь было. Сорок бычков! Теперь, кажется, будет просторнее: выделили место близко за городом, в заброшенном селе. Там и дворы для скота есть. Правда, обветшали без людского глаза. «Ничего,— рассказал мне Радик,— нас нынче трое. А там, глядишь, и еще кто-нибудь к делу прибьется. Отец говорил, что просится тракторист».

В последний год им легче стало. Дядя Талгат — брат отца — вошел в семейную бригаду. Дядя недавно и выдал идею: «Скоро бычков сдавать! Так давайте всем детям из Дома ребенка шубки на меховом комбинате закажем! Из натурального меха да на вырост. Хватит денег-то?» «Хватит,— согласился отец.— И верно. А я и не подумал, хотя никогда ребят в шубках не видел».

Еще вместе думали, где достать саженцы елок и берез. Посадить бы во дворе Дома ребенка!

— А весной птицы гнезда совьют,— сказал отец.— А то подарили канареек в клетках, а они не поют. Для детей надо, чтобы пели.

Радик вдруг вспомнил, как бегали они с отцом по магазинам, искали электрокамины. Дом ребенка тогда переехал в новое здание — на улицу Ямашева. Отопление не работало: где-то чинили трассу. Ни одна база не давала директору «грелки» за безналичный расчет. Как обычно, Радик с отцом заехали вечером в гости. Дети сидели в холодных комнатах в пальто и шапках. Электрокамины Галимзяновы купили утром следующего дня. За наличные — за свои. И установили во всех комнатах.

Радик вышел во двор. Долго смотрел на опустевшую ферму. Каждый гвоздь здесь забит его руками. Или руками отца. Каждая заплатка знакома. Бывало, вызывали на беседу в милицию: «Где материал берете?» «На дороге валяется»,— ответил тогда отец. И повез представителей власти показывать тарную свалку. Сколько ящиков бросают!

...Как-то сидели Галимзяновы всей семьей у телевизора. Начали передавать репортаж из Грузии — о стихийном бедствии.

— Отец, беда!

Молча прослушали сообщение. Потом за чаем решили перечислить восемь тысяч рублей в фонд помощи пострадавшим от стихийного бедствия.

Давно, еще в детстве, Радик услышал от одного соседа: «Меценаты! Лучше бы мне пятак на бутылку дали...» Глянул в словарь: «Меценат — богатый покровитель наук и искусства». И долго размышлял, прав сосед или нет? Спросил у отца. Но тот, видно, думал о чем-то своем и невпопад ответил: «Знаешь, сын, а мы науке еще не помогали...»

●

Сижу в квартире у Галимзяновых. Живут они просто, я бы сказал, скромно. Самая дорогая вещь — черно-белый телевизор. (Дому ребенка Галимзяновы подарили не один цветной.)

Асгат Галимзянович рассуждал:

— Меня часто спрашивают, почему не жалко нам денег? Зачем жалеть? Я сыт, одет, обут. А двадцать костюмов мне и не нужны. Деревья посадить около дома — вот красота!

Он покачал головой:

— Мне другое жалко. Сколько хлеба валяется в мусорных ящиках! Вот в чем наше общее сумасшествие! Вот в чем. Это хуже воровства. Мы же люди!

Ни словом он не обмолвился во время нашего разговора о своих бедах. Мала квартирка Галимзяновых. Тяжело больна жена. Асгат видел, с каким удивлением я осматривал его жилище: «Обещают. Который уже год».

Побывал в Москве на учредительной конференции Советского детского фонда, там увидел, как много людей, которые болеют душой о других, которые живут не только для себя!

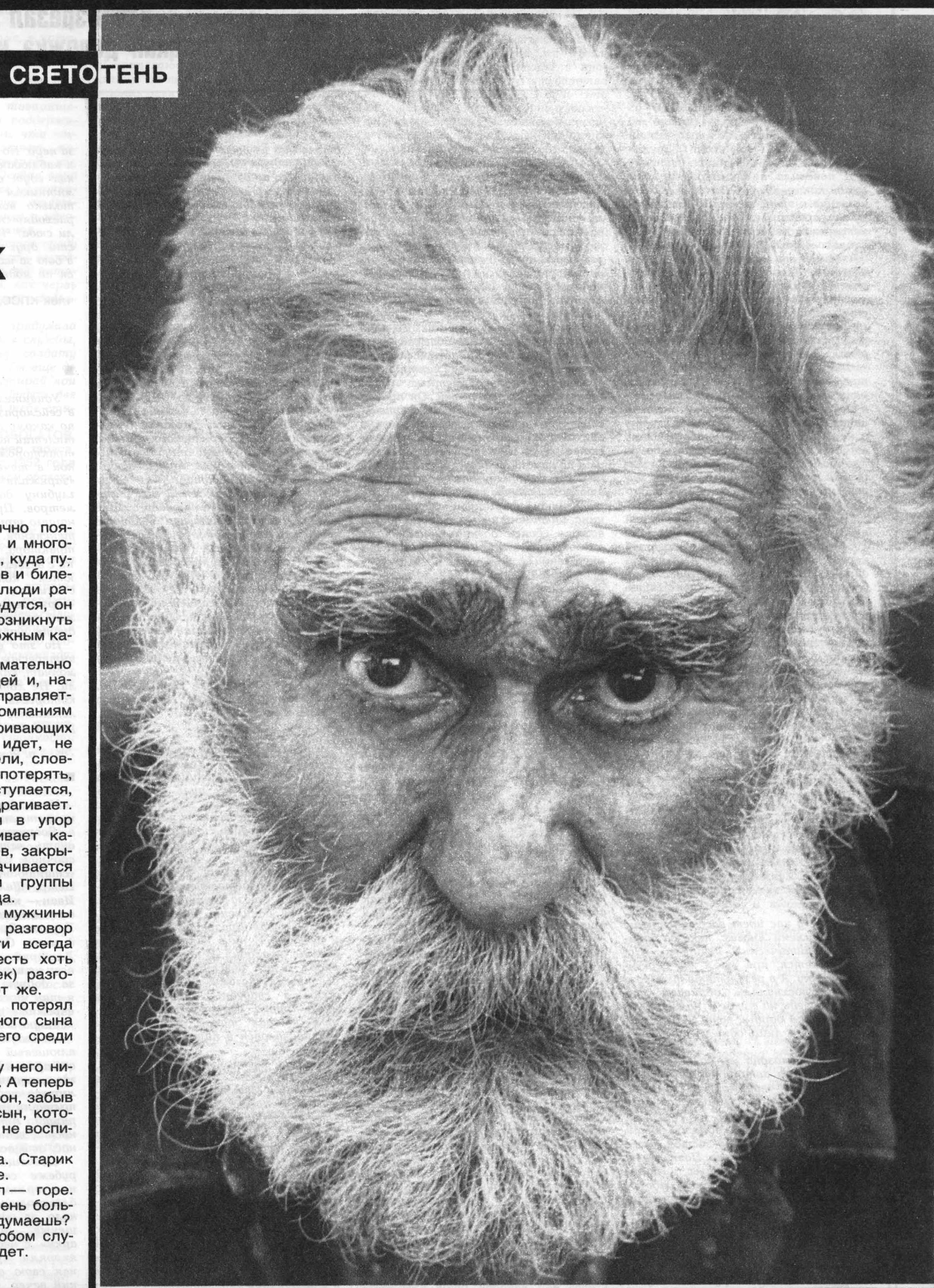
Я попрощался с Асгатом Галимзяновичем Галимзяновым. Он, провожая меня, показал «то место», где выращивали в подполе свиней. Смешно сейчас! А тогда не до смеха было...

Указом Президиума Верховного Совета СССР А. Г. Галимзянов награжден орденом Трудового Красного Знамени. Государственный человек он, этот индивидуалист.

СВЕТОТЕНЬ

СТАРИК

Юрий РОСТ

Старик этот обычно появляется на шумных и многолюдных праздниках, куда пускают без пропусков и билетов. Потом, когда люди разойдутся или разъедутся, он исчезает, чтобы возникнуть в новой толпе тревожным каким-то мотивом.

Он долго и внимательно рассматривает людей и, наметив маршрут, направляется к небольшим компаниям мужчин, разговаривающих между собой. Он идет, не отрывая глаз от цели, словно опасаясь ее потерять, и поэтому часто оступается, и голова его вздрагивает. Приблизившись, он в упор и молча рассматривает каждого и, рассмотрев, закрывает глаза, поворачивается в сторону другой группы и отправляется туда.

Оставленные им мужчины всегда начинают разговор о старике, и почти всегда (если среди них есть хоть один новый человек) разговор этот один и тот же.

— Говорят, он потерял в войну единственного сына и много лет ищет его среди людей.

— Нет, говорят, у него никогда не было сына. А теперь пришла старость, и он, забыв это, ищет, где его сын, которого он не растил и не воспитывал.

— Какая разница. Старик ищет, и у него горе.

— Если сын был — горе. Если не было — очень большое горе. Ты как думаешь?

— Я думаю, в любом случае он уже не найдет.

О сыновьях ошибок трудных ●
Кто изрезал «Покаяние» ●
Сладкая дорожка к проходной ●

■

Я поверила в перестройку после того, как увидела «Покаяние». Отношение к этой теме у меня особое, культ проехал по моей семье всеми четырьмя колесами, разрушив несколько судеб и отняв несколько жизней. Я знала правду, но не могла об этом говорить. И в школе вынужденно повторяла формулировку «отдельные нарушения» социалистической законности. Это было горько. И вдруг этот фильм, в котором для меня все понятно, ибо в нем все, как в жизни.

Фильм Абуладзе удалось посмотреть год назад. Шел он на экранах центральных кинотеатров недолго, а через некоторое время его стали показывать в небольших залах, но в каком виде?! Как «Покаяние» шло вторым экраном в Перми, не знаю, но про Тюмень расскажу. Из фильма вырезали сцену с бревнами, прием интеллигентов в саду, очередь к окошку в тюрьме, сцену в храме, сократили сцены допроса, сна о преследовании героев, посещение тираном дома художника... Это далеко не полный перечень. О «редактуре» можно судить по тому факту, что сеанс двухсерийного фильма длился чуть больше часа. И, конечно же, набор не связанных между собой картинок смотрел полупустой зал. Люди вставали посреди сеанса и уходили, не понимая, о чем идет речь. И второй раз они на этот фильм не пойдут, и друзьям отсоветуют.

В связи с этим у меня вопрос: если во времена застоя «резать» приказывало начальство, то интересно, кто «резал» сейчас? Может, сам Абуладзе или Тюменское управление кинофикации? А может, киномеханик ручку приложил?

М. В. БЕЛКИНА,
врач, 28 лет
Пермь

■

Сейчас у нас идет восстановление доброго имени многих, некогда гонимых политических деятелей. Но, мне кажется, при этом мы перегибаем палку. А в результате тех, кого раньше восхваляли, обливаем грязью. Но ведь на пути к коммунизму нет торной дороги, есть множество тропинок, и лишь одна из них ведет «к храму».

Рано или поздно мы должны были пройти через авторитарный стиль руководства, через культ Сталина. Мы осудили этот стиль и добились улучшения жизни.

Рано или поздно должны были пройти и через период застоя, даже если б не было Брежнева. Поэтому не стоит искать виноватых и поливать грязью имена Сталина, Жданова, Брежнева и других. На ошибках учатся, а не отрекаются от них. Их совершили на пути неизведанном.

Сталин, Бухарин, Хрущев, Брежнев — это наши учителя. Наш «опыт, сын ошибок трудных». А учителей надо поминать добрым словом.

Р. Б. МАТВЕЕВ,
студент
Бийск Алтайского края

■

Недавно один из уроков истории в нашем классе превратился в дискуссию о культе личности. Поэтому спор разгорелся жаркий. Кто-то вспомнил «иудушку Троцкого», кто-то назвал Сталина человеком, который полностью очистил партию от оппортунистов, но постепенно выяснилось, что мы имеем крайне смутное представление о тридцатых годах.

Что мы знаем о Сталине? То, что он был человеком несгибаемой воли, что он был бесстрашным революционером. Он очищал партию от врагов, но сколько честных людей «спутал» с троцкистами. Он привел наш народ к победе в Великой Отечественной войне, но безжалостно обезглавил командный состав Советской Армии. Не поэтому ли враг дошел почти до Москвы? Но не потому ли мы и победили, что солдаты шли в бой «За Родину, за Сталина!»? А может, люди, испуганные смертью Ленина, инстинктивно пошли за новым вождем, боясь остаться сиротами в огромном капиталистическом окружении?

Вопросов много. Но почему-то всюду пишут о жертвах репрессий, но не объясняют, почему Сталин стал таким, что привело его к этому. Что?!

А мы хотим, мы должны знать это. Про нас говорят, что у нас нет своего идеала, что мы потому ни во что не верим, что на наших глазах всех разоблачают. А мы верим, только не во всем можем разобраться. Так помогите нам в этом!

Лена СЕМЕНОВА,
ученица 9-го класса
п. Нюрба Якутской АССР

■

Юбилей великого ученого В. И. Вернадского отмечен общественностью всей нашей страны. Достаточно места этому событию уделено и в вашем журнале (№ 11), где и я, как автор одного из материалов, сам принимал участие.

Однако после юбилея следует высказать несколько недоуменных соображений.

В дни юбилея официальными лицами сказано немало высоких слов о В. И. Вернадском. Но, к сожалению, дела далеко не всегда соответствуют этим словам.

Судьба наследия ученого, по крайней мере до последнего времени, не очень радужна. Дом, в котором он жил после 1934 года в Дурновском переулке, в связи с реконструкцией Калининского проспекта разрушен. Другой дом, который принадлежал сестре его жены и где он проживал в 1912—1934 годы, еще в 1984 году был передан Моссоветом в аренду Институту литосферы АН СССР для размещения в нем экспозиции, посвященной этому великому человеку. Однако за трехлетний период бесплодной переписки здание не только не реставрировано, но даже не подверглось восстановительному ремонту для обеспечения сохранности деревянного каркаса. Кабинет-музей В. И. Вернадского, созданный на основе его кабинета в разрушенном доме в Дурновском переулке и состоявший из двух комнат, сокращен почти вдвое. Оставшееся помещение стало проходным, и лишь требования пожарной инспекции ликвидировали это совершенно ненормальное положение.

Очень жаль, что именно в дни юбилея дело дошло до того, что Московское городское общество ВООПИиК подало в прокуратуру Москвы материалы о привлечении к ответственности арендатора дома Вернадского (памятника архитектуры начала XIX в.) — Института литосферы АН СССР — за халатное пренебрежение к своим обязанностям и нарушение статьи 54 Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

В постановлении Совмина СССР было сказано об издании произведений В. И. Вернадского. Однако вместо этого были опубликованы лишь его избранные произведения, замечательная работа «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» была опубликована лишь в 1965 году, т. е. спустя двадцать лет после его смерти, а другая книга — «Размышления натуралиста» издана с большими купюрами. Лишь недавно в журнале «Век XX и мир» помещена часть той же книги без купюр, которые касались, как правило, чисто моральных аспектов научной деятельности. Лишь в этом году в издательстве «Наука» предстоит выход той же работы целиком, без купюр.

А. В. БЫХОВСКИЙ,
профессор

■

Однажды приехала ко мне в гости боевая подруга — бывший санинструктор. Эта женщина во время войны под градом пуль и осколков вытаскивала с поля боя тяжелораненых. Был среди них и я. С тех пор и дружбу поддерживаем. На этот раз приехала она с внучкой, и мы решили пойти в Мавзолей. Очередь — огромнейшая. У заграждения я показал удостоверение Героя Советского Союза милиционеру. Тот, проверив документ, взял под козырек, но пройти разрешил только мне и ребенку. И ни в какие объяснения больше не входил. И пока мы стояли рядом с ним обескураженные, мимо быстрыми шагами прошли молодожены в свадебных костюмах, за ними группа сопровождающих. Потом вторая такая же нарядная группа человек в пять. Потом третья.

Черные костюмы, белые платья, цветы в руках... Им можно! А мне провести в Мавзолей к Ильичу героическую женщину — солдата Великой Отечественной — нельзя! Нервы у меня, многократно раненного и дважды контуженного, не выдержали, я заплакал. И мы ушли.

К Вечному огню в Александровском саду нас пропустили. И там мимо нас шли молодожены с группами сопровождающих. «Кто же это придумал? — подумал я.— Почему в самых святых для всех советских людей местах теперь обязательно надо показаться в день свадьбы, а порой и с улыбочкой запечатлеться на фотографии? И что это — новый ритуал или модное веяние?»

И если бы я был одинок в своем возмущении, то стоило ли браться за перо. Но так думают очень многие и наблюдают, как в городах и поселках едут свадебные кортежи к памятникам и вечным огням... Вот только вскоре многие молодожены расходятся. Зачем же они приходили сюда? Чтобы дать клятву верности друг другу и героям, павшим в бою за их счастье? Или прогуляться по модному маршруту?

И. И. ПОЛИКАХИН,
член КПСС, персональный пенсионер союзного значения
Железнодорожный

■

Удивительные чудеса творятся в сейсморазведке. Сужу об этом вот по какому примеру. Около двух десятилетий назад три человека с одним трактором и одной буровой установкой в течение одного рабочего дня «заряжали» тридцать скважин на глубину до двадцати — тридцати метров. Прошло время. Технология нашего труда стала называться интенсивной. Теперь уже четыре трактора, четыре буровые установки с вездеходом в придачу обслуживаются коллективом в двадцать с лишним человек. И вся эта армия «заряжает» те же тридцать скважин на глубину в десять — пятнадцать метров.

Но это еще не все чудеса. Самое интересное то, что все видят, но молчат, как будто в рот воды набрали. Не хотят ворошить бумаги, за которыми даже не прячется коллективное жульничество и очковтирательство.

Г. Н. РОЖКОВ
п. Романовка Саратовской области

■

Меня, думаю, не заподозрят в некомпетентности — прослужил в Вооруженных Силах СССР тридцать лет, из них более пяти — срочной службы. Вспоминаю моих «старичков» наставников: Козлов Петр, Шелконогов Юрий, Родионов Иван — комсорг эскадрильи, Мордкович Зельман — парторг эскадрильи, Борисов Эрминингельд, Мосьпан Владимир, Степанов Иван, Симонов Дмитрий, Ковалевский Григорий — всех не перечтешь, низкий поклон им за добрую поддержку, в которой я так нуждался, она обеспечила мои скромные успехи и определила дальнейшую жизнь.

Не подумайте, что в полк прибыл плюшевый пай-мальчик, к которому все прониклись любовью. Были и тогда «шутники», любители поглумиться над неопытностью, но они получали отпор от своих же товарищей. Атмосфера доброжелательности, взаимовыручки царила среди нас, это осталось на всю жизнь!

«Дедовщина» пришла позднее, на рубеже семидесятых годов, когда и в армии насаждалась видимость благополучия, внешний эффект! Бывало, за одну ночь возводились крашеные заборы, «триумфальные арки» с несусветными атрибутами, якорями, крыльями и т. д. Вспоминая свою службу, утверждаю: редкий вечер, когда в казарме не появлялся командир эскадрильи, другие офицеры, и появление их не носило инспекционный характер, они с нами проводили время.

Прошло время, офицеры стали очень «занятыми». В подразделения стали назначать по очереди «ответственных». Такая форма «ответственности» совершенно не влияет на положение дел в казарме, в которой, кто «старше», тому и привилегии.

Было бы неверно облыжно всех охаивать. Есть части, подразделения, где дух войскового товарищества свято хранится и поддерживается. Но надо признать, что «дедовщина» существует, живет, повинны в ней в первую очередь мы, офицеры, воспитатели. Особая вина на многочисленном корпусе политработников, которые несут ответственность за нравственное и идеологическое воспитание воинов.

За годы застоя в армейскую среду проникли элементы показухи, парадности, угодничества, это та питательная среда, в которой, как червь в навозе, вольготно живет «дедовщина».

Чья-то неумная голова придумала нашивки на рукава по годам службы, вот и тычут молодому солдату в нос две лычки, смотри! Ты еще до этого не дорос! Поэтому стирай мои портянки. Когда у тебя будет две нашивки, придут те, кто тебе стирать будет...

А. С. СКОРОБОГАТОВ,
майор-инженер запаса,
член КПСС с 1952 года
Светлогорск Калининградской области

■

Вызывает недоумение, почему не переиздается выпущенное в 1966 году издательством «Советская Россия» произведение одного из старейших писателей страны Б. А. Дьякова «Повесть о пережитом». Это произведение переписывают от руки, а на черном книжном рынке за него запрашивают 100 рублей. Неужели работники Госкомиздата не могут до сего времени уяснить, что они сами, хотят или не хотят, но активно плодят ряды спекулянтов?

«Повесть о пережитом» — произведение о мужестве, стойкости большевиков-ленинцев в тяжелые, горькие годы репрессий.

На запросы читателей из Госкомиздата идут стереотипные ответы, что, дескать, недавно выпущен автобиографический роман Б. А. Дьякова «Пережитое» и там есть главы из «Повести о пережитом». Но это два совершенно разных произведения, и бюрократические отписки Госкомиздата не могут удовлетворить массового читателя, который ставит «Повесть о пережитом» значительно впереди многих нашумевших книг.

Автобиографический роман «Пережитое», изданный 100-тысячным тиражом, спустя 3—4 дня после выпуска в свет продается на книжном рынке по 40 рублей, видимо, здесь оперативно откликаются на массовый спрос. Доколе же будем кормить спекулянтов?

Б. П. СОЛОВЬЕВ,
председатель бюро секции художественной литературы историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

■

Все, кто сегодня ударился в создание кооперативов, называются инициативными людьми. Но напрашивается вопрос: где они со своей инициативой были раньше? Почему они, работая на фабриках, заводах, в колхозах, совхозах, учреждениях, были безынициативными, не старались работать качественно и производительно. Но вышел Закон об индивидуальной трудовой деятельности, и, как клопы, повылазили из всех своих щелей всякого рода «умельцы».

Давно ли шумели на всю страну процессы о ростовских торгашах, спекулянтах и взяточниках, которые на умело создаваемом дефиците снимали многотысячные всходы и припеваючи жили в свое удовольствие. Не получится ли и с кооперативщиками подобное? Где брать материалы? Вот на Буденновском проспекте появились в продаже крышки для консервирования продуктов стоимостью ни много ни мало — по гривеннику каждая крышечка. Государственная стоимость — 3 копейки. Если крышки сделаны в кооперативе, то где берутся пищевое железо, пищевая резина и сделаны ли они в свободное время, а если они украдены, что всего вероятнее, то почему такая баснословная цена. Не спекуляция ли это?

На улицах нашего чудесного Ростова, в центральной его части, появились барахольщики, бойко торгующие низкопробной кустарщиной с фальсифицированными наклейками и этикетками зарубежных фирм, с американскими и немецкими орлами. А я помню, что даже в тяжелейшие послевоенные годы, когда все покупалось на «толкучках», ни один советский кустарь-одиночка не ставил иностранного клейма. Он гордился своей продукцией, и ставил личное клеймо. А что сейчас?

Под броскими заголовками на страницах газет все чаще стали появляться статьи в защиту кооперативов и кооператоров, работающих во имя собственного кармана, а не на благо советского человека, ибо как объяснить, почему порция мяса «по-капитански» в кооперативном кафе стоит 4 рубля 98 копеек.

Надо сейчас показать всем подлинную правду перевоплощения этих людей, чтобы в будущем избежать газетных статей: «А где мы были раньше?»

В. П. КОМАРОВ,
секретарь партбюро треста «Южтехмонтаж»
Ростов-на-Дону

■

Мне 25 лет, второй год преподаю в школе немецкий язык. Бывая в лагерях «Спутника», встречаясь со своими сверстниками из зарубежных стран, я каждый раз поражался тому, как много иностранных языков они знают. Когда я обращаю внимание на этот факт своих товарищей, мне говорят: страны у них маленькие, им без этого не обойтись. А нам можно «обойтись»? Но я хочу говорить не о системе преподавания иностранных языков в школе. Трудно придумать что-либо более глупое, чем оставить в старших классах по одному уроку иностранного языка в неделю и, когда школьники основательно забудут то, что учили в предыдущие годы, заставить их сдавать в 10-м классе экзамен. Я о другом хочу сказать. На вопрос, как они учат иностранные языки, мои зарубежные сверстники в числе прочего называли просмотры фильмов на языке оригинала, где вместо дубляжа используют титры внизу кадров. Естественно, это помогает познавать язык, ведь слышна живая речь.

А мы старательно дублируем многие годы фильмы. Они выходят на экраны страны с огромным опозданием, при этом лишают нас возможности насладиться голосами прекрасных актеров. Я предлагаю отказаться от дублирования фильмов и прямо с этого года перейти на систему титров для того, чтобы советские люди имели возможность слышать живые голоса звезд, попутно совершенствуя свои познания в иностранных языках.

В. ПОПОВ
Киров

■

Отгремели споры об издании знаменитых русских историков. Их издают, но мизерными тиражами, потому что, как нам объяснили, не хватает бумаги. В то же время журнал «Москва» печатает с продолжением «Историю государства Российского» Карамзина. Ведь это же абсурд: литературно-художественный журнал печатает классический труд. Не разумнее ли (риторический вопрос!) на той же бумаге, пусть без переплета, издать Карамзина отдельно, а не с нагрузкой, как это делается в журнале «Москва». Мы так привыкли к этой нагрузке, что и не замечаем ее. А если и замечаем, то только посмеиваемся. В книжном магазине сборник пьес М. Булгакова идет со сборником статей «Театр... Время перемен», а в сельмаге пузырек одеколона идет с банкой хрена. Не так ли, если отбросить лукавство, «идет» Карамзин с современными авторами. Я, как и многие другие читатели, готов воскликнуть: «Ладно! Пусть хоть так. А то и вообще негде прочитать будет».

Впрочем, после драки кулаками не машут. Здесь уже ничего не изменишь. Этот казус останется в истории издательского дела. Но ведь и другие журналы могут взять пример с «Москвы».

А. В. ТРУНИН
с. Кольцово Калужской области

■

Восемнадцатилетней девчонкой пошла я работать на сахарный завод. И была поражена, когда увидела массовое воровство. Стала возмущаться, но через три дня в конце смены девчата насыпали мне целую сумку сахара, чтобы я не была белой вороной. С тех пор старалась каждый день насыпать. Спросите, почему не противилась? А как? Ведь вся смена в обеденный перерыв, когда начальство уходило пить чай, бросалась на сушку, чтобы затариться.

Для того, чтобы воровали меньше, вместе с охранниками вставали на вахту коммунисты. Но стоило им уйти на перерыв, как снова вытягивалась муравьиная дорожка к проходной.

Так было много лет. Но и сейчас, в период гласности и демократизации, кое-что остается по-старому. Слишком много пассивных людей, одни чего-то выжидают, другие боятся потерять насиженное место. А кто же правду скажет?

О. И. ЕРЮКОВА
Венев Тульской области

■

Основным девизом перестройки, как я понимаю, является: «Больше социализма!» Поэтому предлагаю прекратить выпуск всевозможных лотерей и спортлото, как не отвечающих основному закону социализма — каждому по труду. Играя на желании людей обогатиться, не прикладывая труда, организаторы лотерей хотят получить прибыль, также ничего не создавая.

С другой стороны, я приветствую создание всевозможных фондов помощи, участие в которых возвышает души людей. И не надо изобретать новых форм, достаточно выпускать цветные открытки, посвященные, например, зоопаркам, стоимостью 50 копеек. Открытки красочные с соответствующим текстом — это честнее, чем лото, удобнее, чем сберкассы. И привлекательнее.

А. П. МАЛЫШ,
инженер
Рязань

■

В «Книжном обозрении» № 9 от 26 февраля этого года опубликован материал, вызвавший радость многих читателей. Речь о том, что Госкомиздат планирует межиздательскую «Библиотеку советского детектива». По замыслу издателей, читатели должны не только сами назвать 25—30 авторов, которых они хотели бы видеть в новой серии, но и решить, быть ли «Библиотеке» подписной, выходить в мягкой или твердой обложке, какой иметь тираж, какой формат.

Слов нет: сам по себе это демократический способ, призванный на деле поставить книгоиздательство в прямую связь с читательским спросом. Но... «Подумать и предложить свой вариант желаемого состава «Библиотеки» вам поможет список...» Далее следует с полсотни авторов, за каждым из которых от одного до шести произведений. Сразу скажу: спорить о правомерности включения в этот перечень тех или иных имен и названий я не намерен, ибо о вкусах не спорят. Под самый конец издатели оговариваются: «Разумеется, можно рекомендовать и книги, которых нет в списке». Но мы-то знаем, как нелегко прививается демократический образ мышления в нашем сознании. С фразой «Принять за основу!» мы, кажется, родились...

О вкусах не спорят, их изучают. Я считаю, что читатель не должен больше выбирать из того, «что дают», настало наконец время, когда читатель должен сам формировать пресловутые «обоймы». Раз уж мы лишены возможности (в силу недостатков нашего книгопечатания) определять спрос самым простым и распространенным в мире способом — издавать то, что покупают, и столько, сколько покупают,— то давайте хотя бы изучать его (спрос) наиболее отвечающим читательским интересам образом. Лиха беда начало! А вдруг Госкомиздат в будущем всю свою работу переведет на такой вот новый лад? Тем более не хочется, чтоб первый блин — комом.

Предлагаю опубликованный перечень принять не за основу, а за образец. Не разрешить читателям при особом желании что-то добавлять к нему, а попросить их максимально широко высказать свое мнение. Для этого надо бы оговоренный срок отправки писем продлить с 1 апреля как минимум до 1 мая. Потом опубликовать сводный список всех предложений и выбирать уже из него.

Вот тогда, быть может, «Библиотека советского детектива» предстанет перед нами во всем стилевом и хронологическом разнообразии. А пока, к примеру, я не нашел среди перечисленных в газете авторов ни классика приключенческого жанра А. Насибова, ни зрелого, активно работающего сейчас Н. Леонова, ни молодых (что особенно обидно!) писателей Л. Млечина, Н. Псурцева, С. Устинова. Кого еще упустили? Не знаю. Знаю лишь, что этой «Библиотеки» ждали долгие годы. Так стоит ли сейчас делать ее впопыхах?

Георгий ВАЙНЕР

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14

Станислав РАССАДИН

...ВСЕ РАЗРЕШЕНО?

Критиковать — значит объяснять автору,
что он делает не так, как делал бы я, если бы умел.
Карел Чапек

Лет двадцать с лишком тому назад скромная эрудиция читателей нашей журнальной поэзии испытала шок. В журнале «Октябрь» (той его мрачноватой поры, что теперь вспоминается как «кочетовская») под именем «Василий Журавлев» было напечатано стихотворение, многих заставившее предположить у себя явление галлюцинации:

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

Да! Знаменитое, классическое, ахматовское — из 1915 года...

Курьез тут же был изобличен «Известиями», а после даже увековечился Краткой Литературной Энциклопедией, томом пятым, статьей «Плагиат», где Журавлев и вошел наконец в историю между «неким Ногтевым», обокравшим Пушкина, и (шутка сказать!) самим Дюма-отцом, также согрешившим по этой части,— словом, с точки зрения морально-юридической все прояснилось и определилось.

Есть тут, однако, еще одно обстоятельство.

Стихотворец, пойманный на месте, повинился печатно, объяснив, что когда-то переписал ахматовские стихи, а годы спустя нашел и принял за собственные, после чего и опубликовал, **слегка исправив.**

Объяснение было таким простодушным, будто перепутались не стихи, а галоши. Но речь не о простодушии. Речь об исправлениях.

Каюсь: я передернул, приводя стихотворение. Не хватило духу дать его без предупреждения в увечном виде, а оно именно изувечено, даром, что всего двумя взмахами ножа. Было: «...Шумят деревья весело-сухие». Стало: «...Шумят в саду кустарники нагие». Было: «...И дома своего не узнаешь». Стало совсем умилительно: «...Идешь — и сам себя не узнаешь». Было: прекрасно. Стало: никак.

Сменить трепет «весело-сухих» деревьев, веселых, может быть, потому, что — уже — сухие, принадлежащие предвесенней поре, когда снегопада не ждут, снег слежавшийся, «плотный», а время дождей еще не пришло, сменить это на нагие кустарники, ничего не значащие, может, зимние, может, осенние — это постричь строки под нуль. А правка вторая? «...И сам себя не узнаешь»? Да что рассуждать, если это уже не Ахматова, это Агния Барто: «До того я стал хороший — сам себя не узнавал!»

В общем, будто каток асфальтовый прошелся по стихам, сровняв их до... Чуть не сказал: до среднего, дескать, уровня,— но бывает ли он, возможен ли он в поэзии?

Само по себе это понятие вовсе не уничижительно — даже в применении к искусству (и уж тем более в наших условиях поголовного непрофессионализма, когда ремесленной литературой называют, думая, что обругали, такую книгу, где ремесло, рукомесло и не ночевали). Без малейшего отвращения представляю себе никак не больше, чем среднюю книгу прозаика, в которой отсутствие индивидуальности и недостача таланта (ну, не дано, что поделаешь?) хоть отчасти да возмещены то ли неким необщедоступным знанием, то ли новооткрытием проблемы — да мало ли чем еще? А в поэзии... Нет, нет! Личность весьма среднего качества, посредственность — привлечет ли нас этакое там, где человеческая неповторимость и есть главнейший критерий? Кому любопытна в поэзии усредненная, стало быть, и все вокруг себя усредняющая сила? Стоит ли ей вообще браться за перо ради самовыявления и самоутверждения?» Впрочем, стоп. Последний вопрос, к сожалению, глуп или по меньшей мере наивен. То-то и беда, что — берутся, и тем ретивее, что заурядность и бесталанность сомнения, как правило, не подвержены. А уж взявшись, насаждают повсюду — да вот хоть и в ахматовском стихотворении, подвернувшемся под руку,— свой уровень. Средний? Нет, именно никакой. Уровень воинственной примитивности — она ведь невоинственной не бывает, ибо к созиданию неспособна.

Для меня история журавлевского плагиата — вроде как притча. Или учебный стенд, на котором все так наглядно. Вдумаемся! Как бы ни ненавидел Журавлев Ахматову, уж эти-то ее стихи он принял за собственные, их-то калечить ему никакого резону не было — ан и тут рука потянулась «исправить», испошлить, изгадить. Вот что за неотвратимая сила!

Но это еще идиллия. Так ли коверкают, таким ли катком проходятся по живому, когда это живое чужое?..

Свежая «Литгазета», № 12, «Куда ведет «ариаднина нить»?», статья Татьяны Глушковой *, и всякий, кому хоть чуточку ведом нрав критикессы, уже в заглавии может почуять грозу и угрозу. «Куда ведет?..» А, может, куда заводит? (Тем паче, что после выяснится: «ариаднина нить» не что иное, как огоньковская антология под редакцией Евтушенко, с точки зрения Глушковой, злокозненная.) В общем, чур меня, чур!

Предвзятость, однако, отнюдь не из читательских добродетелей, и потому пристыженно радуешься, увидав, что суровый автор все ж доступен простым нашим нынешним радостям: «Воскрешение имен Н. Гумилева, Г. Иванова, В. Набокова, Вл. Ходасевича, как и обнародование доселе скрытых страниц М. Булгакова, А. Платонова, Н. Клюева, А. Ахматовой, М. Кузмина, Е. Замятина, Б. Пильняка и других,— своего рода праздник литературы...» Это первая фраза статьи, и в ней даже оговорочку «своего рода праздник» (то есть: да, праздник, но вроде и не вполне) благодарно проглатываешь, торопясь примкнуть и к последующему заявлению: что эти богатства, эти дары «требуют духовного, а не бездумно-заздравного лишь отношения, ждут суда с точки зрения многовековой культуры».

* Не только она, но и разумный, хороший полемический ответ Евгения Сидорова — однако я сейчас не продолжаю полемику. Для меня важнее другое: попытаться набросать как бы портрет того типа сознания, что уникально представлен статьей Глушковой.

А как же! Разумеется, ждут, все, конечно, требуют, больше того, заслуживают именно такого суда — «с точки зрения многовековой культуры», но вот загвоздка. Пока начинаешь робко прикидывать: кто-де возьмет на себя сверхсмелость занять эту точку зрения да не есть ли она, эта самая точка, достояние Истории, как вдруг примечаешь: смельчак-то сыскался. Вакансия занята. И на «празднике» начинает безотлагательно пахнуть скандалом.

Усыпив нас, простофиль, вступительным благодушием, Глушкова меняет тон на сухо-презрительный: «...Я поведу речь именно о средствах нынешней литературной пропаганды — величальных комментариях и горячке «победных» выводов о превосходстве пролежавшей под спудом литературы над всей прочей». А хлестче всего достается величающим «четверых» — Ахматову, Пастернака, Мандельштама, Цветаеву да заодно и самой четверке. Ибо — вы только подумайте, а, подумавши, ужаснитесь, до чего ж распоясались эти хвалители: «великий русский поэт Мандельштам» (кошмар!), «великий поэт Цветаева» (караул!)... ну и так далее.

Дело-то не новое. Вспоминаю: «Политическая его реабилитация не есть повод для захваливания его как писателя» — это об Артеме Веселом: радуйся, мол, что «простили» посмертно, а уж на большее — ни-ни! Или — о Павле Васильеве, который, по суждению критика, погиб-то, может, и рановато, но как о поэте о нем жалеть нечего: о Васильеве, видите ли, «стали поговаривать как о русском советском поэте незавершенных возможностей». Так-то. Только-только после XX съезда невинную кровь признали невинной, как встрепенулись тогдашние сторожевые: ах, не переребилитировать бы! Ах, только б без крайностей, без издержек! Чтоб не нарушился заведенный отсчет ценностей, не потускнели сталинские медали...

Это не архивные разыскания — беру чужие страшноватенькие цитатки из собственных старых рецензий, печатавшихся в 60-х в журнале Твардовского. Так что, когда нам и нынче твердят, имитируя благородную озабоченность: «хорошо, что напечатали, но... гласность — это чудесно, однако...» — не надо ни удивляться совпадениям, ни надеяться, что прошлые уроки всем впрок. «Механизм торможения» на редкость однообразен и нехитер — возможно, по причине своей серийности он, увы, и не дает желанных для нас сбоев.

Надежность этого механизма в том, что он своей упрощенности не стесняется. Ему кол на голове теши, ему доводы, факты, а он... К примеру, среди того, чему мы наконец выплачиваем дань,— великая роль «Нового мира», **того,** затоптанного и уничтоженного. Но это — мы. «А я считаю, что в общественной жизни участвовали одновременно и «Новый мир», и «Октябрь» (Анатолий Ланщиков, «Литгазета» № 4).

Вообще-то, конечно, «одновременно». Правда, один строил, другой разрушал...

Уравниловка — вот, так сказать, Смердяков демократии; катком по живому — вот ее, уравниловки, идеал, а если удастся, то и результат (чтобы не отличить, где Ахматова, где Журавлев, где «Новый мир» Твардовского, где кочетовский «Октябрь»). И в статье Глушковой, о которой нам еще рано забыть, все это предстает, быть может, особенно страшно, кроваво — потому что статья бьет не по общим проблемам и суммарным явлениям, когда даже инсинуацию можно — отчего бы и нет? — объявить концепцией («а я считаю...»), но по тому, что действительно кровоточит. По людям.

Юрий Карякин писал, что знает людей, в ранние годы видавших Цветаеву, но по сей день совестливо мучающихся за ее смерть; Белла Ахмадулина сказала, в общем, то же: **«Людям трудно,** они страдают из-за Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама...» — и можно ль найти нечто, говорящее против этих людей, против их возвышающего сострадания?

Можно. Все можно.

«Поле страданий людей не вымерить рекламным оплакиванием **избранных.** (Или — «пантеона **отборным** мучеником», как еще ядовитее съёрничает Глушкова.) Довольно вспомнить: когда в Елабуге **(в августе 1941 года)** кончила жизнь не нашедшая «понимания» поэтесса, «момент отчаяния» **превозмогала вся страна,** и «нерешенный, **висящий вопрос** жизни или смерти... **над Россией** заслонял» в глазах каждого патриота «все другие предположения», чувства, обиды».

«Страшно перечесть...» Чему это столь непримиримо противопоставлен здесь патриотизм? Да, мы еще не разучились читать черное по белому: способности сострадать всякой отдельной судьбе. То есть тому, что человека отличает от нелюди.

Гипотетический «патриот», каковой, согласно Глушковой, обязан быть глух к цветаевской смерти или по крайней мере не сострадать ей самой по себе (на всех, мол, не напасешься),— чудовище. По счастью, в самом деле из гипотезы, из алхимической колбы. А сама Цветаева здесь не великий поэт... Да это — ладно!.. Не исстрадавшаяся женщина, не живая душа, по одной по этой причине взывающая к сочувствию, а — **щепка.** Из тех, что будто бы и должны лететь, когда рубят (вернее сказать, вырубают) лес.

Безнравственно? Кощунственно? Да, да, вероятно, и это... Но отчего-то избегаешь патетики. Может, оттого, что и цели автора статьи... ну, скажем, прагматичнее.

Понять великую душу непросто. Восхититься ею необходимо. Не для нее, для нас.

Вот отрывок из письма, которое, как скоро увидим, просто не может не прийти на ум,— оно пришло и Евгению Сидорову; поэт пишет поэту:

«Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливы в любом положении, даже в горе».

«...Даже в горе». Запомним. И пойдем вчитываться дальше, по мере сил постигая секрет **такого** счастья:

«...Прирожденный талант есть детская модель вселенной, заложенная с малых лет в ваше сердце, школьное учебное пособие для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны. Дарование учит чести и бесстрашию... Одаренный чело-

век знает, как много выигрывает жизнь при полном и правильном освещении и как проигрывает в полутьме. Личная заинтересованность побуждает его быть гордым и стремиться к правде. Эта выгодная и счастливая позиция в жизни может быть и трагедией, это второстепенно».

Письмо счастливого человека счастливому человеку. Даром, что первый из них, Борис Пастернак, в эту пору — 1948 год — в загоне, а второй, Кайсын Кулиев, в ссылке. «...Это второстепенно». **Даже это** — вот понимание счастья, до которого нам подниматься и подниматься.

«Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми...» — щедро сказал Пастернак молодому ссыльному горцу. Поразительное совпадение! Ведь четвертью века раньше в книге «Zoo, или Письма не о любви» Виктор Шкловский писал о самом Пастернаке: «Счастливый человек. Он никогда не будет озлобленным. Жизнь свою он должен прожить любимым, избалованным и великим».

К несчастью, последняя фраза вышла плохой угадкой. Но, как оказалось, по сути это ничего не переменило — не в судьбе, а в душе Пастернака. И это не олимпийское умение стать над судьбою, нет; это человеческое умение, одолев ее, не получить надрыва, не заболеть озлоблением, остаться естественным...

Итак, «счастливая позиция в жизни может быть и трагедией», но «это второстепенно». Надо быть счастливым «в любом положении, даже в горе». Это, если угодно, подвиг душевного самовоспитания, впрочем, неотделимый от совестливого беспокойства: «...За последние пять лет я так привык к здоровью и удачам, что стал считать счастье обязательной и постоянной принадлежностью существования»,— можно ли эти слова из письма 1946 года понять вне духовного контекста, вне пристрастной занятости «детской моделью вселенной», которая, то есть занятость, вероятно, лишь пошляку покажется эгоцентрической? «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой»...

Хотя — что я мелю? Мы же убедились: можно. Ежели нужно. И вот Татьяна Глушкова для разгона дает волочку «Огоньку», вздумавшему письмо напечатать. А потом... Но бедный стереотип, известный нам по расправе с Цветаевой, которой отказано в праве на индивидуальное сочувствие, не дает возможности не угадать, **как** разделаются и с Пастернаком. Очень просто. Итак, значит, писано в 1946-м? Сорок шесть минус пять... Ага! И начинается. Военные беды, послевоенный голод — все, пережитое страною за пятилетие, с пафосом самовозбуждения ставится в строку не тем, кто в этом повинен, а поэту. Дабы уличить его... В чем? В непатриотическом сознании? В деревянном равнодушии к судьбе народа?

А, впрочем, ладно. Куда ни шло. Ставлю эксперимент. Против воли и здравого смысла допускаю невозможное — то, что криминальная фраза впрямь содержит в себе нечто, достойное осуждения. И если так, тогда... Вот и подумаем: чтó тогда? Радоваться нам, что ли, что (предположим) поймали большого человека на мелком чувстве?

Вообще предвижу для Глушковой все расширяющееся поле деятельности. Надо надеяться: больше и больше станут раскрываться архивы, умножаться публикации дневников, писем и — ух, как можно будет поживиться на оговорках, противоречиях, необдуманностях! Люди ведь, как известно, под одеждой сплошь голые, и всегда можно сыскать прореху, дабы жадно узреть интимнейший уголок тела.

А на худой конец сгодится и давнее наше наследие. Пушкин, скажем, в год декабристских суда, казни и ссылки — чем не пожива? Чем не повод заулюлюкать: чтó поделывал? О чем писал из Михайловского дружкам? О «Вавилонской блуднице Анне Петровне»? О том, что, мол, «письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил»? Каков?

Правда, этот род критики Пушкин уже предусмотрел; цитирую, ни в кого отдельно не метя (тем паче — эвон когда написано!) и не боясь чрезмерной известности цитаты (такое, увы, постареет еще не скоро): «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. **Он мал, как мы, он мерзок, как мы!** Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы,— иначе».

...И все же — зачем это? Ради чего? Неужто лишь для того, чтоб получить удовольствие от «унижения высокого?»

Нет, не только. И прежде всего будем реалистичны: каждого хватает на то, на что хватает.

«Величайший русский писатель — Пушкин! Все понимал, обо всем догадывался, все умел. Одно проникновение в образ Петра чего стоит! «Уздой железной Россию поднял на дыбы»! Вершина его творчества — «Борис Годунов»: «Глупый наш народ легковерен: рад дивиться чудесам и новизне; а бояре в Годунове помнят равного себе... Если ты хитер и тверд...» Точно сказано! «Глуп и легковерен» — сущность народа. «Хитрость и твердость» — сущность ЕГО власти. «Помнят равного себе» — сущность ЕГО противников».

Сталин. Тот, чью семинарскую нормативную логику замечательно угадал в «Детях Арбата» Анатолий Рыбаков. (Предполагаю, что этим сопоставлением польстил иным из моих оппонентов, но на что не пойдешь ради ясности?)

Пушкин, взятый на вооружение тираном,— картинка, что говорить, из самых противоестественных, но ведь было, было! Из Пушкина, из Лермонтова, из Толстого, из Чехова вычитывали — и целые поколения принуждали вычитывать — идеи безжалостности, презрения к слабым, отвращение к «абстрактному гуманизму». Все ради цели, которая не оправдывает средств, зато умеет их отбирать, подлаживать под себя, так что неразборчивость в средствах становится (допускаю) попросту незаметной, и (чем черт не шутит), возможно, и вправду, те, что ставят на одну высоту старый «Октябрь» и «Новый мир» Твардовского или уличают Пастернака в сытом равнодушии к народной трагедии, искренне потеряли возможность отличать добросовестность от передержек?

Во всяком случае, утрата чувства реальности порою доходит уже до утраты элементарного чувства юмора — а это уж, воля ваша, третий звонок, последний сигнал тревоги!

«Вспоминаю... статью Лакшина в «Известиях». Так далека от взглядов А. Твардовского эта статья! Своим догматизмом, своим неприятием той правды, что есть в прозе В. Белова».

Это вновь Ланщиков, и, казалось бы, самая легкая предрасположенность к тому, чтобы распознать комическую ситуацию, должна была остеречь его от роли... Да, да! От роли самозваного душеприказчика Твардовского, чье место в нашей культуре он не совсем ясно отличает от кочетовского; душеприказчика, который чистым именем Александра Трифоновича берется клеймить его близкого друга и ближайшего единомышленника.

А чего бояться? «Нету их. И все разрешено».

Кто позабыл, откуда это, напомню.

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.

Таков голос деликатной неловкости, спутницы таланта. «Тянем, тянем...» — до очевидности несправедливо говорит о собственном слове Давид Самойлов, но чаще, увы, осознанье, что их «нету», внушает дикую радость вседозволенности.

Не раз и не мною сказано, что именем Твардовского нынче клянутся, к авторитету Твардовского прислоняются даже те, кто весьма поостерегся бы приблизиться к нему при жизни, и вот в этом смысле Ланщиков высказался (или проговорился) опасно.

Читатель «Огонька» москвич Е. Г. Вал в 10-м номере посетовал, отчего авторы «письма одиннадцати», сыгравшего роковую роль в жизни «Нового мира» и великого его редактора, до сих пор не покаются; как нарочно, Владимир Лакшин, отвечая недавно по телевидению на схожий вопрос, незлопамятно сказал примерно следующее: это, мол, не совсем так, двое-трое из подписавших как-то подходили к нему и просили снять грех с души — поддались уговорам, смалодушествовали...

Слышать такое приятно, огорчает разве что скромная анонимность покаявшихся,— хотя, с другой стороны, зато уж, напрягая ресурсы собственной благожелательности, с одинаковой надеждой всматриваешься в имена здравствующих «подписантов», по недавней терминологии. Кто из них? Михаил Алексеев? Сергей Викулов? Анатолий Иванов? Петр Проскурин? Сергей Смирнов? Николай Шундик?.. Хорошо-то, конечно, хочется думать о каждом, но чтоб не мучить нас сомнениями, отчего б этим трем неизвестным и впрямь не заявить о себе гласно? Во-первых, им же на пользу: разве это не облегчило бы душевно и творчески — ну, скажем, Петру Проскурину его трудную деятельность по выбору лучшего памятника Василию Теркину, тем более, допускаю, его тонкий вкус столь необходим компании художественных арбитров? А, во-вторых, тем самым можно будет обезопаситься от тени, которую бросает на них наивный ланщиковский маневр, каковой (именно по причине своей крайней наивности) с коварной наглядностью обнажает агрессивную пружину дружеского самозванства. Намекает: мало того, чтоб задешево самоутвердиться за счет своего — якобы — приятельства и — будто бы — единомыслия с покойным поэтом; главное, его надобно отобрать у тех, кто был ему истинно близок.

Отобрать — может быть, из своей нестерпимой любви к нему? Из слепой, может быть, ревности?

Да нет. Тот же ланщиковский пример опять убедительно опровергает эту сентиментальность: ему, Ланщикову, понадобилось территориально присоединить к себе Твардовского затем, чтоб уязвить Лакшина. Более — незачем.

В общем, очень понятно, отчего так раздражают Татьяну Глушкову напоминания о духовной — существующей, невыдуманной, никем не навязанной! — иерархии: «великий русский поэт Мандельштам... великий поэт Цветаева...» Понятно и то, что сам образ российского интеллигента, искоренявшийся на беду национальной культуре и всему народу (где Николай Вавилов? где Александр Чаянов?..), вызывает у нее желание рвать и метать. Ей недостаточно осмеять интеллигента сочиненного, булгаковского профессора Преображенского, этакого, согласно Глушковой, «барственного «зубра» нещадной науки» (тут, понимать надо, заодно отвешена плюха другому «зубру», генетику Тимофееву-Ресовскому, герою повести Гранина),— нет, не пощажен и интеллигент, который, на наше счастье, реален, тот, кто для многих и есть воплощение реликтовой интеллигентности, Дмитрий Сергеевич Лихачев.

«Экология интеллигенции — вот во что вырождается недавняя **экология культуры** в странной статье Д. С. Лихачева «Воспитать в себе гражданина мира»... Отчуждение культуры от вéдения, участия народа — ее знаменательный пафос».

Поняли? Если же — от растерянности, потому что как тут не растеряться? — нет, то перечтите: «вырождается... Отчуждение культуры от... народа». Это о Лихачеве. И, помимо всего наипрочего, какою же сатанинской уверенностью надо обладать в своем праве сказать **ему — это...**

А и в самом деле: какой? На чем основанной? И тут с надеждою на ответ обращаешься к обстоятельству, которое мне, признаюсь, вообще-то казалось отчасти пикантным и даже забавным. То есть: яростный полемист, рушащий инвективы главным образом на поэтов, Глушкова сама пишет и печатает стихи.

Почему забавным, а не иначе, сейчас поясню... Вернее, уже пояснил — в 1-м номере «Знамени» в этот год, где вслед за Сергеем Чуприниным, который когда-то с точностью эксперта окрестил поэтессу Глушкову «старательной копиисткой — ученицей Ахмадулиной и Мориц», я обратил внимание на любопытную психологическую аномалию. Чем усерднее Глушкова копирует ту же Ахмадулину, тем грубее поносит ее в статьях, и, напротив, с возрастанием поношения возрастает жажда неотличимо копировать — вплоть до такой назойливой ноты: «Ужели чаша выпита до дна? Ужели даже смерть ее не встречу... Ужели я от памяти вольна? Ужели я от юности свободна...» — и т. д.

Лжеахмадулинская жеманность, разумеется, вскрикнет и в недавнем глушковском стихотворении («Новый мир» № 2): «Ужели рифма опалила губы...» — но бог с ним, этим, может быть, раскольниковским комплексом, заставляющим звонить в ненавистную дверь; поговорим о другом.

У русской поэзии, а вернее сказать, у самого по себе русского стиха есть, я заметил, одно чудесное свойство, которое с первого взгляда, пожалуй, сочтешь мистическим. Поэт ты или всего лишь дюжинный стихослагатель, все равно — в русском стихе тебе не удастся солгать, прикинуться тем, кем не являешься. Как ни старайся, проговоришься, выдашь себя,— а мистики тут, как догадываетесь, нету, есть лишь причины, средь которых самая общая, но и главнейшая — это особенная, высочайшая, чуткая к фальши нравственность, выпестованная нашей великой поэзией.

Впрочем, и проговориться не всякому удастся так, как удалось Татьяне Глушковой!

«...К туманным звездам медное лицо закину — в жестком северном загаре... То ль над судьбой полевок трепещу, а то ль крылатой радуюсь охоте...» — ах, как ей нравится словно нечаянно любоваться собою со стороны, как ей хочется быть такой вот нежно-нездешней, как ей, может быть, и самой упоенно верится, будто она не свирепый критик, а утонченнейшее существо, более всего на свете трепещущее над судьбой крохотной мышки-полевки! И до чего же приятно — и многозначительно! — в этом тихом экстазе воображать свою прабабку-дворянку, разумеется, из Смольного института, разумеется, тайно склонную к рифмам, разумеется, наделенную даже кем-то вроде Арины Родионовны: «...ей сказки вечерами говорит седая нянька, барчука качая».

Слащаво? Кокетливо? Да и весьма небогато в смысле воображения, которое не рискует или не умеет выбраться из круга самых книжно-расхожих примет «раньшего времени»? Увы, так, но, по чести, есть момент, когда даже безвкусие и неумелость хочется вдруг простить, потому что автор, кажется, нежданно пробудился от самовлюбленных снов, глянул и увидел:

Гниет камыш на угловой избе.
Во всем селе ни шифера, ни дранки.
Во всем селе — ни телки, ни козы.
Лишь чавкает болотная водица.

Каковы бы ни были эти строки, они — о беде и боли. И коли так, то, стало быть, автор, которому средь душевных забав представилось **это,** уже не только не отведет горького взора, но, может быть, устыдится затянувшегося вояжа в заповедный мир своей лучшей в мире души? И, устыдившись, скажет такое... такое...

Успокоимся. Автор глянет, увидит, отвернется и спросит: ну и что? Или хотя бы: что с того?.. Вы думаете, я зло шучу? Но, как говаривали Ильф

и Петров, придумать можно было бы и посмешнее.

И что с того, что нету и следа
той жизни?..
И что с того, что пущен с молотка
тот дом, где я брожу теперь
украдкой?..
Что выцвел, словно поседелый мак,
печальный флаг над крышей
сельсовета...

Действительно, что с того? Какая разница, ежели от картин заброса, уродства и нищеты можно комфортнейшим образом воротиться в мир своей размечтавшейся, непотревоженной души?

Вот такой, значит, урок народолюбия дала Татьяна Глушкова Дмитрию Лихачеву. И чтоб заиметь это безумное право, а заимевши, не упустить, разве не нужно всеми средствами противостоять торжеству истинных критериев в настрадавшемся нашем искусстве?

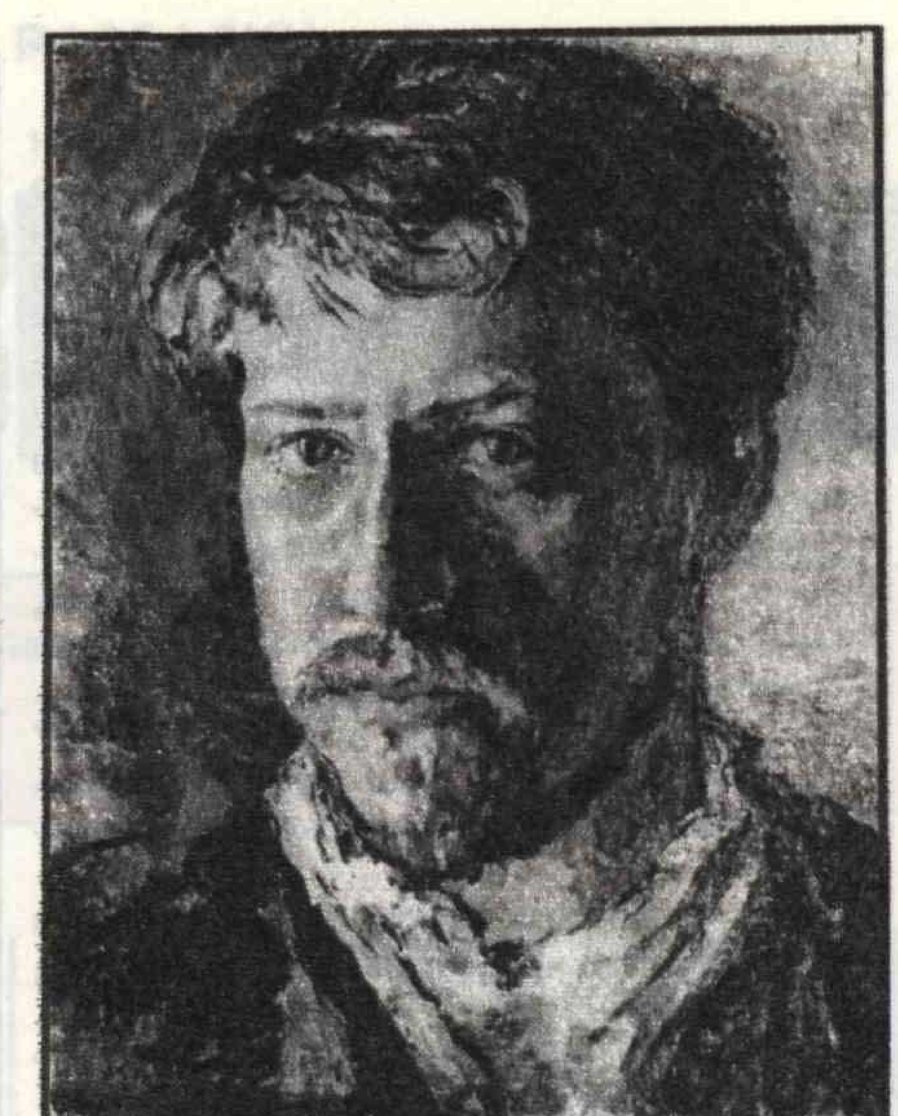
Нет, уж тут не до ликования, когда к нам возвращаются великаны, которых, словно в Гулаг, ссылали в забвенье,— конечно, порой из приличия приходится выжать уксусную улыбку: да, мол, «своего рода праздник», но, официально отулыбавшись, тут же берешься за любимое занятие: за «унижение высокого». Досадно, в самом деле! Лишь недавно одни мучительно осознали, другие облегченно вздохнули, что «нету их. И все разрешено», что ушло ощущение ежедневной подотчетности присутствующим рядом «им» как «они» или равновеликие им вновь появляются на свежих журнальных страницах — то с «Реквиемом», то с «По праву памяти», то с «Заблудившимся трамваем», то с «Доктором Живаго», и многие современники, а чуть не более всех тот же Дмитрий Сергеевич Лихачев, не скрывают, даже подчеркивают: **это** и есть подлинное искусство. То, без которого нас держали, словно без кислорода, одних попросту умертвив духовно, других изуродовав и приучив жить, как в противогазе.

Опять, значит, это непосильное, слишком высокое, раздражающее соседство, унизительно указывающее тебе твой невеликий шесток?..

Все, повторяю, понятно. Все логично. И то, что Глушковой необходимо унизить достоинство Пастернака или высмеять тех, кому «трудно жить» без Цветаевой. И то, что другой стихотворец, Юрий Кузнецов, почти неминуемо должен был написать следующее: «...Мне не нравится в Ахматовой ее гигантомания. Вот сейчас много говорят о ее поэме «Реквием». Однако... есть в «Реквиеме» эпизоды, которые надо было писать только в третьем лице, о матери, но никак не о себе. А так получилась самовлюбленность... Ахматова по женской слабости слишком поверила своим обожателям. И посчитала себя великой поэтессой». Верит ли в это он сам? Может быть, но, полагаю, это не важно. Самое главное здесь — даже не дикая невоспитанность нравственного чувства, а неумолимая **логика выживания.**

Им надо, чтоб все было разрешено: чтобы Глушкова всерьез почиталась поэтом, Ланщиков веско судил от имени Твардовского, слава осеняла великого Кузнецова, обходя неполноценную Ахматову,— вот именно обходя! Дабы сбылась эта вымечтанная идиллия, надо, чтоб «гениев» не было. Или по крайней мере чтоб их допускали к читателю, упаси бог, не самих по себе, а выборочно и под строгим конвоем. По порядку, который сурово назначила в той же «Литературной газете» (№ 4) член ее редколлегии Светлана Селиванова: «Формула «пусть все печатается, а разбираться будем потом», на мой взгляд, довольно опасна. А что если **потом** разобраться так и не сможем — будет поздно?»

В каком смысле — поздно? В том ли, что читатель успеет прочесть и составить свое мнение? И для кого — поздно? Для него, для заждавшегося читателя? Для Ахматовой? Пастернака? Мандельштама? Набокова? Или для тех, кому они так насущно, так досадно мешают?

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРОВ

1865—1911.

Судьба определила Валентину Александровичу Серову короткую жизнь. И хотя он рано начал свой путь художника, уже в 15 лет справляясь с задачами, которые были по плечу сформировавшемуся таланту, вся его эволюция укладывается всего лишь в двадцать с лишним лет. Между тем за эти годы Серов прошел огромный путь — путь реформ, трудных переходов через перевалы. Шагая в первых рядах, не давая себе ни дня на отдых, Серов вел за собой остальных. Каждый шаг давался с трудом; он означал хотя бы малую реформу, некое новшество, какими было так богато его творчество. Не только для младших, но и для многих старших он был непререкаемым авторитетом.

Первый успех пришел к Серову в конце 80-х годов. Только недавно художник закончил свое ученичество, которое проходило сначала у И. Е. Репина в мастерской и дома, а затем в Академии художеств у П. П. Чистякова. В академии он недоучился: захотелось поскорее обрести свободу, оторваться от учителей (которым он был до конца своих дней признателен) и оказаться один на один перед лицом новых образных и живописных задач. Тогда-то и появились знаменитые «Девочка с персиками» и «Девушка, освещенная солнцем»— картины, которые в поздние свои годы сам Серов ценил особенно высоко. Он даже сетовал, что изменил тому направлению, с которого начал.

Начало можно обозначить как ранний русский импрессионизм, который возник почти одновременно и в творчестве Константина Коровина, Исаака Левитана, вне зависимости от опыта французских мастеров — его признанных родоначальников. К импрессионизму вел весь опыт живописи XIX века: художники работали на открытом воздухе (на пленэре), все более смело пользовались чистыми красками, цветными тенями, передавая вибрацию воздуха, соотношение света и цвета. Для Серова это были не только новые формальные средства. Живописный язык соответствовал желанию молодого художника писать «только отрадное», поэтическое, прекрасное, оставить в стороне мотивы и сюжеты предшественников — передвижников, воссоздавших мрачные картины современной им жизни. Серов тогда был юн, влюблен, собирался жениться; он почувствовал свободу, самостоятельность, предпринял путешествие за границу, пришел в восторг от картин старых мастеров. Он был окружен друзьями, особенно в те счастливые дни, когда гостил в Абрамцеве у Саввы Ивановича Мамонтова — в замечательном доме, открытом для русских художников. Там он и писал двенадцатилетнюю Верочку Мамонтову, ставшую знаменитой «Девочкой с персиками». А в другом «приюте»— в Домотканове (Тверская губерния), имении его друга В. Д. Дервиза,— «Девушку, освещенную солнцем»— свою двоюродную сестру Машу Симонович.

«Девушки» написаны с конкретных лиц. Но Серов сам эти произведения не называл портретами, не давал конкретных имен. И не случайно. Персонажи его произведений неотделимы от места их бытия. Одна срослась, сжилась со старым домом и садом, что за окном. Другая словно навсегда пристроилась в уголочке старого запущенного парка. Их невозможно представить себе в ином окружении — тогда это будут другие картины. Здесь жанры смешались: портрет соединился с пейзажем, с интерьером. Импрессионисты любили такое смешение. Они ценили не драматургию сюжета, которая требовала жанровой определенности, не психологическую сложность душевных переживаний, а сам поток жизни, проявление данного жизненного факта, его неповторимость именно в это мгновение, в конкретном пространстве.

Серова интересовал каждый кусок материи, попавший в сферу внимания, каждая частица холста, покрытая красочным слоем. Поверхность изображенных им предметов воспринимает отсветы соседних вещей, вбирает в себя солнечные лучи. Все строится на сложных переходах оттенков цвета. Контуры фигур и предметов начинают смещаться. При этом художник открывает самоценную красоту цвета. Но каждый чистый цвет находит себе подтверждение в смесях, «откликается» в разных частях холста, тяготея к единству, к живописной общности всего произведения.

Период упоения миром был недолог; юношеская радость вскоре сменилась глубоким и серьезным взглядом. Постепенно импрессионизм идет на убыль, утрачивая многокрасочность и являясь нам в «сером»— северном варианте. Все более и более выражение внутренней жизни человеческой души и острая характеристика подчиняют себе творчество Серова в 90-е годы. Именно в это время он становится первоклассным портретистом.

Художники, артисты, писатели... Серова интересует личность творца. Она сосредоточивает в себе как бы лучшие качества человека вообще, обладает особыми чертами таланта, способного творить красоту. Именно такими свойствами наделены Константин Коровин, Исаак Левитан, итальянский певец Франческо Таманьо и другие серовские персонажи. Но дело еще и в отношении к ним самого живописца. Серов теперь уже не растворяет человека в окружающей среде, избегает случайности во взгляде на модель. Он выявляет наиболее важные свойства характера, усиливает их, тем самым преображая человека, как бы рассматривая его через увеличительное стекло.

Новые задачи вызывают к жизни и новый язык, новый метод. Серов начинает свой путь к «вычислению», к построению, к продуманной организации художественного произведения. Зарождающаяся здесь идея «разумного искусства» будет сопровождать художника до самого конца его пути. Глаз будет все более подчиняться разуму.

Эволюция портретного творчества Серова складывается непросто, но всегда у Серова остаются любимые портретные персонажи: это и дети, как бы застигнутые врасплох зорким взглядом портретиста; грустные женщины с печальными глазами, словно поверяющие художнику свою грусть и беспокойство. Серов выискивает добро и правду там, где царит неиспорченность, куда не проникает дух светской жизни.

Как бы в согласии с лирической тенденцией серовского творчества в 1890—1900-е годы раскрылась еще одна сторона его таланта. Речь идет о произведениях, посвященных русской деревне, о картинах, в которых соединяются жанровое и пейзажное начала. Пейзажные опыты Серова дали плоды и в ранние — 80-е годы. Но тогда художник увлекался «чистым» пейзажем. Теперь пейзаж населен людьми, животными, избами, сараями, проносящимися мимо санями, телегами, запряженными лошадьми...

Одна из картин —«Октябрь. Домотканово»— напоминает этюд с натуры. Правда, он как бы возведен в картинную форму: обозначены диагональные линии, пересекающиеся в центре, справа и слева композицию замыкают фигуры лошадок и овец. Но эти приемы достижения равновесия еле заметны, их не разгадаешь сразу. Перед зрителем возникает кусок реальной жизни — его словно и нельзя придумать. Он реальней самой реальности: и мальчик-пастушок, и лошадки — типично серовские, неказистые, пощипывающие желтую траву, и «обветренные» деревья, растрепанные крыши сараев, и сами краски осени, и бесконечные дали, в которых растворяется такая красивая в своей простоте деревенская Россия. Те сложные чувства, которые передает серовская картина, не ограничиваются тоской и унынием. В ней есть что-то бесконечно близкое, родное. Чувство родной земли, от которой неотделим художник, передается с особой силой и глубиной.

«Деревенский» Серов ограничен во времени. За пределы середины 1900-х

ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ. 1887.

годов эти сюжеты не выходят. Сам по себе этот факт показателен. Тихая деревня Серова, тонкий лирический строй его картин в какой-то степени оказались несовместимы с событиями первой русской революции. Но дело не только в том, что сюжеты и мотивы входили в противоречие с жизнью. Менялся стиль и метод Серова. Все меньше места оставалось для бытового жанра, для реального пейзажа. Художника больше начинали интересовать задачи преображения реальности, сочинения, чем писания с натуры.

Последние по времени работы Серова посвящены событиям 1905 года — сценам разгрома демонстраций, насилия над мирными людьми. Серов делает небольшие картины, эскизы на эти темы, рисует карикатуры, обличает, клеймит, взывает к возмездию.

Особенно важные перемены в середине 1900-х годов происходят в его портретном творчестве. Мастер последовательно идет к монументальной форме портрета. Увеличиваются размеры холстов. Все чаще фигура написана в полный рост. Меняется и герой. Если прежде большая картинная форма была предназначена для светских дам или официальных лиц, то теперь в «большой портрет» переходят любимые Серовым творцы — актеры, писатели, художники. Самым ярким выражением этой тенденции стали знаменитые портреты Максима Горького, М. Н. Ермоловой, Ф. И. Шаляпина (все — в 1905 году).

Серов придал портрету Ермоловой монументальный характер. Фигура выглядит как строгий постамент, на котором возвышается горделивая голова. Четкий силуэт сопровождает строгие линии интерьера, вертикали и горизонтали зеркала, рама картины... Краски скупые, неяркие, не нарушающие границ основного трезвучия,— серые, черные, коричневые.

Если сравнить «Ермолову» с «Девушками» 80-х годов, станет ясно, что у позднего Серова сформировался новый стиль. Художник теперь всеми способами сокращает глубину пространства, стремясь подчеркнуть плоскость холста. Вместо объема начинает господствовать пятно. Элементы какой бы то ни было случайности преодолеваются. Основная нагрузка падает теперь на линейную ритмику, на самоценную выразительность силуэта. Этот новый стиль, получивший наименование модерна, к рубежу столетия воплотился в разных видах искусства. Мы уже сталкивались с ним, рассматривая творчество М. А. Врубеля, в котором русский модерн обрел едва ли не самое последовательное выражение. Серов в большей мере наследовал традиции реалистического портрета второй половины XIX века. Его модерн — более реалистической окраски. Сама специальность портретиста заставляла Серова пристально вглядываться в человека. А новый стиль, новый метод требовали от него усиления и типического и индивидуального в интерпретации модели.

Сам Серов говорил: «Любое человеческое лицо так сложно и своеобразно, что в нем можно найти черты, достойные художественного произведения,— иногда положительные, иногда отрицательные. Я, по крайней мере, внимательно вглядываясь в человека, каждый раз увлекаюсь, пожалуй, даже вдохновляюсь, но не самим лицом индивидуума, которое часто бывает по-

Окончание на вкл. 3.

ПЕТР I. 1907.

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ. 1910.

«КОММУНИСТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ...»

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»: ИНТЕРВЬЮ С ЯНОШЕМ КАДАРОМ

Генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии товарищ Янош Кадар делится с читателями журнала «Огонек» некоторыми мыслями и воспоминаниями о трудных годах становления социализма в Венгрии, об испытаниях, выпавших на долю коммунистов в 1956 году. Вот что рассказал Янош Кадар в беседе со специальным корреспондентом журнала писателем-публицистом Галиной Шерговой.

ВОПРОС. *За сорок лет истории строительства социализма Венгрия изведала и радость побед, и горечь поражений. И то, и другое нельзя вычеркнуть из исторической памяти. Однако, если прежде мы склонны были говорить лишь о достижениях, сегодня нам необходимо осмысление политических и социальных процессов во всей их полноте. Поэтому, товарищ Кадар, нашим читателям интересны ваши размышления о непростом пути, пройденном вашей страной. Какие периоды сорокалетней истории Венгрии вы считаете этапными?*

ОТВЕТ. То, что история венгерского народа есть история побед и поражений, не является его привилегией. Каждому народу приходилось и приходится упорно бороться за свое существование, судьба каждого народа изобилует разнообразными событиями. История венгерского народа, пожалуй, несколько своеобразна потому, что он пришел в бассейн Карпат издалека, с территории нынешнего Советского Союза, чтобы здесь обрести свою родину. Это было в конце IX столетия. Этнически, географически, социально наши предки оказались в совершенно чуждой среде, пустить здесь корни было очень трудно. Это был сравнительно малый народ с трудной судьбой, и борьба за свое существование была для него особенно сложна.

С 1945 года венгерский народ пишет свою новую историю. Ныне уже хорошо видно, что эпоха строительства социализма делится на резко разграниченные периоды. Я бы охарактеризовал их так: между 1945 и 1948 годами велась успешная борьба за создание демократической Венгрии, за установление политической и экономической власти народа.

В 1949—1953 годах, к сожалению, и у нас воцарился культ личности, между 1953 и 1957 годами это привело к тяжкому кризису, кульминацией которого были трагические дни осени 1956 года.

Прошедшие с тех пор три с лишним десятилетия тоже могут быть разделены на отдельные периоды, вехами которых являются такие исторические события, как защита и реорганизация власти, социалистическая реорганизация сельского хозяйства, строительство основ социализма, реформа системы хозяйственного управления, введенная 20 лет тому назад в качестве нового метода социалистического планового хозяйства, а в связи с этим расширение социалистической демократии, развитие системы политических институтов, осуществление руководящей роли партии в меняющихся условиях.

Чтобы попытаться объяснить судьбу моего народа, историю моей родины молодым читателям «Огонька», которые менее знакомы с этими событиями, мне хотелось бы поподробнее остановиться на истории Венгерской Народной Республики за прошедшие четыре десятилетия.

В 1944—1945 годах, когда Красная Армия освободила Венгрию от гитлеровских полчищ и разгромила хортистский строй, народ вздохнул свободно и приступил к работе. В то время лишь не многие имели четкие взгляды, ясные представления относительно будущего. Идеи социализма были известны только коммунистам, которые в течение многих лет работали в глубоком подполье. О Советском Союзе как государственной и политической формации почти ни у кого не было ясного представления. Ходили только слухи. При этом необходимо учесть, что общественные отношения в Венгрии по сравнению с другими странами Европы были крайне отсталыми. Капитализм был слабо развит, можно даже сказать, что в Венгрии существовали остатки феодализма. Аристократия, крупные землевладельцы и другие подобные слои общества располагали особыми привилегиями.

Организационная и разъяснительная работа, которую начала коммунистическая партия, действуя уже в легальных условиях, принесла свои результаты, раскрыла людям глаза, помогла начать новую жизнь.

Когда части Красной Армии ушли дальше на Запад, в стране остался определенный контингент войск. Нас часто обвиняли в том, что новая Венгрия родилась на острие штыков Красной Армии. Говорящие это забывают о том факте, что в 1919 году штыки молодой Советской власти были в сотнях километров от Венгрии, и тем не менее родилась венгерская рабочая власть, Венгерская Советская Республика — первая после той, что была рождена Великой Октябрьской социалистической революцией. Мы не отрицаем, что разгромом прежней государственной машины Красная Армия облегчила наше положение, но всю основную работу должен был проделать сам венгерский народ. Народ с большим воодушевлением приступил к строительству новой жизни. Огромное значение имел для Венгрии раздел земли, ибо до освобождения страны подавляющее большинство населения занималось сельским хозяйством и жило в деревне. Потому-то раздел земли произвел сильное впечатление на людей.

Были национализированы банки и предприятия, на каждом из которых работало более ста рабочих. Основные средства производства перешли в руки государства. В обществе царили оптимизм и надежды. Именно это определяло настроения рабочего класса и освобожденного, получившего землю крестьянства.

Значительная часть интеллигенции тоже поддерживала происходившие в стране перемены. Создалась ситуация, когда коммунистическая партия уверенно осуществляла руководство. В этом была большая необходимость, ибо как только сторонники старого строя очнулись, они сразу же начали борьбу за возвращение своей потерянной власти. Началась острая политическая борьба за власть. И об этом мы никогда не забудем. Ставка была большой: кто кого? На первых выборах в 1945 году реакция сделала упор на очень мощные силы. Коммунисты тогда оказались в меньшинстве — не следует забывать, что после подавления Советской Республики 1919 года в Венгрии в течение двадцати пяти лет велась антикоммунистическая пропаганда; загнанная в подполье партия понесла страшные потери. В результате правильной политики и убедительных достижений на выборах 1947 года коммунистическая партия получила уже больше 22 процентов голосов; партии правительственной коалиции оказались в большинстве. Так был решен исход борьбы за власть. Венгрия вступила на путь социалистических преобразований. Партия проводила народную политику, шла по марксистско-ленинскому пути, искала и находила союзников. Она смогла сплотить прогрессивные силы страны, партии, готовые сотрудничать с коммунистами в интересах строительства демократической Венгрии.

ВОПРОС. *Однако и последующие, в частности пятидесятые, годы принесли развитию венгерской народной демократии свои трудности. Нашим читателям известно о том "надломе", который произошел в то время в Венгрии. В чем, на ваш взгляд, причины этого?*

ОТВЕТ. Весной 1948 года развитие страны вступило в новый этап. Началась закладка основ социализма. Трудовой народ в подавляющем большинстве поддерживал эту линию и с большими надеждами смотрел в будущее. К сожалению, позже дела стали складываться плохо. Сотрудничавшие с нами партии зачахли, а затем прекратили свое существование, так как тогдашнее сектантско-догматическое руководство — Матиаш Ракоши и его группа — ополчились против своих прежних союзников. Хотел бы подчеркнуть, что и в эти годы определяющим было строительство социализма, но в то же время все интенсивнее начали проявляться негативные черты политики, проводимой руководством Ракоши. Правда, тогда это так резко не бросалось в глаза, только сейчас мы отчетливо понимаем это.

В то время была известна одна-единственная модель строительства социализма — советская. И было естественно и нормально считать, что нам надо делать все так, как в Советском Союзе. Я и сам так думал.

Матиаш Ракоши* и те, кто вернулся вместе с ним из эмиграции, не знали венгерских условий. Не знал их и сам Ракоши. В 20-е годы он был арестован и просидел в тюрьме 16 лет до того, как по межправительственному соглашению смог выехать в Советский Союз. Его соратники тоже не могли знать венгерских условий, ведь и они жили в эмиграции после подавления революции 1919 года. Был взят такой темп социалистического строительства, который не соответствовал силам Венгрии. Следуя советскому примеру, был провозглашен лозунг: «Превратим Венгрию в страну железа и стали!» Были созданы грандиозные металлургические комбинаты, сталелитейные заводы. На капиталовложения ассигновались такие суммы, которыми мы просто-напросто не располагали.

Это были уже годы субъективизма, чуждого марксизму. Освобождение страны действительно улучшило жизнь людей. Каждый, кто работал, мог зарабатывать. Крестьянство, которое прежде голодало, получило землю. Широкая индустриализация дала возможность трудиться и рабочим, и крестьянам. Однако чрезмерная индустриализация, чрезмерные капиталовложения привели к тому, что жизненный уровень начал понижаться. Сельское хозяйство было запущено, а тяжелая промышленность была излишне мощной для Венгрии, ведь у нас нет сколько-нибудь значительных запасов железной руды

* Матиаш Ракоши (1892—1971) — один из руководителей Венгерской коммунистической партии. До июля 1956 года — первый секретарь Венгерской партии трудящихся. В 1962 году исключен из рядов партии за грубые ошибки, допущенные на посту руководителя ее ЦК. Умер в 1971 году в городе Горьком.

и нет коксующегося угля. Увы, отрицательное воздействие «сверхиндустриализации» мы испытываем до сих пор.

Негативные явления проявились и в общественно-политической жизни. Сталин выдвинул известный тезис о том, что чем дальше продвигается строительство социализма, тем больше обостряется классовая борьба. На первом этапе строительства социализма закономерно вести борьбу против реакционных сил, ведь они не отдают свою власть по доброй воле, а, потеряв ее, хотят вернуть. В Венгрии тоже были и настоящие заговоры, и организации, выступавшие против социализма. Но позже широко применялись насильственные меры с нарушением законности и против людей, которые никакого отношения к этим заговорам не имели. Появилась концепция, что враг проник в руководство партии. Но каким образом? В чьем лице? Те, кто поддерживал Ракоши, отвечали так: были же венгерские коммунисты, которые жили в Венгрии, работали в подполье. Как это они остались живы? Подозрительно, как их оставили в живых? А те, кто был в западной эмиграции? Тех, несомненно, завербовала западная разведка. Так что все оказались под подозрением. И те, кто вместе с республиканцами воевал в Испании, и те, кто в Западной Европе сражался в Сопротивлении.

Отход от ленинского пути, сектантско-догматическая политика в конце концов привели к национальной трагедии. Я всегда говорю, что политический кризис в Венгрии был не 10—12-дневным в октябре 1956 года, а практически продолжался с лета 1953 года до лета 1957 года. Те октябрьские дни 1956 года были днями уже открытого буйства контрреволюционных сил: массовые убийства, кровавые шабаши. Почему я считаю, что кризис продолжался в течение четырех лет? Дело в том, что тогда, летом 1953 года, венгерское руководство, побуждаемое советским руководством, вынуждено было признать, что им были допущены роковые ошибки. На пленуме ЦК все эти ошибки были раскрыты и названы, в том числе и культ личности Ракоши, и то, что с ним связано,— ошибочная экономическая политика, беззакония. Когда начали исправлять эти ошибки, сразу же был сделан новый, не менее опасный просчет.

В партии сразу создалось два руководящих ядра, возглавляемых Матиашем Ракоши и Имре Надем*. Должен заметить, что Имре Надь был известным руководителем, вернувшимся из СССР. Уже в эмиграции между ним и Ракоши были разногласия, продолжившиеся и дома. Одно время Ракоши отстранил Надя от руководства. Теперь же Имре Надь стал премьер-министром. И программу исправления ошибок провозгласил именно Имре Надь в своем докладе в парламенте. Уже в том докладе прозвучали националистические и антисоветские нотки, хотя тогда еще весьма завуалированно.

Было провозглашено, в частности, что, поскольку сельскохозяйственные кооперативы создавались не на добровольных началах, каждый может выйти из кооператива. Люди, крестьяне в том числе, были в замешательстве. Начался распад кооперативов. В то время как позиция Имре Надя была националистической, антисоветской, ревизионистской, позиция Ракоши — догматической, сектантской.

Сразу же вспыхнула борьба между этими двумя направлениями. Партийный состав, коммунистический актив и общественность страны не понимали, к кому прислушиваться, за кем следовать. В партии началась фракционная борьба. Так продолжалось несколько лет. Примерно каждые полгода менялся курс. То направление Ракоши одерживало верх, то направление Имре Надя. Положение становилось все хуже. В стране знали только одно: ошибки названы, но не исправлены. Эти годы почти полностью погубили истинные силы социализма, партия разложилась, силы государства ослабли. Основы власти буквально сгнили, были измельчены. Начался развал и в армии.

Сразу же после контрреволюции, на декабрьском (1956 года) пленуме временного Центрального Комитета реорганизованной партии, мы назвали четыре причины драматических событий. Во-первых, и прежде всего — сектантское, догматическое направление Ракоши; вторая причина — ревизионистский курс Имре Надя; третья — деятельность врага внутри страны, потому что социализм был еще очень молодой системой; в Венгрии было довольно много и деклассированных элементов, и бывших буржуа. Четвертая причина — деятельность международного империализма. Об этом стоит сказать поподробнее.

Надо отметить, что империалисты имели очень продуманную тактику. Они впрямую не подстрекали к совершению контрреволюции, не говорили, что надо уничтожить коммунистов, не говорили даже, что нужно выступать против Советского Союза. Все делалось гораздо тоньше и последовательней. У них были свои кандидаты на посты будущих руководителей. Например, на Западе жил бывший премьер-министр Ференц Надь. Были там и другие — фашисты, жандармы и прочие. И они были объединены. В стране их ставленником был кардинал Миндсенти*, который в это время находился в тюрьме. В качестве ширмы империалисты выдвинули на первый план Имре Надя с его лозунгом: «Цель — «исправление ошибок».

Надо отдать должное нашим идейным противникам: они все хорошо продумали, тщательно разработали тактику. «Голос Америки», «Свободная Европа» вещали без устали. Над Венгрией бросали листовки: «Надо исправлять допущенные ошибки». Имре Надь провозглашался руководителем страны, «который хочет проводить в Венгрии линию XX съезда КПСС».

Однако и политика Ракоши была не менее опасна и чревата тяжелыми последствиями. В конце концов летом 1956 года Ракоши был освобожден от обязанностей первого секретаря, которым был избран Эрне Герэ**. Но враги социализма не дали нам времени на то, чтобы партия сама исправила совершенные ошибки, события развивались слишком стремительно. Трагедия разразилась.

ВОПРОС. *И в Венгрии, и у нас, в Советском Союзе, уже многое написано о контрреволюционном вооруженном мятеже октября 1956 года. Тем не менее личные впечатления свидетеля и участника событий всегда помогают глубже понять смысл происходившего. Расскажите, пожалуйста, о памятных вам подробностях тех дней.*

ОТВЕТ. Само вооруженное восстание началось 23 октября. Причем оно было организовано в те дни, когда все наше руководство во главе с Эрне Герэ, первым секретарем ВПТ, находилось в Югославии. Цель поездки — нормализовать отношения с Югославией.

На обратном пути, когда мы уже приближались к Будапешту, в поезде шел общий разговор. Герэ сказал: «Поехали сначала в ЦК, а потом поедем по домам, чтобы распаковать вещи». Я усмехнулся: «Нет, давайте быстренько съездим домой, а потом поедем в ЦК, потому что если мы сразу поедем в ЦК, домой попадем не скоро». Но поскольку Герэ был первым секретарем, и решающее слово было за ним, мы все поехали в ЦК. И я уже домой вообще не вернулся. Это был уже день открытого контрреволюционного мятежа.

В октябрьские дни все силы контрреволюции вышли на арену. Было организовано вооруженное восстание, совершено нападение на арсеналы, на казармы, на гаражи грузовых машин. Во главе стали офицеры старой армии. Они умели организовывать. Были сколочены вооруженные группы. Первой целью стал радиокомитет, там было первое вооруженное столкновение. Причем повстанцы стреляли, а у защитников не было приказа начать ответный огонь. Были открыты все тюрьмы, оказались на свободе противники нашего строя, осужденные за свои действительные проступки, а также уголовные преступники. Лозунги XX съезда, служившие камуфляжем, были сняты.

Наша работа по восстановлению законного порядка в стране, консолидации здоровых сил и выработке правильного курса началась и продолжалась в трудных обстоятельствах. Но мы получили большую помощь от своих друзей, прежде всего от советского народа. Трудно говорить о том, что наряду с венграми, защищая оказавшуюся в опасности народную власть, вновь погибали советские юноши.

Весной 1957 года новое руководство в составе партийно-правительственной делегации приехало с первым визитом в Советский Союз. Тогда нас ободрили слова Хрущева, сказанные при встрече: «Мы полностью доверяем вам и поддерживаем вас». Ведь в Москве недостаточно знали нас, а в самые критические октябрьские дни нам и самим не все было ясно. Вот так все закончилось. Хотя, скорее, так все только начиналось.

ВОПРОС. *Вы говорили о бесплодности и недальновидности слепого копирования одной модели социализма странами с разными национальными, историческими и экономическими условиями. Историческая практика подтвердила, что социализм складывается из многообразия путей и опытов различных стран и народов. Но тем не менее и опыт отдельной страны, вероятно, позволяет сделать выводы, которые могут оказаться полезными для других стран социалистического содружества.*

Какие выводы, на ваш взгляд, можно сделать из анализа истории социалистического строительства в Венгрии?

ОТВЕТ. Поскольку от момента освобождения страны нас отделяет уже порядочное время, пожалуй, не покажется нескромностью обобщение некоторого накопленного опыта.

Первый важнейший урок, по-моему, заключается в том — и нас этому научили 1919-й, 1945-й и 1956-й годы,— что каждый народ нуждается в друге и опоре. Все народы, все страны — особенно в наши дни — взаимозависимы, и даже самые крупные из них нуждаются в друге, в союзнике. А тем более такие малые, как наша страна. Мы этого друга, союзника и нашли в лице Советского Союза.

Во-вторых: какого бы доброго друга, какую бы крепкую опору ни имел тот или иной народ, собственные национальные задачи вместо него не выполнит никто. Только если народ справится с ними должным образом, он сможет снискать уважение со стороны других стран.

В-третьих: строя новое, социалистическое общество, каждый народ должен бдительно присматриваться к тому, что происходит вокруг него, должен учиться всему доброму и извлекать уроки из чужих ошибок, но основа, на которую он должен опираться,— историческое прошлое и национальные традиции своей родины, своеобразные экономические, политические, культурные особенности его родной страны.

В-четвертых: социализм строится не для коммунистов, а для всего народа и может быть построен лишь сплоченными силами всего народа. Важнейшая задача партии — ковать эту сплоченность, вместе с народом работать для народа.

ВОПРОС. *Быть коммунистом... В чем главный смысл этого понятия для вас? Ваша собственная биография, судьба ваших соратников, а порой и противников, дает богатый материал для размышлений на эту тему. И хотя я понимаю, что кратко ответить на этот вопрос нелегко, эти раздумья в наши дни крайне важны.*

ОТВЕТ. Я мог бы ответить на этот вопрос одним словом. По моему мнению, лично для человека — это счастье, ибо придает его жизни цель и смысл, но вообще быть коммунистом — это служение. Убежден, что служение рабочему классу, трудовому народу — цель и смысл жизни коммуниста, деятельности коммунистической партии. Коммунистами не рождаются, ими становятся. Жизнь, рабочее движение, партия формируют человека, превращая его в коммуниста. С тех пор, как более полувека тому назад я, еще молодым, нашел путь в рабочее движение, эта цель руководит каждым моим поступком. Мой жизненный путь сложен, как и путь нашего народа. Много раз оказывался я в критическом положении, но никогда не терял своей убежденности, своей веры.

До освобождения страны я все время жил в Венгрии, никогда страну не покидал. Во время второй мировой войны кого-то из коммунистов, находившихся в глубоком подполье, арестовали, кого-то из руководства убили. Меня не смогли найти, и я стал секретарем Центрального Комитета, работавшего в стране. Вы можете себе представить, как нам было трудно: шла война против страны, бывшей для нас, коммунистов, светочем, в Венгрии же нас считали главным врагом. Приходилось работать в глубоком подполье, в международной изоляции. У нас не было связи и с теми товарищами, которые жили в эмиграции, в Советском Союзе.

На меня как руководителя-коммуниста в мае 1942 года был объявлен розыск. Весной 1944 года я был арестован. Этому предшествовало то, что югославские партизаны присылали к нам курьеров, чтобы наладить контакты с подпольной венгерской партией. Несколько человек было переброшено через границу, один из них нас нашел. Мы долго спорили, кто из нас должен поехать, чтобы установить контакт. Наконец я настоял, чтобы послали меня. В этом был свой резон: я думал, что смогу установить контакты с Москвой. А это было жизненно важно. Венгрия была уже оккупирована немцами. Однако на венгеро-югославской границе меня арестовали гестаповцы. Я был передан венгерским властям и наконец под чужой фамилией осужден как дезертир, поскольку у меня были надежные нелегальные документы и во время допросов я настаивал на том, что было в них зафиксировано.

Помотавшись по тюрьмам, я в конце концов во время эвакуации бежал, добрался до Будапешта. Установил связь с товарищами, действовавшими в подполье и вновь начал работать. Нелегко было жить и работать человеку, которого — уже под двумя фамилиями — разыскивали власти, но все же до освобождения страны я дожил.

---

* Имре Надь (1896—1958) — с 1953 по 1955 год председатель Совета Министров Венгрии. Вновь избран на этот пост 24 октября 1956 года, сразу же после начала контрреволюционных событий. За предательство дела социализма, которое он совершил на своем посту, в 1958 году приговорен народным судом к смертной казни.

* Кардинал Миндсенти (1892—1975) — глава Венгерской католической церкви. В 1948 году осужден за участие в заговоре против народной республики. В 1956 году, освобожденный контрреволюционерами, принимал участие в мятеже на стороне сил реакции. После разгрома контрреволюции скрывался на территории посольства США в Будапеште. По договоренности с Ватиканом в 1971 году выехал в Австрию.

** Эрне Герэ (1898—1980) — член руководства Компартии Венгрии. С июля по октябрь 1956 года — первый секретарь ВПТ. В 1962 году исключен из партии за соучастие в нарушении социалистической законности в период культа личности.

ВОПРОС. *Раз уж, товарищ Кадар, вы коснулись фактов вашей личной биографии, мне бы хотелось обратиться к событиям, о которых уже шла речь. Как складывались ваши отношения с той частью партийного руководства, которая после войны вернулась из эмиграции в Венгрию?*

ОТВЕТ. В 1937 году я сидел вместе с Ракоши в тюрьме контрреволюционной Венгрии, так что его я знал еще с давних пор. Личные отношения у нас с самого начала были добрыми, и в первые годы после освобождения они такими и оставались. Ведь мы всегда считали, что, если наступит освобождение, руководителями страны станут живущие в эмиграции опытные старые коммунисты, к которым мы всегда относились с доверием и уважением. Не от нас, живших в стране коммунистов, зависело то, что отношения сложились не так, а испортились по уже упоминавшимся причинам.

Когда были арестованы Ласло Райк* и его соратники, меня вместе с ними не забрали. Это не согласовывалось бы с той концепцией, по которой их объявили «международными авантюристами», завербованными в различных странах Европы. Но потом дошла очередь и до меня.

До сих пор помню, как началась моя «эпопея». Был конец рабочего дня 2 августа 1950 года. Ракоши вызвал меня к себе и говорит: «Сакашич** арестован, ты знаешь? Он был полицейским шпиком и агентом лейбористской партии, а ты с ним тесно сотрудничал. Он сам это подтверждает. Я думаю, что у тебя тоже должно быть что-то на совести. Скажи откровенно, что у тебя там... Ну скажи, признайся!» Я ответил: «Мне нечего вам сказать, у меня да душе никаких грехов нет!»

Мы готовились как раз к съезду партии. Я был председателем организационной комиссии съезда, членом Политбюро, секретарем ЦК. И вот начиная с этого момента в течение многих месяцев, по дватри раза в неделю по вечерам Ракоши вызывал меня к себе и допытывался: «Ну скажи же, что у тебя там внутри».

Где-то в октябре 1950 года на заседании Политбюро мне уже открыто были предъявлены обвинения. После освобождения страны я некоторое время был одним из руководителей будапештской полиции, а потом министром внутренних дел. Поэтому обвинение звучало так: при мне в полиции продолжали работать «бывшие», то есть старые офицеры. Конечно, в политической полиции не осталось никого из прежних. В уголовной же полиции мы сохранили специалистов. Они с их опытом лучше разбирались в том, как надо преследовать уголовных преступников.

Впрочем, объяснять что-то было бессмысленно. Ракоши и так уже все решил, он уже потерял терпение, у него уже не хватало нервов продолжать со мной эту ежедневную «обработку». И вот как-то после заседания Политбюро он воскликнул: «Признайся, что тебя отягощает, потому что мне не хочется совершить ошибку». Я ответил: «Мне тоже не хочется, чтобы вы совершили ошибку, потому что мне это было бы гораздо неприятнее».

После съезда продолжались аресты товарищей, бывших подпольщиков. Эта группа не была в эмиграции, всегда жила и работала в Венгрии. Один из «подозреваемых», боясь ареста, убил всю свою семью, а затем покончил с собой. Когда это стало известно, сразу арестовали и меня. Это было за несколько дней до 1 мая 1951 года. Мои портреты еще были среди других, розданных демонстрантам. И началась обычная в таких случаях процедура...

В марте 1953 года умер Сталин, и обстановка стала несколько меняться.

Летом 1954 года меня выпустили из тюрьмы. У меня ничего не было. Мне дали рубашку, брюки, ботинки и открыли дверь на улицу. Пока я был в тюрьме, мою жену, конечно, тоже исключили из партии. Ее убеждали отказаться от меня, развестись со мной. Она этого не сделала, но ей не разрешили носить мою фамилию. Жена работала в какой-то мастерской в подвале. У нее была небольшая комнатка в одном из рабочих районов Будапешта, Кёбане. Я тоже поселился там, когда освободился. Через два дня меня вызвал Ракоши. Я вошел в его кабинет, он встал мне навстречу, обнял и сказал: «Я так рад, что ты остался в живых. Чем ты хочешь заниматься?» Я ответил, что хотел бы быть рабочим, каким был всегда, но думаю, что сейчас это вряд ли возможно. Значит, буду работать в партии. «Кем ты хочешь быть?» — спросил Ракоши. Мне совершенно все равно, отвечал я. И я стал секретарем райкома в одном из рабочих районов Будапешта. Я хорошо себя там чувствовал: в этом районе работал еще в молодости.

Там я получил возможность основательнее разобраться в сложившейся обстановке. Грустно было видеть, во что превратилась партия, как поколебалось доверие людей, как партия, а вместе с ней и страна, покатилась по порочному пути.

Когда речь заходит о личностях, временами вновь и вновь поднимается вопрос о том, как оценивать тех двух деятелей в Венгрии, на которых лежит самая большая ответственность за трагический поворот событий. Если мы хотим учиться на своем прошлом, то нужно извлечь уроки и из горького исторического опыта.

Я обычно говорю, что для коммунистов существует два главных испытания. Первое — сможет ли он выстоять, когда один, изолированный, окажется в руках классового врага, его аппарата насилия. А второе испытание — как он поведет себя, оказавшись у власти. Матиаш Ракоши первое испытание выдержал, второе — нет. Навеки должно остаться для нас предостережением, что может произойти с членом партии, особенно руководителем, если он забудет, что быть коммунистом — значит служить народу.

Я обычно упоминаю и о том, что Имре Надь тоже не был с самого начала контрреволюционером. В стан контрреволюции его толкнула логика фракционной борьбы. В конце событий ему было уже все равно, кто стоит за ним, в каких целях его используют. Сдав власть рабочего класса, он открыл двери перед контрреволюцией и, порвав с нашими союзниками, обратился к империалистам за помощью против народной власти.

Личная трагедия этих двух бывших коммунистов показывает, что беспринципная фракционная борьба, нарушение единства партии причиняют неизмеримый ущерб.

ВОПРОС. *Сегодня Венгрия, если мы правильно видим, вступает в этап новых крупных экономических и социальных изменений. Чем они вызваны и к чему приведут? Как они могут быть соотнесены с революционными преобразованиями в нашей стране, как связаны с перспективами развития мировой социалистической системы?*

ОТВЕТ. Я обычно говорю, что в 1956 году Венгрия оказалась в таком положении, что «пар сбросил крышку с кастрюли». Партия, страна оказались в таком глубоком кризисе, что все пришлось очень откровенно и основательно пересмотреть, чтобы найти причину — почему события сложились именно так? И, что было еще важнее, нужно было извлечь выводы из пережитого. Поэтому нам уже три десятилетия тому назад пришлось серьезно искать способы, при помощи которых партия могла бы на деле осуществлять свою ведущую роль, более эффективно направлять политическое и экономическое строительство социализма. Потому-то мы уже в то время начали искать возможность лучшего разделения сфер деятельности между партией, правительством, общественными организациями, более эффективный способ управления экономикой, возможности расширения демократии и так далее.

В течение нескольких лет удалось упрочить народную власть, социалистические общественные отношения, завоевать доверие и поддержку масс, достичь значительных результатов в развитии. В последние годы — из-за слабостей нашей собственной работы и неблагоприятных для нас, особенно в экономике, международных условий — темп нашего продвижения вперед несколько притормозился. У нас имеются нелегкие проблемы. Однако основы нашего строя прочны, при соответствующем подходе проблемы разрешимы. Венгрия продолжает идти вперед по пути социалистического строительства.

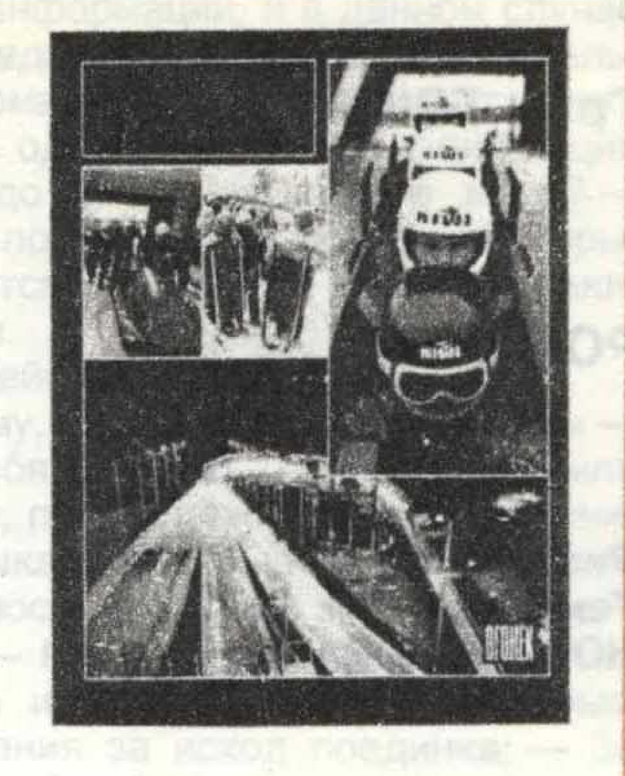
В наши дни коммунистов и народы целого ряда социалистических стран занимает решение схожих задач. Особенно большое значение имеет для нас то, что происходит в Советском Союзе. Та огромная перестройка, которую осуществляет советский народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза, благотворно влияет на весь мир. То, что происходит ныне в Советском Союзе, в Китае и в других социалистических странах, обозначает эпоху великого обновления социализма на пороге XXI столетия. Что касается меня, то я счастлив, что как коммунист дожил до этой эпохи и являюсь у себя на родине участником этой великой работы, ведущей всех нас вперед.

Разрешите закончить беседу следующим: венгерские коммунисты, венгерский народ желают Коммунистической партии Советского Союза, братскому советскому народу большого и полного успеха в их грандиозном труде.

---

* Ласло Райк (1909—1949) — видный деятель Венгерской коммунистической партии, участник гражданской войны в Испании. После освобождения страны — член Политбюро, секретарь ЦК, а затем заместитель Генерального секретаря ВКП, министр внутренних и позже иностранных дел. В мае 1949 года был арестован по ложному политическому обвинению, приговорен к смерти и казнен. В 1955 году реабилитирован.

** Арпад Сакашич (1888—1965). После освобождения Венгрии вновь стал Генеральным секретарем Социал-демократической партии. После объединения Коммунистической и Социал-демократической партий в 1948 году стал председателем Венгерской партии трудящихся.

СОТВОРЕНИЕ СКОРОСТИ

Бобслей — это прежде всего скорость. Так утверждают те, кто решается ринуться очертя голову по ледяному желобу в стальном «бобе». И мы, взирающие на сумасшедшие гонки, лишь смутно догадываемся, в чём искусство, в чём тайна победы? Но можно не только недоумевать, но и радоваться! Радоваться поразительной олимпийской победе советских бобслеистов Яниса Кипурса и Владимира Козлова.

Когда готовился наш фоторепортаж, мы еще не знали об этом. И даже не предполагали, что такое может произойти. Всего семь лет назад экзотический вид спорта получил в нашей стране вид на жительство, тогда как по зарубежным трассам ледовые ракеты носились уже несколько десятилетий. Популярность бобслея во всем мире росла под стать скорости самой гонки. И вот за столь короткий срок наши спортсмены вознеслись из неизвестности ученичества на олимпийский пьедестал... В это трудно поверить. Но — произошло!

Ледовый снаряд «боб» — порождение высокого полета инженерной мысли. Говорят, наши спортдеятели пробовали покупать у зарубежных фирм сани-бобы за пятнадцать тысяч долларов, но славы они нашим спортсменам не принесли. И тогда пришлось браться за дело самим.

И, конечно, самим строить трассы. Лучшей из них стала санно-бобслейная трасса с искусственным льдом близ латвийского городка Сигулда. Строители торопились. Знали, что к олимпийской зиме все должно быть готово. И успели. Так что олимпийское золото наших бобслеистов ковалось в Сигулде!..

Считают, что в Калгари ситуация сложилась в нашу пользу. Пусть так. Однако еще осенью — до открытия трассы в Сигулде — Янис Кипурс, заняв «всего лишь» второе место на одном из соревнований Кубка мира в ГДР, сказал: «Мы готовы победить на Олимпиаде».

На той же трассе готовились к XV зимней Олимпиаде и саночники. А теперь в Сигулде будут проводиться крупнейшие международные соревнования, отсюда станут врываться в большой спорт те юные, кто в олимпийские дни с затаенным дыханием сидел у телевизоров и мысленно мчался с нашими гонщиками по ледовому треку. Высокие скорости подвластны лишь храбрецам...

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото Анатолия БОЧИНИНА.

Грэм ГРИН

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

РОМАН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Находясь в ЮАР, Морис Касл влюбился в африканку Сару. Спецслужба расистов преследует их за нарушение законов апартеида. Касл вынужден уехать из ЮАР, а его будущей жене помогли избежать расистских застенков коммунисты. Благодарный Касл знакомит их с секретными сведениями о Южной Африке, к которым он имеет доступ как сотрудник британской разведслужбы. За это поплатился жизнью молодой сослуживец Мориса, Артур Дэвис, которого заподозрили в передаче секретной информации. Но Каслу вновь нужно немедленно переправить новые и очень важные сведения о военных приготовлениях в ЮАР. И он делает это, понимая, что обрекает себя на провал. Чтобы разведслужба не мстила за него жене и сыну, Морис отправляет их к своей матери, инсценируя разрыв супружеских отношений. А в это время по поручению главы разведуправления Харгривза проверяют сейф Касла и не находят переданного им секретного документа.

В дверь позвонили, Касл стоял и слышал, как звонили второй и третий раз. Для себя он решил, что не будет отмалчиваться, поскольку не впускать никого в дом было бы просто глупо. Возможно, связь с ним еще окончательно не прервана и ему передадут записку или какие-нибудь указания... Сам не зная почему, Касл достал из прикроватной тумбочки револьвер с единственным патроном.

В прихожей он растерялся. Витражи в небольшом окошке над входной дверью отсвечивали на полу желтым, зеленым и синим. Касл сообразил, что, если откроет с револьвером в руках, полицейские в качестве самообороны вправе застрелить его прямо на месте. Развязка в таком случае проста: предъявить обвинения покойнику публично нельзя. И тут же Касл упрекнул себя за то, что дошел до крайности и поступками его руководит отчаяние, а не надежда на лучшее. Он сунул револьвер в карман.

— Дейнтри? — удивился Касл. Он не ожидал увидеть знакомое лицо.

— Можно зайти? — смущаясь, поинтересовался Дейнтри.

— Разумеется.

В прихожей появился Буллер.

— Пес не опасен,— успокоил Касл полковника, сделавшего шаг назад. Касл взял собаку за ошейник, и Буллер тут же притих и стушевался подобно молодожену, который от смущения обронил обручальное кольцо.— Как вы сюда попали, Дейнтри?

— Проезжал мимо и решил заглянуть к вам.

Объяснение было настолько невразумительным, что Каслу стало даже жаль полковника. Дейнтри вовсе не походил на обаятельных, приветливых, но коварных контрразведчиков, специализирующихся на допросах. Он был обычным офицером безопасности, в обязанности которого входило обеспечение скрупулезного выполнения предписаний, да еще, пожалуй, досмотр портфелей.

— Что-нибудь выпьете?

— Да, не возражаю,— хриплым голосом произнес Дейнтри. Полковник, видимо, считавший, что всему нужно соответствующее объяснение, добавил: — Сегодня на улице холодно и промозгло.

— А я целый день никуда и не выходил.

— Неужели?

Касл тут же понял, что переиграл, ведь звонить утром могли и с работы. Поэтому уточнил:

— Не считая того, что выгуливал собаку.

Дейнтри взял бокал с виски, долго разглядывал его, затем осмотрелся в гостиной. Он чем-то напоминал репортера, щелкающего затвором фотоаппарата.

— Надеюсь, не очень помешал вам,— заметил полковник.— Ваша жена...

— Ее нет дома. Я здесь один, ну и Буллер, разумеется.

— Буллер?

— Так зовут моего пса.

Голоса гулко отдавались в тишине дома. Время от времени собеседники нарушали эту девственную тишину, произнося ничего не значащие фразы.

— Наверно, я не так смешал вам виски,— извинился Касл. Дейнтри еще не отпил из своего бокала.— Я подумал...

— Нет, нет. Как раз то, что надо.

И снова в комнате воцарилась тишина, которая обычно бывает в театре, когда опускается тяжелый занавес.

— Честно говоря,— откровенно начал Касл,— у меня возникли кое-какие проблемы.

Представился удобный момент заставить полковника поверить в невиновность Сары.

— Проблемы?

— От меня ушла жена. С сыном. Она переехала к моей матери.

— Вы хотите сказать, что поссорились с ней?

— Именно так.

— Искренне сожалею,— заметил Дейнтри.— Ужасно, когда случается такое.— Дейнтри произнес это с такой уверенностью, будто семейные ссоры столь же неотвратимы, как и сама смерть.— Знаете, когда мы последний раз виделись на свадьбе моей дочери...— продолжил полковник.— Благородно было с вашей стороны пойти со мной. Мне очень приятно, что вы не оставили меня одного. Я еще разбил там одну из ее сов.

— Да, помню.

— Не уверен, поблагодарил ли я вас должным образом за то, что вы пришли. Тогда, как и сегодня, тоже была суббота. Она жутко рассердилась — я имею в виду жену — из-за этой совы.

— Пришлось неожиданно уехать, когда мы узнали о Дэвисе.

— Да, не повезло парню.

И снова тяжелый занавес опустился в театре. Скоро должен начаться последний акт пьесы. А пока в антракте можно было сходить в бар. Они одновременно отпили виски.

— Что вы думаете по поводу его смерти? — поинтересовался Касл.

— Даже не знаю, что и предположить. Если честно, то я стараюсь не думать об этом вообще.

— Похоже, считают его виновным в утечке информации из нашего сектора, не так ли?

— Простого офицера безопасности во многое не посвящают. А почему вы так думаете?

— Довольно необычно, когда ребята из спецслужбы обыскивают квартиру в случае смерти нашего сотрудника.

Да, вы правы.

— А саму его смерть не находите несколько странной?

— Что вам дает основания так полагать?

«Неужели мы поменялись с ним ролями,— подумал Касл,— и теперь я допрашиваю его?»

— Ведь вы только что сказали, что стараетесь не думать о его смерти.

— Я так сказал? Сам не знаю, что я имел в виду. Всему виной — ваше виски. Вы, наверно, мне его и не разбавили как следует, верно?

— Дэвис никогда не передавал никакой информации,— заявил Касл. Ему показалось, что Дейнтри не спускал глаз с его кармана, который топорщился под тяжестью револьвера.

— Вы действительно так думаете?

— Просто уверен.

Трудно было придумать другой ответ, который выдавал бы Касла с головой. Значит, Дейнтри, как оказалось, не так плохо умел вести допросы. Стыдливость, смущение полковника, саморазоблачение — все, вероятно, являлось новым методом выуживания информации, и Дейнтри по сравнению с обычными контрразведчиками вполне можно было возвести в специалисты более высокого класса.

— Вы уверены в этом?

— Безусловно.

«Интересно, как поступит сейчас Дейнтри? — подумал Касл.— Права на арест он не имеет. Ему нужно по телефону связаться с конторой. Ближайший телефон находится в полицейском участке в конце Кингс-роуд. Конечно, у полковника вряд ли хватит наглости попросить разрешения воспользоваться моим собственным аппаратом. Понял ли он, что лежит у меня в кармане? Испугался ли? После того, как Дейнтри уйдет, у меня будет время, чтобы скрыться,— продолжал размышлять Касл.— Только вот бежать-то мне некуда. А бежать просто так, куда глаза глядят, чтобы оттянуть момент ареста,— значит просто паниковать». Касл предпочел остаться здесь, у себя дома, так он по крайней мере сохранит чувство собственного достоинства.

— Откровенно говоря, я сам всегда в этом сомневался,— произнес Дейнтри.

— Так, значит, они вам все рассказали?

— Только то, что касалось проведения оперативных проверок сотрудников. Ведь я отвечаю за это.

— Да, тяжелый для вас тогда выдался денек, не правда ли? Сначала раскололи злополучную сову, а потом увидели Дэвиса мертвым в его собственной кровати.

— Мне не понравился комментарий доктора Персивейла.

А что он такого сказал?

— Он заметил: «Не ожидал, что все так произойдет».

— Да, припоминаю.

— Теперь понимаю, что Персивейл имел тогда в виду,— пояснил Дейнтри,— понимаю, чего они добивались.

— Они пришли к поспешным выводам, не проанализировав как следует другие альтернативы.

— Вы имеете в виду вас самих?

Касл подумал, что не стоит уж до такой степени облегчать им всем жизнь. «Больше я ни в чем не признаюсь, какой бы эффективной ни была их новая техника ведения допросов»,— про себя решил он.

— Или Уотсона,— ответил Касл.

— Ну, разумеется. Уотсона я совсем забыл.

— Все документы в нашем секторе проходят через него. Вдобавок не следует забывать и агента 69300 в Лоренсу-Маркише. У них нет возможности контролировать все его финансовые операции. Кто может положиться, что у него нет банковских счетов в Родезии или Южной Африке?

— Вполне вероятно.— согласился Дейнтри.

— А возьмите секретарш. Причем тут могут быть замешаны не только наши собственные секретарши. Девушки часто подменяют друг друга. Вы, наверно, согласитесь со мной, что нередко какая-нибудь девица, отправляясь в одно место, забывает убрать в сейф шифровки и документы, которые печатает?

— Мне это известно. Я сам проверял секретарш, нареканий по поводу их беспечности немало.

— Но и руководство грешит беспечностью. Тогда

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—12.

смерть Дэвиса можно, например, рассматривать как результат «преступной беспечности».

— Если он невиновен, то совершено убийство,— сказал Дейнтри.— Ему не предоставили права на защиту, права нанять адвокатов. Они просто-напросто испугались того эффекта, который судебный процесс может оказать на американцев. Доктор Персивейл говорил со мной насчет каких-то квадратиков, ячеек...

— Ну как же,— оживился Касл.— Все эти разговоры «в пользу бедных» хорошо известны. Слишком часто мне самому об этом напоминали. Итак, можно констатировать, что Дэвис теперь действительно очутился в своем квадрате, или иначе «ячейке».

Касл интуитивно чувствовал, что Дейнтри не спускал глаз с кармана, где лежал револьвер. Неужели полковник соглашался с ним для того, чтобы беспрепятственно добраться потом до своей машины?

— Мы с вами допускаем одну и ту же ошибку — торопимся с выводами. Дэвис, возможно, и был виновен. Почему вы так уверены, что это не так?

— Должны же существовать мотивы,— ответил Касл и замолчал.

Уклониться от прямого ответа удалось, хотя его так и подмывало сказать полковнику: «Потому что в утечке виноват я». Касл к этому времени поверил, что остался без связи и помощи ждать неоткуда. Какой же тогда смысл оттягивать момент развязки? Дейнтри ему нравился, Касл стал симпатизировать полковнику, побывав на свадьбе его дочери. Дейнтри было по-человечески жалко, когда он разбил фарфоровую сову. А неудачная семейная жизнь полковника?.. Если кто-то потом попытается приписать признание Касла себе в заслугу, то пусть лучше этим человеком станет Дейнтри. Почему бы в таком случае ему сейчас взять и не сдаться «по-мирному», как выражались на полицейском жаргоне? Касл подумал, что умышленно затягивает эту игру, чтобы подольше побыть в приятной компании и оттянуть момент, когда окажется в одиночестве, сначала здесь, у себя дома, а потом — в тюремной камере.

— Мне кажется, таким мотивом для Дэвиса могли быть деньги,— предположил Дейнтри.

— Дэвис не придавал деньгам большого значения. Ему требовались лишь средства, чтобы время от времени играть на скачках да позволять себе марочный портвейн. Наверно, причины стоит искать несколько глубже.

— Что вы имеете в виду?

— Если подозрение пало на наш сектор, значит, утечка информации касалась только Африки.

— Почему?

— Дело в том, что через наш сектор проходит много всевозможной информации, и в данном случае мы служим лишь передаточным звеном. Значительная часть этой информации могла бы представлять интерес для русских, однако, если бы информация такого рода дошла до них,— понимаете меня?— тогда подозрение пало бы и на другие секторы. Значит, утечка касается только той части Африки, которую курируем мы.

— Да,— ответил Дейнтри,— понимаю.

— Искать, по-моему, следует такие мотивы — причем совсем не обязательно, чтобы они были связаны с идеологией, принадлежностью к коммунистам,— которые замыкались бы на Африке или на африканцах. Сомневаюсь, что среди знакомых Дэвиса были африканцы.— Касл сделал паузу и затем, как бы зная, на что идет, добавил с некоторым чувством удовлетворения за исход поединка: — За исключением, конечно, моей жены и сына.

Тем самым Касл расставил точки над «i», но еще не созрел для того, чтобы сжечь все мосты.

— Агент 69300, к примеру, давно уже работает в Лоренсу-Маркише. Никто не знает о его нынешних контактах — ведь у него немало своих агентов среди африканцев, в том числе и коммунистов.— После стольких лет конспирации Каслу начинала нравиться эта игра в кошки-мышки.— Как, скажем, было у меня, когда я работал в Претории,— улыбнувшись,

продолжил он.— Ведь даже наш «С», как вы, наверно, знаете, неравнодушен к Африке.

— Вы, по всей вероятности, шутите,— заметил Дейнтри.

— Конечно, шучу. Мне просто хотелось показать вам, как мало у них улик против Дэвиса по сравнению с другими сотрудниками — со мной, например, или агентом 69300, не говоря уже о секретаршах, о которых мы вообще ничего не знаем.

— Они прошли самую серьезную проверку.

— Разумеется, прошли. У нас в досье наверняка есть имена всех их любовников на тот момент, когда девиц просвечивали. Однако некоторые из них имеют обыкновение менять любовников, как свои наряды.

— Вы тут перечислили массу возможных источников утечки, но в Дэвисе уверены абсолютно,— заметил Дейнтри, затем довольно раздраженно добавил: — Вам повезло, что не вы офицер безопасности. Я чуть было не подал в отставку после похорон Дэвиса, а теперь жалею, что не сделал этого.

— Почему же вы не ушли в отставку?

— Чем бы я стал тогда заниматься, чтобы убить время?

— Можно, скажем, коллекционировать номера машин. Я как-то раз пробовал.

— А из-за чего, собственно говоря, вы повздорили с женой? — поинтересовался Дейнтри.— Прошу прощения, это, конечно, не мое дело.

— Ей не нравится то, чем я занимаюсь.

— Вы имеете в виду в нашей конторе?

— Не совсем.

Касл почувствовал, что игра подходит к концу. Дейнтри недвусмысленно взглянул на часы. «Интересно,— подумал Касл,— у него настоящие часы или закамуфлированный микрофон? Может, подошла к концу запись? Попросит ли полковник провести его в туалет, чтобы поменять пленку?»

— Немного виски?

— Нет, пожалуй, не стоит. Ведь я на машине, и мне надо добираться домой.

Касл проводил Дейнтри в прихожую. Буллер проследовал за ними, ему было жаль расставаться с новым другом.

— Благодарю за угощение,— сказал Дейнтри.

— Спасибо вам за возможность вдоволь наговориться.

— Не стоит. Не выходите наружу. Погода отвратительная.

Но Касл вместе с полковником вышел на улицу. Моросил осенний дождик. Напротив полицейского участка, метрах в пятидесяти от дома, Касл разглядел машину с зажженными подфарниками.

— Это ваша машина?

— Нет. Свою я оставил чуть дальше. Пришлось немного пройтись пешком: из-за дождя трудно найти нужный номер дома.

— Всего доброго.

— До свидания. Надеюсь, у вас все утрясется, с женой я имею в виду.

Касл постоял немного на улице под холодным дождем и помахал Дейнтри, когда тот проезжал мимо. Про себя Касл отметил, что Дейнтри не остановил машину у полицейского участка, а повернул направо и поехал в сторону Лондона. Полковник, конечно, может позвонить из близлежащих ресторанчиков «Кингс-армз» или «Суон». Но и в этом случае Касл не уверен, что Дейнтри сообщит начальству что-нибудь конкретное. Скорее всего они захотят прослушать пленку с записью их беседы, прежде чем примут какое-либо решение. Теперь Касл уже не сомневался, что в часах полковника был вмонтирован микрофон. Наверняка уже установлено наблюдение за железнодорожной станцией и оповещены все службы в аэропортах. Напрашивался однозначный вывод: Хэллидей-младший, очевидно, начал давать показания, иначе они не стали бы присылать к нему Дейнтри.

Перед тем как войти в дом, Касл внимательно осмотрелся. Явной слежки он не заметил, машина напротив полицейского участка по-прежнему стояла с зажженными подфарниками. Несмотря на дождь, Каслу показалось, что это не полицейская машина. Полицейские, да и агенты спецслужбы тоже, как правило, выбирали автомобили английских марок, а стоящая машина походила на «тоёту». Касл вспомнил «тоёту», которая забирала его сообщение у дороги в Остридж. Он попытался разглядеть цвет автомобиля, но из-за дождя это не удалось. Все цвета сейчас слились в один, и к измороси добавился мокрый снег. Касл вернулся в дом и впервые позволил себе надеяться на лучшее.

Он отнес очки на кухню и аккуратно промыл их. Таким образом Касл хотел избавиться от следов отчаяния. На эти очки он наложил еще две пары, которые принес из гостиной, и, разглядев машину, стал по-настоящему верить в спасение. Надежда — капризный цветок и требует бережного к себе отношения. Касл убеждал себя, что рядом с домом стояла именно «тоёта». Он не допускал мысли о том, сколько разных «тоёт» было в их районе, а терпеливо ждал звонка в дверь. Интересно, кто переступит порог его дома и встанет там, где совсем недавно стоял Дейнтри? Касл знал, что это будет не Борис, и не Хэллидей-младший, которого только что выпустили под залог на свободу и которого в данный момент, видимо, как следует обрабатывали сотрудники спецслужбы.

Касл вернулся на кухню и насыпал Буллеру целую миску бисквитов — не исключено, что собаке не скоро удастся снова поесть. Часы на кухне тикали довольно громко, отчего казалось, что время тянется медленнее. Если в этой самой «тоёте» действительно находился друг Касла, он явно не торопился дать о себе знать.

Полковник Дейнтри заехал во дворик ресторанчика «Кингс-армз». На стоянке находилась лишь одна машина. Некоторое время Дейнтри сидел за рулем, размышляя, стоит ли ему звонить прямо отсюда и что, собственно, он может им сообщить. Обедая с сэром Джоном и доктором Персивейлом в клубе «Реформ», Дейнтри еле сдерживался от ярости. Несколько раз он был на грани того, чтобы отодвинуть тарелку с копченой форелью в сторону и сказать: «Подаю в отставку. Не желаю иметь ничего общего с вашей чертовой конторой». Полковник до смерти устал от всех этих секретов, проколов и просчетов, которые надо замалчивать и ни в коем случае не признавать.

Какой-то мужчина вышел из расположенного в пристройке туалета и пересек дворик, что-то насвистывая под нос. Он поправил брюки и зашел в бар. «Загубили мое семейное счастье своими проклятыми тайнами»,— подумал Дейнтри. На войне все было намного проще. Проще, чем его отцу в предыдущую войну. Кайзер — это не Гитлер. А теперь, во времена холодной войны, оказывается, можно, как и тогда, когда они воевали с кайзером, поступать и так, и сяк. И совершенно непонятно, кто должен ответить за убийство, совершенное по ошибке.

Дейнтри снова захотелось очутиться в доме, где он провел детство, пробежать через прихожую и войти в комнату, где, взявшись за руки, сидели отец с матерью. «Все мы во власти всевышнего»,— скажет ему отец, памятуя о ютландском сражении и адмирале Джеллико. А мать добавит: «Мой дорогой, в твоем возрасте уже трудно найти другую работу».

Полковник выключил подфарники и сквозь стену плотного дождя направился в бар. По дороге он подумал о том, что у жены средств достаточно, дочь замужем, а сам он уж как-нибудь проживет на пенсию. В этот холодный дождливый вечер в баре сидел один-единственный посетитель и потягивал пиво. Мужчина обратился к Дейнтри:

— Добрый вечер, сэр,— произнес он так, будто они были хорошо знакомы.

— Добрый вечер. Мне двойную порцию виски,— заказал Дейнтри.

— Если он того заслуживает,— заметил незнакомец.

Бармен тем временем готовил Дейнтри напиток.

— Что заслуживает?

— Да я про сегодняшний вечер, сэр. Хотя в ноябре, полагаю, трудно ожидать более сносной погоды.

— Могу я от вас позвонить? — спросил Дейнтри бармена.

Бармен отработанным жестом поставил виски на стойку бара, кивком головы показав в сторону телефонной будки. Бармен, судя по всему, был немногословен и находился здесь для того, чтобы внимательно выслушивать посетителей, а сам воздерживался от комментариев и спокойно выполнял свои непосредственные функции, пока и, видимо, не без удовольствия громогласно не заявлял: «Джентльмены, бар закрывается».

Дейнтри набрал номер телефона Персивейла, было занято, и полковник мысленно проговаривал фразы, которые собирался сказать: «Я встретился с Каслом. Он дома один... Они с женой поссорились... Вот, по существу, и все...» Затем он бросит трубку, как сделал это сейчас, вернувшись в бар, где его ждал напиток и разговорчивый завсегдатай этого питейного заведения.

— Угу,— поддакивал бармен,— угу, вот именно.

Болтливый посетитель повернулся к Дейнтри и стал теперь ему изливать душу:

— Разучились уже обучать самой простой арифметике. Я спросил у своего племянника — ему девять лет,— сколько будет четырежды семь, и, думаете, смог он мне правильно ответить?

Дейнтри отпил виски, не спуская глаз с телефонной будки, по-прежнему думая о том, что же ему сказать доктору Персивейлу.

— Вижу, вы согласны со мной,— обратился незнакомец к Дейнтри.— А вы? — спросил он бармена.— Ведь вы в момент разоритесь, если не знаете, сколько четырежды семь?

Бармен протер стойку и пробурчал свое обычное «угу».

— Знаете, сэр, мне нетрудно догадаться, кто вы по профессии. Только не спрашивайте, как мне это удается. Просто я обладаю особым даром. Начал я с изучения лиц людей и их характеров соответственно. Поэтому я и вспомнил об арифметике, когда вы пошли говорить по телефону. На данную тему, заявил я тогда мистеру Баркеру, этому джентльмену есть что сказать по существу. Не так ли?

— Угу,— пробормотал мистер Баркер.

— Пожалуй, выпью еще одну пинту пива, если не возражаете.

Баркер снова наполнил его кружку.

— Друзья часто просят меня продемонстрировать свои возможности и заключают пари. «Вот этот мужчина — школьный учитель,— говорю я, показывая на человека в метро.— А этот — химик». Затем я вежливо обращаюсь к ним — обычно люди не обижаются, когда им все объяснишь,— и в девяти случаях из десяти оказываюсь прав. Мистер Баркер видел, как я экспериментировал здесь, у него в баре. Так ведь, мистер Баркер?

— Угу.

— А теперь, сэр, если вы не против как-то разнообразить наш сегодняшний дождливый вечер, я хотел бы проверить себя. Скажем, вы государственный служащий. Я не ошибся, сэр?

— Вы правы,— ответил Дейнтри. Он допил виски и поставил высокий бокал на стойку. Пора было позвонить Персивейлу.

— Итак, уже теплее, верно? — Незнакомец так и сверлил Дейнтри своими маленькими глазками.— И имеете дело с секретными документами. Поэтому знаете гораздо больше нас, простых смертных.

— Мне нужно позвонить.

— Минуточку, сэр. Мне хочется доказать мистеру Баркеру...— Мужчина вытер носовым платком губы и вплотную подвинулся к Дейнтри.— Ваша профессия связана с цифрами,— заявил ясновидец.— И вы из управления налоговых сборов.

Дейнтри направился к телефону.

— Видели, какой обидчивый,— прокомментировал посетитель бара.— Не нравится, когда их узнают. Наверняка инспектор.

На этот раз номер был не занят и трубку почти сразу снял доктор Персивейл. Говорил он мягким, успокаивающим тоном, как и подобает настоящему врачу, хотя давно уже не занимался медицинской практикой.

— Да? Доктор Персивейл слушает. С кем я говорю?

— Это Дейнтри.

— Добрый вечер, дорогой друг. Какие новости? Откуда вы звоните?

— Я звоню из Беркампстеда. Я был у Касла.

— Понятно. Ну и как ваше впечатление?

Дейнтри так разозлился, что невольно забыл заранее подготовленные ответы.

— Мне кажется, вы убили не того человека.

— Не убили,— вкрадчиво объяснил Персивейл,— а просто прописали не ту дозу. Препарат до этого на больных не применялся. Но почему вы считаете, что Касл?..

— Потому что он уверен в невиновности Дэвиса.

— Он именно так сказал?

— Да.

— Что он собирается делать?

— Он выжидает.

— Чего же он ждет?

— Когда что-то произойдет. Жена с ребенком уехали. По его словам, они поругались.

— Мы уже разослали предупреждение,— пояснил доктор Персивейл,— во все аэропорты и в морские порты, разумеется, тоже. Если Касл ударится в бега, у нас будет основание для ареста. Тем не менее нам нужны неоспоримые доказательства его вины.

— В случае с Дэвисом вы не стали дожидаться «неоспоримых» доказательств.

— В данной ситуации на этом настаивает наш шеф. Что вы собираетесь делать?

— Поеду домой.

— Вы спросили его о записях Мюллера?

— Нет.

— А почему?

— В этом не было никакой необходимости.

— Вы проделали замечательную работу, Дейнтри. Но почему, как вы думаете, он откровенно во всем признался вам?

Дейнтри повесил трубку, не ответив на последний вопрос, и вышел из телефонной будки.

— Так, значит, вы инспектор управления налоговых сборов. Я ведь не ошибся, не так ли? — переспросил Дейнтри болтливый посетитель.

— Да.

— Вот видите, мистер Баркер, я опять угадал.

Полковник Дейнтри не спеша направился к машине. Он завел мотор и какое-то время неподвижно сидел за рулем, наблюдая, как капли дождя наперегонки стекали по лобовому стеклу. Он выехал на дорогу в сторону Боксмура, Лондона и Сент-Джеймсстрит, где дома его ждал вчерашний сыр «камамбер». Дейнтри медленно вел машину. Ноябрьская

изморось уступила место проливному дождю, и, казалось, вот-вот пойдет град. Полковник подумал о том, что, как принято говорить, он выполнил свой долг. Но Дейнтри не торопился домой, чтобы, устроившись за столом со своим любимым сыром, написать прошение об отставке. Вопрос об отставке для него самого был решен окончательно. Полковник внушал себе, что он свободный человек, не обременен никакими обязательствами и никому ничего не должен. И все же Дейнтри ни разу не ощущал такого щемящего чувства одиночества, какое испытывал в данный момент.

В дверь позвонили. Касл давно ждал этого, но не решался открыть. Ему казалось, что глупо настраиваться на оптимистичный лад. Хэллидей-младший дал уже, очевидно, показания, а «тоётя», стоявшая неподалеку, ничем не отличалась от тысячи других. Агенты спецслужбы, вероятно, выбирали момент, когда он останется дома один. И еще Касл казнил себя за то, что так опрометчиво вел себя, разговаривая с Дейнтри.

Позвонили второй, а потом и третий раз. Каслу ничего не оставалось, как направиться к выходу, держа револьвер в кармане, но толку от него было не больше, чем от дешевого талисмана в виде лапки кролика. Проложить путь к свободе с помощью оружия Касл не мог. Он понимал, что и на помощь Буллера рассчитывать не приходится, хоть пес грозно зарычал. Стоит только отворить — и независимо от того, кто бы там ни оказался, Буллер радостно завиляет хвостом. Сквозь матовое и мокрое от дождя стекло разобрать, кто стоял за дверью, было невозможно. Даже открыв, Касл в полумраке разглядел лишь фигуру ссутулившегося мужчины.

— Просто омерзительная погода,— послышался из темноты знакомый голос.

— Мистер Хэллидей, вот не ожидал увидеть вас.

«Он, должно быть, пришел попросить помочь сыну,— подумал Касл.— Но что, собственно, я могу?»

— Хороший пес, хороший,— настороженно успокаивал Буллера почти невидимый в темноте мистер Хэллидей.

— Заходите в дом,— пригласил его Касл,— пес не кусается.

— Да, вижу, что собака замечательная.

Мистер Хэллидей осторожно, по стеночке зашел в прихожую, где Буллер восторженно размахивал обрубком хвоста.

— Можете убедиться, мистер Хэллидей, что он всех на свете считает друзьями. Снимайте пальто. Проходите, выпьем виски.

— Я не особый любитель по этой части, но не откажусь.

— Я расстроился, узнав по радио о вашем сыне. Вы, наверно, очень переживаете.

Мистер Хэллидей прошел за Каслом в гостиную.

— Это неминуемо должно было произойти, сэр, и, возможно, послужит для него уроком. Полиция нашла в лавчонке предостаточно всякой всячины. Инспектор показал мне даже кое-что из его «товаров». Мерзкое ощущение. Но я и инспектору сказал, что сомневаюсь, чтобы он сам читал эти журнальчики.

— Надеюсь, лично к вам у полиции нет претензий?

— Ну что вы, сэр. Я ведь вам уже говорил, что они мне даже сочувствуют. Им хорошо известно, что магазин у меня совсем иного профиля.

— Вам удалось передать сыну мою записку?

— А, вы об этом... Я подумал, что в данной ситуации лучше не делать этого. Но не беспокойтесь. Ваше сообщение отправлено по назначению.

Мистер Хэллидей взял со стола книгу, которую Касл пытался читать до его прихода, и посмотрел заглавие.

— Что вы, собственно говоря, имеете в виду?

— Видите ли, сэр, все это время вы, так сказать, были несколько не в курсе. Мой сын никакого отношения к вашим делам не имел. Но считалось, что лучше — на случай непредвиденных обстоятельств,— если вы не будете знать...— Старик наклонился и протянул руки к газовому обогревателю, глаза искрились лукавой улыбкой.— Итак, сэр, обстановка такова, что нам с вами надо как можно скорее уехать отсюда.

Услышанное ошеломило Касла. Как мало, оказывается, ему доверяли даже те, у кого были все основания верить...

— Если позволите, сэр, поинтересоваться, где находится жена с ребенком? Я должен...

— Сегодня утром, узнав о вашем сыне, я отправил их к своей матери. Ей мы сказали, что поссорились.

— Ну что же, одной проблемой, значит, меньше.

Мистер Хэллидей-старший, обогрев руки, внимательно огляделся в гостиной и подошел к книжным полкам.

— Я заплатил бы вам за эту библиотеку не меньше других букинистов,— начал Хэллидей.— За минусом двадцати пяти фунтов — все, что разрешается вывозить за границу. Эту сумму я захватил с собой. Ваши книги мне очень бы подошли. Особенно издания «Всемирной классики» и «Эвримена». Их практически не переиздают, а уж когда это случается, цену взвинчивают просто умопомрачительную.

— Мне показалось,— заметил Касл,— у нас не так много времени.

— За последние пятьдесят лет,— продолжал Хэллидей,— я приобрел одно ценное качество: спокойно относиться к происходящему. Второпях можно наделать массу ошибок. Если в запасе, скажем, всего полчаса, представьте, что осталось не меньше трех часов. Вы, сэр, что-то там говорили насчет виски?

— Если время позволяет...

Касл разлил виски.

— Времени у нас достаточно. Надеюсь, самые необходимые вещички вы уже сложили?

— Сложил.

— Как собираетесь поступить с собакой?

— Оставлю здесь, наверно. Еще не думал... А может, вы согласитесь сдать Буллера на псарню?

— Недальновидно, сэр. Если его начнут искать, то выйдут на меня. Так или иначе нужно, чтобы пес не лаял несколько часов после нашего ухода. Он вообще-то лает, когда остается один?

— Не могу сказать. Дело в том, что одного мы его никогда не оставляли.

— Понимаете, начнут жаловаться соседи. Кто-то может позвонить в полицию, а нам совсем ни к чему, чтобы обнаружили, что дома никого нет.

— Рано или поздно об этом все равно узнают.

— Когда вы окажетесь за границей, это не будет уже иметь никакого значения. Жаль, что ваша жена не захватила собаку с собой.

— Она не могла. У моей матери — кошка, а Буллер расправляется с ними в один миг.

— Да, в том, что касается кошек, репутация боксеров известна. У меня самого кот.— Мистер Хэллидей погладил Буллера, и тот радостно завилял хвостом.— Вот об этом я вам и говорил. Когда торопишься, забываешь о главном. Так вышло у нас сейчас с собакой. А подвал у вас есть?

— Но в подвале нет звукоизоляции, если вы думаете застрелить его там.

— Мне кажется, сэр, у вас в правом кармане револьвер, я не ошибся?

— Я думал, если заявится полиция... Он заряжен всего одним патроном.

— Потеряли надежду, сэр?

— Я не принял пока решения.

— Пожалуйста, отдайте его мне. Если нас вдруг дорогой остановят, у меня по крайней мере есть разрешение на ношение оружия. Сейчас столько магазинных краж, что нам, лавочникам, это не возбраняется. Как зовут? Я имею в виду собаку.

— Буллер.

— Иди сюда, Буллер, иди сюда. Хороший пес.— Буллер положил морду на колени Хэллидею.— Хороший пес, Буллер. Хороший. Ты ведь не хочешь, чтобы у хозяина из-за тебя возникли серьезные неприятности?— продолжал беседовать с собакой мистер Хэллидей. Он почесал Буллера за ушами, и пес дал понять, что доволен этим.— Ну, а теперь, сэр, если вы не против, дайте оружие мне... Ах, ты, не даешь прохода кошкам... Ах, ты, негодник.

— Соседи могут услышать выстрел,— предостерег Касл.

— Спустимся в подвал. На один выстрел никто внимания не обратит. Подумают, что-то с глушителем машины.

— Собака не пойдет за вами.

— Посмотрим. Ну, пошли, Буллер, пошли, приятель. Пошли гулять. Гулять, Буллер.

— Вот видите. Не слушается.

— Нам уже пора, сэр. Так что давайте спустимся в подвал вместе. Я, правда, хотел избавить вас от этого.

— Не стоит щадить мои чувства.

Касл провел их в подвал. Буллер шел за хозяином, а Хэллидей замыкал процессию.

— Не будем включать свет, сэр. А то выстрел, и сразу гаснет свет. Это может вызвать лишние подозрения. Ну, а теперь, сэр, дайте мне револьвер...

— Не стоит, лучше я сам.

Касл достал револьвер и навел его на Буллера. Буллер же, полагая, что с ним играют, принял дуло за резиновую кость, зажал его зубами и потащил в сторону. Касл дважды нажал на курок. Его начало тошнить.

— Пожалуй, выпью еще виски,— сказал Касл,— перед отъездом.

— Вам, конечно, надо. Странно, насколько человек привыкает к глупым животным. К примеру, мой кот...

— Да я терпеть не мог Буллера. Дело в том... что я никогда никого не убивал.

Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.

Сегодня справедливо отмечают, как в ходе перестройки меняются к лучшему наши газеты и журналы. То же самое можно сказать и об издании книг. Вот характерный пример: только что вышедший «Третий радужный мост» *. Это диалог, беседы между двумя учеными, русским и японцем. Разговор не только о тех научных проблемах, которые занимают их, но и, можно сказать, обо всем на свете. Его ведут Д. Икэда, известный общественно-политический деятель Японии, основатель университета Сока, и академик А. Логунов, ректор МГУ.

Но почему такое необычное название книги? Потому что в ее основе — поиск путей предотвращения ядерной катастрофы, нависшей над человечеством. Авторы верят в то, что будет построен «мост», который свяжет сердца всех людей доброй воли и который возвысится над государственными границами. А радуга — символ этих надежд. И наконец, почему же «мост» этот «третий»? Авторы считают, что первый — это период контактов между Россией и Японией в XVII — начале XX века; второй — период после Октябрьской революции: в это время, несмотря на многие трудности, было немало попыток преодолеть противостояние двух стран и установить дружественные контакты. А сегодня уже идет речь о сооружении «третьего моста» во имя мира во всем мире.

Д. Икэда и А. Логунов прежде всего обращают внимание на то, что необходимо преодолеть в сознании людей укоренившиеся стереотипы, отказаться от «образа врага». Ведь в итоге ядерной войны победителя быть не может! Как обратиться к людям с этой, казалось бы, доступной каждому аксиомой? Как дойти до их сознания и сердца? Наверное, путь один — предельная откровенность в сочетании с глубиной анализа самых животрепещущих проблем современности.

Д. Икэда — собеседник отнюдь не случайный. Он не раз бывал в нашей стране, в Китае, в США и многих других странах. Он никогда не занимал никаких официальных постов, но является одним из лидеров японских буддистов. Его религиозные и философские воззрения, несомненно, придают этому диалогу много богатых и новых для советского читателя красок.

У этой книги есть подзаголовок: «Поиск человека и мира». «...Наша глубокая убежденность,— пишет Икэда,— в том, что именно взаимопонимание и чисто человеческое восприятие друг друга есть краеугольный камень истинного пути к миру...

Вот почему мы с ректором Логуновым начали диалог с рассказа о своей жизни. Благодаря этому, как мне кажется, мы смогли лучше понять друг друга». Этот рассказ тем более важен, потому что юность обоих авторов книги пришлась на годы второй мировой войны. В следующей главе Икэда и Логунов пытаются определить, что есть «человек», какова должна быть его жизнь. А в третьей главе речь идет о «формировании человека», поскольку оба участника диалога непосредственно причастны к воспитанию подрастающего поколения.

Далее Икэда и Логунов рассуждают о синтезе культур, который видится им основой мирного сосуществования. Затем они затрагивают проблемы различных направлений научных исследований.

Можно долго перечислять обсуждаемые в книге темы. Вот еще только некоторые из них, говорящие о ее содержании: «Жизнь и смерть», «О счастье», «В чем смысл человеческого достоинства?», «О воспитании в семье», «Современное общество и женщина», «Патриотизм и взаимодействие культур», «Традиции и прогресс», «О времени и пространстве», « О развитии генной инженерии», «Структура, эволюция и возникновение Вселенной», «О существовании разумных существ в космосе», «Международное сотрудничество в изучении ядерного синтеза»...

Смысл этой удивительной, на наш взгляд, книги А. Логунов определил так:

«У нас есть различия в унаследованных от предков культурных ценностях, национальных особенностях и традициях. Однако, как свидетельствует наш диалог с господином Икэда, это не препятствие для взаимопонимания.

...Позволю себе сказать, что русское слово «перестройка», получившее в последнее время интернациональное распространение, в равной мере относится не только к нашей стране, но и ко всему миру. Суть ее состоит в подключении энергии широких масс буквально всех стран, всего земного шара к решению проблем глобального значения, и в первую очередь проблемы защиты мира. По сути, речь идет о процессе демократизации невиданных масштабов».

Остается добавить, что «Третий радужный мост» уже вышел на японском языке в издательстве «Майнити симбунся».

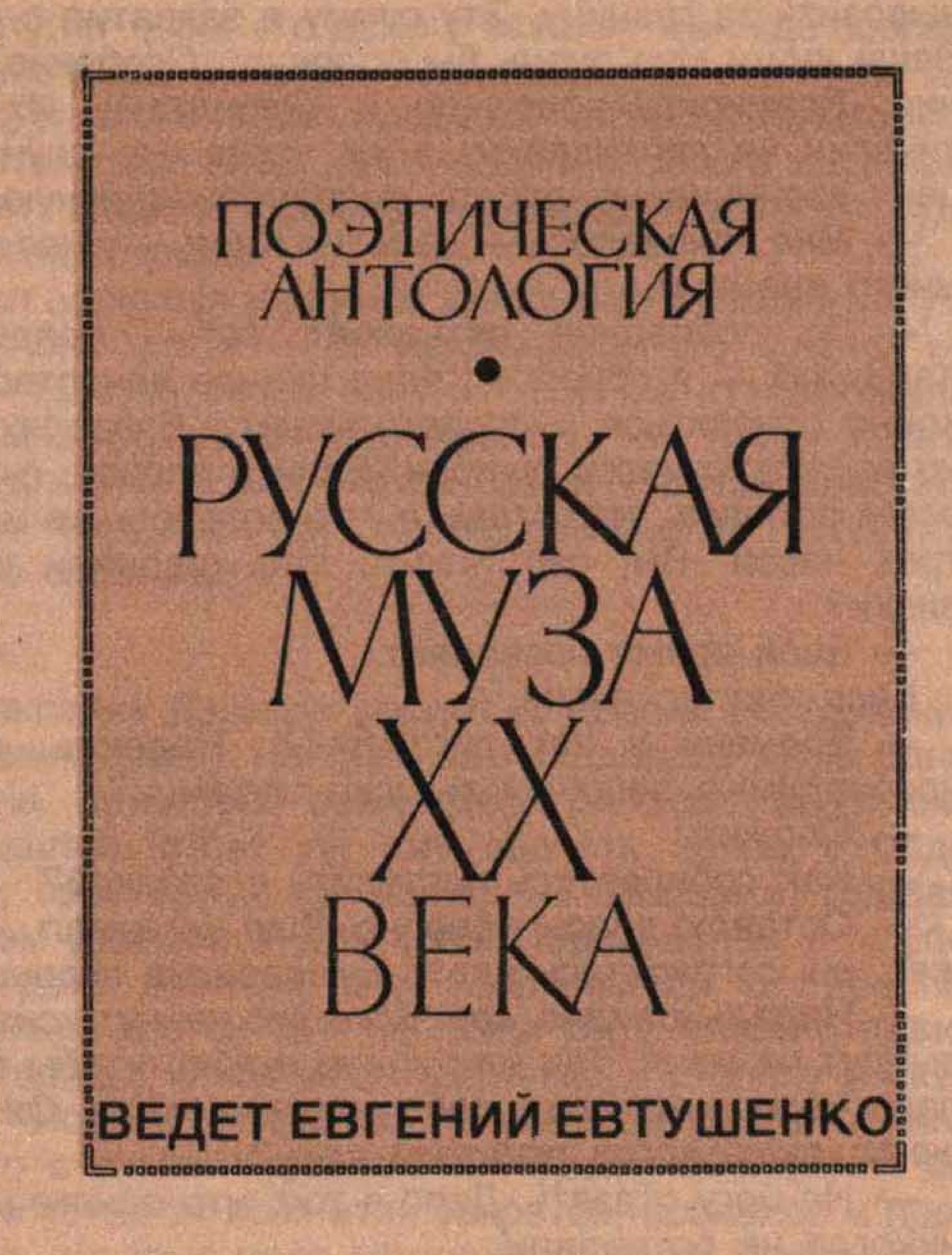
Владимир НИКОЛАЕВ

* Икэда Д., Логунов А., «Третий радужный мост», Москва, издательство «Прогресс», 1988 г.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

1912—1972

В. Боков когда-то точно назвал героя раннего Смелякова «Евгением Онегиным фабричной окраины». Свою книгу «Работа и любовь» двадцатилетний Смеляков набирал сам, как рабочий московской типографии. После публикации «Любки Фейгельман» Смеляков стал самым знаменитым поэтом ранних тридцатых годов. Однако, попав вместе с Павлом Васильевым в одну из статей Горького, Смеляков очутился под прицелом беды. Она не замедлила случиться. Смеляков был арестован по доносу и вышел в редком для освобождения году — в 1937-м. В первые месяцы Отечественной войны рядовым солдатом воевал в Карелии, попал в плен, и, вернувшись в 1944 году на Родину, снова был арестован. По освобождении опубликовал прекрасную книгу «Кремлевские ели», но затем опять по доносу одного «собрата-поэта» был арестован. Вернулся из лагерей в 1956-м, привезя оттуда полную удивительно сохраненного революционного романтизма повесть в стихах «Строгая любовь», триумфально принятую самыми строгими критиками. Долгие годы, несмотря на нелегкий характер, был всеми уважаемым и любимым председателем московских поэтов. Смеляков не любил показывать немногие лагерные стихи, написанные им, и они были напечатаны лишь после его смерти. Если собрать все шедевры Смелякова вместе, не включая временного, наносного, то получится замечательная книга тысячи на три строчек, а столько не наберется, скажем, у Гумилева. Смеляков, по-моему, как автор лирических стихотворений был значительней, чем Твардовский, но уступал ему в эпике. А теперь пусть в меня бросят камень за так называемый «субъективизм». Объективных антологий вообще не бывает.

ЛЮБКА

Посредине лета
высыхают губы.
Отойдем в сторонку,
сядем на диван.
Вспомним, погорюем,
сядем, моя Люба.
Сядем, посмеемся,
Любка Фейгельман!

Гражданин Вертинский
вертится. Спокойно
девочки танцуют
английский фокстрот.
Я не понимаю,
что это такое,
как это такое
за сердце берет?

Я хочу смеяться
над его искусством,
я могу заплакать
над его тоской.
Ты мне не расскажешь,
отчего нам грустно,
почему нам, Любка,
весело с тобой?

Только мне обидно
за своих поэтов.
Я своих поэтов
знаю наизусть.
Как же это вышло,
что июньским летом
слушают ребята
импортную грусть?

Вспомним, дорогая,
осень или зиму,
синие вагоны,
ветер в сентябре,
как мы целовались,
проезжая мимо,
что мы говорили
на твоем дворе.

Затоскуем, вспомним
пушкинские травы,
дачную платформу,
пятизвездный лед,
как мы целовались
у твоей заставы,
рядом с телеграфом,
около ворот.

Как я от райкома
ехал к лесорубам.
И на третьей полке,
занавесив свет:
«Здравствуй, моя Любка».
«До свиданья, Люба!» —
подпевал ночами
пасмурный сосед.

И в кафе на Трубной
золотые трубы,
только мы входили,
обращались к нам:
«Здравствуйте,
пожалуйста,
заходите, Люба!
Оставайтесь с нами,
Любка Фейгельман!»

Или ты забыла
кресло бельэтажа,
оперу «Русалка»,
пьесу «Ревизор»,
гладкие дорожки
сада «Эрмитажа»,
долгий несерьезный
тихий разговор?

Ночи до рассвета,
до моих трамваев.
Что это случилось?
Как это поймешь?
Почему сегодня
ты стоишь другая?
Почему с другими
ходишь и поешь?

Мне передавали,
что ты загуляла —
лаковые туфли,
брошка, перманент.
Что с тобой гуляет
розовый, бывалый,
двадцатитрехлетний
транспортный студент.

Я еще не видел,
чтоб ты так ходила —
в кенгуровой шляпе,
в кофте голубой.
Чтоб ты провалилась,
если все забыла,
если ты смеешься
нынче надо мной!

Вспомни, как с тобою
выбрали обои,
меховую шубу,
кожаный диван.
До свиданья, Люба!
До свиданья, что ли?
Все ты потопила,
Любка Фейгельман.

Я уеду лучше,
поступлю учиться,
выправлю костюмы,
буду кофий пить.
На другой девчонке
я могу жениться,
только ту девчонку
так мне не любить.

Только с той девчонкой
я не буду прежним.
Отошли вагоны,
отцвела трава.
Что ж ты обманула
все мои надежды,
что ж ты осмеяла
лучшие слова?

Стираная юбка,
глаженая юбка,
шелковая юбка
нас ввела в обман.
До свиданья, Любка.
До свиданья, Любка!
Слышишь?
До свиданья,
Любка Фейгельман!

ПАМЯТНИК

Приснилось мне, что я чугунным стал,
Мне двигаться мешает пьедестал.

Рука моя трудна мне и темна,
и сердце у меня из чугуна.

В сознании, как в ящике, подряд
чугунные метафоры лежат.

И я слежу за чередою дней
из-под чугунных сдвинутых бровей.

Вокруг меня деревья все пусты,
на них еще не выросли листы.

У ног моих на корточках с утра
самозабвенно лазит детвора,

а вечером, придя под монумент,
толкует о бессмертии студент.

Когда взойдет над городом звезда,
однажды ночью ты придешь сюда.

Все тот же лоб, все тот же синий взгляд,
все тот же рот, что много лет назад.

Как поздний свет из темного окна,
я на тебя гляжу из чугуна.

Недаром ведь торжественный металл
мое лицо и руки повторял.

Недаром скульптор в статую вложил
все, что я значил и зачем я жил.

И я сойду с блестящей высоты
на землю ту, где обитаешь ты.

Приближусь прямо к счастью своему,
рукой чугунной тихо обниму.

На выпуклые грозные глаза
вдруг набежит чугунная слеза.

И ты услышишь в парке под Москвой
чугунный голос, нежный голос мой.

* * *

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Порошков или капель — не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
вот чем стоит лечить.
От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь — почувствуешь:
вечно живем.
Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путем.

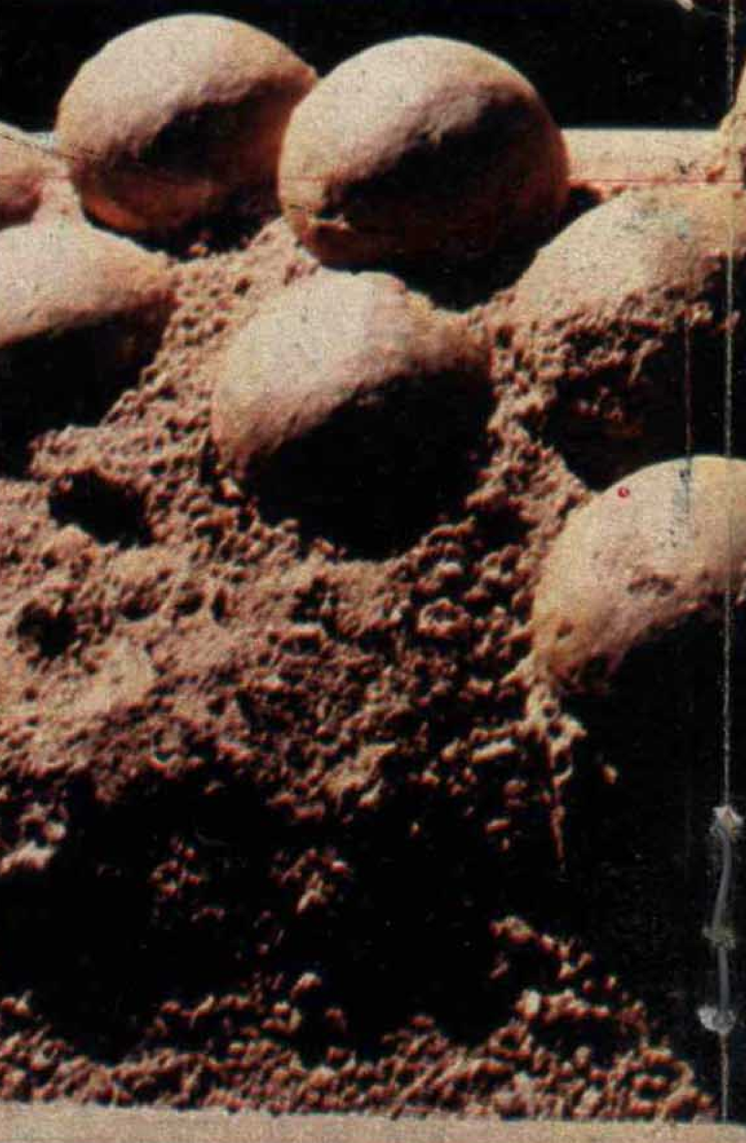
ПРИСТАНИЩЕ ДИНОЗАВРОВ

ЗДЕСЬ ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ ОДИН НА ОДИН С ВЕКОВЫМИ ТАЙНАМИ ПЛАНЕТЫ, ЕЕ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ. КАЖЕТСЯ НЕВЕРОЯТНЫМ, ЧТО ЗА ТОЛСТЫМИ КРАСНО-КОРИЧНЕВЫМИ СТЕНАМИ ДИКОВИННОГО ЗДАНИЯ, НАПОМИНАЮЩЕГО ДРЕВНЮЮ АМФОРУ, НО ГИГАНТСКИХ РАЗМЕРОВ, ЖИВЕТ И РАБОТАЕТ СЕГОДНЯШНЯЯ МОСКВА. В ЭТОМ НЕДАВНО ЗАКОНЧЕННОМ АРХИТЕКТУРНОМ АНСАМБЛЕ РАСПОЛОЖИЛСЯ НОВЫЙ МУЗЕЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото
Виктора РЕЗНИКОВА

Окончание на стр. 24.

Музей носит имя удивительного ученого и человека Юрия Александровича Орлова. Это он называл его «пристанищем динозавров», огромных загадочных существ, олицетворяющих для нас далекое прошлое Земли. До строительства нового музея академик Орлов не дожил, но замысел его создания лелеял давно, обсуждал с учеными и коллегами, художниками, архитекторами...

ОСОБНЯК В РАССРОЧКУ

На стройке цвели подсолнухи. А кое-где за штабелями кирпича и досок можно было разглядеть еще и грядки помидоров, лука, укропа. За грядками — детские пеленки на веревках... Цвели на стройке подсолнухи. Но это означало не затишье на площадке, а наоборот — самый разгар работ. Там и тут слышался гул самодельных растворомешалок, сооруженных из обыкновенных металлических бочек с откидной крышкой на защелке, стук молотков, требовательные голоса: «Еще растворчику!» Там и тут мелькали кирпичи в быстрых руках, и постепенно росли стены и перегородки будущих домов.

**Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент
«Огонька»
Фото автора**

Эх, веселый день — суббота,— пропел, оглядывая стройплощадку, главный архитектор Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината Юрий Михайлович Трашков,— но то ли еще завтра будет.

— Так ведь завтра воскресенье,— удивился я,— выходной.

— Вот, вот — выходной,— согласился Трашков, не замечая моего удивления,— лучший день для большой работы...

Что это так, я скоро убедился. И «странности» этой стройки, затеянной комбинатом на левом берегу Иртыша, меня не удивляли, а радовали. Здесь рождался поселок Металлург на 14 тысяч жителей. Причем строили его сами будущие новоселы, строили, используя отпуск или свободное время. Вот почему именно выходные были здесь днями большой работы. Приезжали семьями и направлялись к своим участкам. В будущем поселке будет построено 670 индивидуальных жилых домов.

— Для себя люди стараются, потому и со временем не считаются,— объяснил секретарь парткома комбината Геннадий Федорович Клюев,— многие и ночами работают. Мы десятилетиями придавали слову «частник» сугубо негативный смысл, а тут, смотрите, частное строительство помогает решать большую государственную проблему — проблему жилья. И мы ему всячески помогаем.

— Как появилась идея?

— Жизнь подсказала, а вернее, безвыходность нашего положения. Дело в том, что очередь на квартиры перевалила на комбинате за три тысячи человек и продолжала расти. Темпы строительства жилья не поспевали за спросом. Наши металлурги уходят на пенсию раньше, чем другие рабочие, а новички, приходящие на замену, как правило, без крыши над головой. Им приходилось ждать своих ключей по десять и больше лет. Когда комбинат перешел на самофинансирование и получил возможность свободно распоряжаться заработанными средствами, возникла идея индивидуального строительства. Каждый год мы выделяем садовые участки. А почему бы на таком участке не поставить капитальный дом, совместив разом чаяния очередников и стремление людей жить со всеми удобствами поближе к хозяйству? Почему в конце концов не создать целый поселок из таких коттеджей, разумеется, с помощью комбината?

— В чем заключается такая помощь?

— В обеспечении необходимой документацией и строительными механизмами, в снабжении материалами — кирпичом, лесом, железобетоном... Комбинат выполняет и все работы по благоустройству и инженерному обеспечению поселка — сооружает дороги, водоснабжение, освещение, канализацию, отопление. За ним возведение школ, детских садов, общественного центра с магазинами, поликлиникой, зоной отдыха — все за счет средств соцкультбыта.

— Ну, хорошо. Скажем, и я решился на постройку собственного дома, а опыта у меня никакого. С чего начать?

— Наверное, с выбора проекта,— сказал главный архитектор комбината Трашков,— и есть из чего выбирать. Наш архитектурный отдел, созданный специально для этой цели, разработал пять типов на разные вкусы. Хотите двухэтажный особняк? Пожалуйста. Если не нравится, стройте одноэтажный. В любом из них предусмотрены просторные кухни, а в цокольном этаже гараж, баня, мастерская, кладовая для хранения солений и варений. У каждого — приусадебный участок... Если нет строительной специальности, то ее можно приобрести на курсах при комбинате.

— Итак, специальность каменщика, допустим, я приобрел, а вот с деньгами туговато. Как быть? Сколько, кстати, стоит ваш дом?

— Самый большой — около тридцати тысяч рублей.

— Не дороговато ли? Можно и не достроить...

— Но металлурги зарабатывают неплохо. А, кроме того, каждый наш застройщик может получить ссуду в размере 80% от сметной стоимости дома. Легко подсчитать, что в нашем случае это составит 24 тысячи рублей. При этом своим передовикам комбинат вправе погасить до двадцати процентов этой ссуды, оставшаяся же часть выплачивается в течение пятнадцати лет. А добросовестный работник может получить еще и безвозмездную помощь, причем дважды: первый раз спустя пять лет после новоселья — пятнадцать процентов от оставшейся задолженности, второй — через десять лет, но уже в размере тридцати процентов. Теперь подсчитайте вместе со льготами и решайте, стоит ли строить?

Я прикинул — нужно немедленно столбить участок и рыть котлован. Однако, как и иные сомневавшиеся, которые теперь, пожалуй, досадуют, я опоздал. Все участки мигом разобрали, и мне лишь осталось пройти по площадке и посмотреть, как строят более решительные.

Где только положили фундамент, а где уже вершили крышу. На одном из участков кипела такая резвая трудовая карусель, что пройти мимо было никак невозможно. В ней «крутились» человек тридцать: одни просеивали песок для раствора, другие готовили этот раствор, третьи подавали кирпичи, пятые укладывали их в стены. А еще устанавливали опалубку, заливали в нее шлакобетон, кто-то раздувал самовар — какая же работа без чая? А ребятишки дрессировали котенка к новоселью.

— Кто же тут строит? — поинтересовался я.

— Семейный «трест» Коганбаевых,— пошутили в ответ. Затем подошел глава «треста», молодой плавильщик цеха рафинации Чингис Коганбаев, объяснил, что строит двухэтажный дом. Помочь ему приехали из Уланского района отец и мать, сестры, племянники, родственники жены Зияш, которая работает в городской больнице. И ее подруги, и его друзья, и друзья друзей. И так бывает каждый выходной.

— Начали весной — говорил Чингис,— а к ноябрю надеемся справить новоселье...

На соседней площадке двое парней устанавливали стропила над вторым этажом. Из двери вышла женщина, спросила:

— Хороший дом? — и, не дожидаясь ответа, пояснила: — Это зять мой Валерий Гамула строит. Он электрослесарь, а дочь учительница. Семь лет углы снимали. Поди подыщи подходящий, чтоб разместиться с двумя ребятишками? А тут целый дом! Свой, собственный! Помогаю молодым, чем могу. До пенсии тоже на комбинате работала. А теперь здесь за прораба...

Слесарь Калымхан Нурахметов тоже собирался крыть крышу. По проекту предусмотрена кровля из шифера.

— Что вы! Шифер — дефицит. Его не достать,— сказал Калымхан,— буду крыть бочками. Не шучу. На комбинат привозят химикаты в металлических бочках, которые потом отправляют в металлолом. Но если удалить дно, затем разрезать и выправить, то получается прекрасный кровельный лист. И стоит копейки. На крышу моего дома нужно ровно триста штук. Обойдется раза в три дешевле шифера...

Поселок Металлург возводят в основном молодые. И каждого собеседника отличала серьезная основательность в делах.

— Вас это не удивляет? — спросил я директора Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината Ахата Салимхатовича Куленова.

— Радует,— ответил он,— очень радует. Эти дома — не на сегодня и даже не на близкое завтра. Им в предстоящем веке стоять. И жить в них детям и внукам новоселов. А значит, и будущее предприятия обещает стать прочным...

Может сложиться впечатление, что у молодых строителей Металлурга не возникает никаких проблем. Если бы так. Много нареканий на нехватку цемента, железобетона, кирпича, столярных изделий. Иным приходится приостанавливать из-за этого свое строительство. Но руководители комбината делают все возможное, чтобы решить возникающие проблемы.

Скажем, предприятие взяло на баланс полуразрушенный кирпичный завод в поселке Глубокое, отремонтировало и пустило его на полную мощность. Однако тут же заводу «спустили» государственный план, обязав значительную часть кирпича отдавать на сторону. Справедливо ли? Пожалуй, районной администрации следовало хотя бы в первые три-четыре года отсылать весь кирпич на индивидуальное строительство. Железобетонные изделия тоже будут изготовлять на комбинатском полигоне. Только есть ли гарантия, что и его не «задавят» администрированным планом? Пока же индивидуальное строительство разбито по срокам на несколько очередей. В нынешнем году намечается к сдаче около 70 домов. Они и снабжаются материалами в первую очередь. Однако планам угрожает срыв — есть опасение, что субподрядчики не проведут к поселку тепловые сети до наступления холодов, не проложат канализацию.

Многие предприятия Усть-Каменогорска по примеру металлургов также разворачивают индивидуальное строительство. Надо ли говорить, с какой надеждой они следят за экспериментом Металлурга?

Несколько месяцев спустя я вновь приехал в Металлург. Стояла глубокая зима, испытывая довольно-таки приличным морозом новостройку. Впрочем, строительной лихорадки теперь не замечалось. Снегу намело столько, что кое-где сугробы доставали до крыши. Но поселок жил, хотя и не столь интенсивной жизнью, которую я ожидал увидеть. Что же произошло тут за это время? Исполнились ли надежды индивидуальных застройщиков? И да, и нет. Да, потому что до наступления холодов субподрядчики успели-таки дать поселку горячую воду, подвести сети канализации и водоснабжения. Да, потому что, как и намечалось, к зиме под крышей оказалось семь десятков домов... И все же нет, потому что канализация пока не действует и нет холодной воды (хотя, повторяю, инженерные сети к домам подведены). Нет, потому что из семидесяти домов готовы до такой степени, что в них можно жить (и в них живут), только пять или шесть. Еще в двух-трех новоселы и сейчас, зимой, ведут отделочные и другие внутренние работы, остальные ждут своего часа (видимо, летнего, что вполне понятно,— летом строить легче). Тут надо сказать, что некоторые издания поторопились ударить в литавры, объявив, что поселок Металлург уже заселили пять тысяч новоселов, что жизнь там бьет ключом и т. п. Не знаю, кому польза от такого звона, но не собираюсь, впрочем, бросаться в другую крайность. Важен, по-моему, спокойный и деловой анализ происходящего. А он таков, что к нынешней зиме массовое заселение Металлурга, видимо, и не могло планироваться, поскольку в поселке пока нет ни детского сада, ни магазинов, ни городского транспорта. Все это планируется создать в самое ближайшее время, и вот тогда... Тем не менее рискну закончить на оптимистической ноте, на которую настроило меня знакомство со слесарем-монтажником Петром Екимовым. Восседая на штабеле половых досок, приготовленных к настилке в одной из комнат, он говорил:

— Это мой дом, понимаешь? Собственный. Нет, вижу — не понимаешь. Меня тот поймет, кто в очереди на квартиру стоял шестнадцать лет. А тут не квартира — целый дом. Он под крышей, и в нем тепло, и я построил его своими руками всего за несколько месяцев. Мать не верила, я сам себе сначала не очень-то верил. Теперь все верят, потому что не один дом под крышей, а семьдесят... Вот в этой нашей вере главное — наше будущее. Так я думаю...

Так сейчас думают многие, очень многие.

●

Павел БОГОМОЛОВ

РАЗБУЖЕННЫЙ БЕРЕГ

Тревожные вести из Центральной Америки снова заполнили эфир и газетные полосы. Раздраженный нежеланием конгресса США выделить очередную финансовую помощь сомосовским бандам, Белый дом искусственно накаляет обстановку вокруг Никарагуа. Под надуманным предлогом «сандинистской агрессии против Гондурса» в регион дополнительно переброшены крупные контингенты американских войск.

Вашингтон делает ставку, в частности, на обострение социально-экономической ситуации и разжигание сепаратистских настроений внутри Никарагуа. Особое место в планах ЦРУ и его местных ставленников занимает Атлантическое побережье страны, населенное преимущественно индейскими племенами. Предлагаем вниманию читателя репортаж из этого района Никарагуа.

НИКАРАГУАНСКИЙ РЕПОРТАЖ

Подошвы кроссовок совсем не скользили по перламутровому ракушечнику и не утопали в нем, а, наоборот, печатали шаг уверенно и прочно, словно шли по своеобразной брусчатке — хотя и мелкой, но очень твердой.

Здесь, на острове Рамаки, извилистые улочки среди крытых пальмовыми листьями домов выложены ракушками — отходами морского промысла местных индейцев из общины рама. Впрочем, улиц совсем немного — речь идет всего лишь о крохотном клочке суши. Расположен он близ Атлантического побережья Никарагуа. Того самого побережья, население которого почему-то принято называть одним словом — «мискитос».

Свежевыкрашенный белой краской, аккуратный домик миссионера на изумрудно-зеленом пригорке был закрыт на замок. Оказалось, что пастырь, о котором, кстати говоря, отзываются здесь с неизменным уважением, отбыл по своим делам на «большую землю». Может быть, поэтому рыбаки позволили себе расслабиться и откупорить добрую дюжину бутылок рома.

Едва ли не у каждой хижины развалились на деревянных ступенях отцы семейств, отхлебывали крепкий напиток, не разбавляя его ни водой, ни каким-либо соком. На это мужское «веселье» отрешенно смотрели женщины.

...Когда я говорю об этом в Москве, друзья нередко сердятся, возражают. Зачем же, дескать, подрывать устойчивый образ героической страны, упорно сопротивляющейся агрессии? Неужели для рассказа о легендарной Никарагуа не нашлось других красок?

Краски, конечно, есть, и притом самые яркие. Думается, однако, что если мы, очевидцы, не поведаем сегодня о многочисленных недугах — как унаследованных никарагуанцами от диктатуры, так и распространившихся в последние годы,— если не скажем об этом откровенно и прямо, то завтра читатель неизбежно предъявит свои обоснованные претензии. Он наверняка спросит: правда ли, что только «необъявленная война» не дала сандинистской революции в полной мере раскрыть свой созидательный потенциал?

Чтобы ответить беспристрастно, достаточно полистать подшивку «Баррикады» — печатного органа Сандинистского фронта национального освобождения. Газета прямо пишет, что некоторые вчерашние повстанцы, оказавшись в директорских и министерских кабинетах, медленно набираются опыта хозяйственной деятельности, грешат некомпетентностью и пассивностью, а подчас и допускают отклонения от моральных принципов революции. В ряде отраслей никарагуанской экономики слабо используется весьма значительная зарубежная помощь.

Немало упущений накопилось и в сельском хозяйстве республики, вторит «Баррикаде» газета «Нуэво диарио». Многие крестьяне, получив земельные наделы по закону об аграрной реформе, не спешат производить товарную продукцию. Причем происходит это не только из-за угроз «контрас» или, скажем, нехватки удобрений, кормов и запчастей. Есть изъяны и в самой системе ценообразования, серьезно нарушен товарообмен между городом и деревней.

— Так что дело не только в войне,— говорил мне на ломаном испанском языке один из островитян по имени Мигель, скуластый индеец с очень вы-

пуклыми, надорванными когда-то рыболовным крючком губами. Костюм его состоял из резиновых сапог, шорт и камуфляжной армейской шляпы.— Пойми, компаньеро, что еще два года назад наша деревня добровольно разоружилась и прекратила бороться против законной власти. Мы отказали мятежникам в еде и крове, чем, естественно, нажили себе массу неприятностей. Так или иначе, но Рамаки перестал быть опорной базой «контрас» и уж тем более — полем боя. Но вот незадача: жить нам по-прежнему очень трудно. Поговори с народом, и кое-что для тебя прояснится.

...Как и много лет назад, индейцы племени рама периодически отвозят в близлежащий город Блуфилдс свой улов, главным образом креветки. Однако инфляция достигла в Никарагуа таких рекордных размеров, что добыча рыбаков просто обесценивается. Впрочем, представим себе на мгновение, что денег заработано все же достаточно. На что же, спрашивается, их можно потратить? Многие магазины заколочены, саботажники, контрабандисты и прочие вредители срывают выполнение планов товарооборота. А там, где торговля все-таки есть, прилавки полупустые.

Не хватает рыболовных снастей, подвесных лодочных моторов, домашней утвари. Словом, волей-неволей приходится покупать ром, тем более что другие развлечения на острове Рамаки пока еще неведомы. Правда, недавно здесь поставили небольшой дизельный электрогенератор, главным образом для того, чтобы помочь рыбакам организовать вечерний досуг. Но вот незадача: не хватает топлива, так что мечту о кинопросмотрах приходится отложить на будущее. Начальная школа, к сожалению, непопулярна — малограмотные родители не видят в ней особого проку для своих детей.

* * *

Беднота и отсталость, разобщенность многих социальных слоев и этнических групп, генетические последствия массовых эпидемий и геноцида, примитив повседневного быта и духовный вакуум, сохраняющийся в ряде мест... Все эти тревожные факторы идут в перечне проблем, трудностей и лишений революционной Никарагуа вслед за главной причиной ее поистине нечеловеческих испытаний — агрессией.

— И когда же все-таки вы, репортеры, начнете писать обо всем этом многопланово, по-разному? — спросил меня однажды председатель Антиимпериалистического трибунала Латинской Америки, член Всемирного Совета Мира Гильермо Торриэльо Гарридо.— Писать, конечно, с неизменной симпатией, но вместе с тем серьезно и ответственно. А если потребуется — брать на себя смелость и предупреждать о возможных опасностях, вынужденных отступлениях.

Мой собеседник более четырех десятилетий назад, будучи министром иностранных дел в прогрессивном правительстве Гватемалы под руководством Хакобо Арбенса, подписывал знаменитую хартию ООН. После 1954 года, когда гватемальский революционно-демократический режим был насильственно свергнут в результате происков Вашингтона, Торриэльо был вынужден эмигрировать. Удары судьбы преследуют этого волевого, мужественного человека до сих пор. Совсем недавно, например, от рук ультраправых террористов погибла в Гватемале его дочь.

Отхлебнув из тонкой фарфоровой чашечки глоток очень крепкого, по-кубински сваренного кофе, Торриэльо сделал небольшую паузу, а затем продолжал:

— Возьмем, к примеру, нынешний этап в жизни Никарагуа. Я имею в виду реализацию договоренностей о мирном урегулировании конфликта в Центральной Америке. Все мы, конечно, аплодируем политике национального примирения, проводимой наиболее последовательно именно сандинистским правительством. Но при этом нередко впадаем в упрощение: стоит, мол, только расчистить завалы на пути диалога, и дело пойдет как по маслу! В общем-то примирение действительно необходимо, так что я за него обеими руками. Опасность, однако, в том, что в Никарагуа возвращаются сотни амнистированных «контрас», латифундистов, компрадоров и реакционных деятелей церкви. Оппозиция усиливается количественно и качественно, создавая тем самым еще одну проблему для революционного правительства. Между тем вы, газетчики, упоминаете об этом лишь вскользь. И, между прочим, напрасно!

...Слова Гильермо Торриэльо не случайно вспомнились мне на острове Рамаки. Как и по всей Никарагуа, процесс национального примирения идет здесь, на Атлантике, весьма сложно и противоречиво. И все-таки он идет, каких бы трудностей это ни стоило. Идет, быть может, потому, что найдена удачная, единственно приемлемая для Атлантического побережья республики формула примирения: утверждение и развитие широкой автономии индейских племен.

В отличие от тихоокеанской, более развитой во всех отношениях зоны Никарагуа, берег Атлантики характеризуется особой степенью отсталости, многочисленными элементами родовых отношений. Здесь, на 56 процентах территории страны, проживает, согласно статистике, один из десяти никарагуанцев. Преобладают испаноязычные метисы, но есть и 26 тысяч англоговорящих креолов. Их соседи — мискито и сума — имеют собственные наречия, а вот, к примеру, гарифоны и упомянутые в этом репортаже рама свои языки утратили.

Классовое расслоение на Атлантическом побережье страны было довольно слабым. Казалось бы, это позволяло никарагуанской революции идти в этих районах вширь и вглубь, не испытывая особо сложных проблем по крайней мере в плане перераспределения собственности. Однако новая власть допустила, как сейчас признается уже официально, по крайней мере две крупные ошибки.

В первые годы революционных преобразований здесь не было учтено, что индейцы веками связывали надежды на будущее не столько с интеграцией в масштабе всей республики, сколько с отвоеванием своих законных исторических прав, с возвратом к собственным традициям и культуре. Кроме того, сандинисты попытались насильственно переселить несколько индейских общин подальше от взрывоопасной гондурасской границы — за многие десятки, а то и сотни миль от насиженных мест.

Стоит ли после этого удивляться, что империалистические спецслужбы и их местные ставленники временно перехватили у революции лозунги борьбы за национальное и социальное освобождение жителей Атлантического побережья. В непроходимых тропических лесах и болотах началась изнурительная, кровопролитная и бессмысленная война между частью индейцев, обманутых предводителями «контрас», и батальонами Сандинистской народной армии. Война, которая, к счастью, уже затихает.

* * *

— Впрочем, не слишком-то успокаивайся и не обольщайся тишиной. «Контрас» все еще заплывают в эти воды на своих быстроходных моторках — «пираньях». А ведь нам с тобой предстоит возвращаться с острова на «большую землю»,— предупредила меня заместитель министра культуры Никарагуа Видалус Менесес. Она, кстати говоря, приплыла на Рамаки на том же катере, что и автор этих строк.

Видалус Менесес связывает немало надежд с проведением на Атлантическом побережье больших фольклорных праздников. Она искренне верит, что такие фестивали, будучи по-настоящему искрометными и азартными, могут дать местным жителям больше, чем, скажем, товарные поставки или даже прокладка дорог. Вот и здесь, на Рамаки, Видалус сразу же занялась проработкой вопросов участия самодеятельных артистов в региональном празднике «Пало-де-майо». По словам заместителя министра, это красочное зрелище уходит своими корнями в языческие времена. Недаром участники уличных шествий несут не изображения святых, а «пало» — хорошо обструганный шест, пестро разукрашенный индейской и негритянской символикой.

...Два часа спустя, когда по мутно-зеленому мелководью мы доплыли наконец до земли, я понял смысл предупреждения Видалус насчет «контрас». Первым же человеком, которого мы встретили на причале, оказался депутат национальной ассамблеи Никарагуа Рей Хукер, избранный в парламент от департамента Селаи. Он сразу же спросил, не было ли у нас в пути происшествий. Узнав, что все прошло спокойно, Хукер добавил:

— А вот меня вместе с женой и мотористом рыбацкого баркаса «контрас» атаковали прямо в море. Было их человек тридцать. Вооружены до зубов. Зацепили нашу лодку крючьями и увезли на необитаемый берег вблизи коста-риканской границы. Продержали там 59 дней, а потом были вынуждены обменять нас на нескольких своих сообщников, взятых в плен бойцами СНА.

Такая вот получилась одиссея у Рея Хукера. Разговорившись со мной, он пообещал познакомить с местными руководителями и сдержал слово. Мне удалось побеседовать с Леонелем Эспинозой, Умберто Кемпбеллом, Джонни Ходжсоном и другими функционерами Сандинистского фронта, координирующими процесс установления и развития национальной автономии в Селае. Вот что они рассказали.

Военная ситуация в регионе контролируется в целом надежно. Остатки бандитских формирований сепаратистской организации «Мисура» уже не способны на активные боевые действия — им не удается даже объединить остатки своих сил. И все же они огрызаются: нападают на рыбацкие шхуны, похищают людей. Все это затрудняет деятельность только что созданных органов местного самоуправления, нарушает экономическую жизнь края.

Между тем Селая необычайно богата в природном отношении. Здесь сосредоточено 90 процентов никарагуанской древесины, однако промышленная лесоразработка едва налаживается после нескольких лет разрухи. Плодородная морская нива раскинулась на 55 тысяч квадратных километров, но в действительности акватория промысла впятеро меньше: не хватает судов и крайне слаба инфраструктура. Бездействуют многие шахты, а ведь большинство месторождений редких металлов расположено именно здесь, на Атлантическом побережье. Край испытывает острейший дефицит квалифицированных кадров — 80 процентов образованных жителей Селаи эмигрировали отсюда еще до революции, в годы сомосовской диктатуры.

— В общем, иной раз руки опускаются от такого скопления проблем,— откровенно посетовал Кемпбелл.— Но все-таки стыдно пасовать перед трудностями, не для этого революция облекла нас полномочиями. Реализуя принципы автономии, мы прежде всего создаем, хотя и не столь быстро, как хотелось бы, климат доверия индейцев и креолов к политике властей. Информируем население о том, каким образом распределяет местная ассамблея ту часть общенационального бюджета, которая выделяется на нужды Атлантического побережья. Содействуем воссоединению семей, в спокойной обстановке обсуждаем проблему границ между угодьями индейских общин. Вчетверо увеличилось число детей, получающих начальное и среднее образование. Кстати говоря, учатся они теперь на родных языках, а испанский преподается в качестве второй по значению дисциплины. Готовимся обучать грамотности и взрослых.

Атмосфера национального примирения — хорошая обстановка для разработки социально-экономических проектов, призванных наконец-то вырвать эту зону из тисков нищеты. В глубине сельвы постепенно создаются леспромхозы, в Бразилии заказано 50 траулеров, прокладывается 90-километровая дорога от Блуфилдса до поселка Нуэва-Гинеа. Селая переходит на самообеспеченность рисом и тропическими корнеплодами — юккой и малангой. Больше 1200 гектаров намечено занять под африканскую пальму — природный производитель ценнейших масел. Добыча лангустов, приносящая сегодня 16 миллионов долларов в год, должна давать в перспективе до 30 миллионов долларов.

...В уютном, с едва гудящими кондиционерами кафе «Марсель» — самом лучшем центре общественного питания — я встретил двух болгарских специалистов. Они только что поужинали вполне доступными по здешним ценам креветками и теперь выкладывали на стол кипу банкнот по тысяче кордоб каждая. Что поделаешь — инфляция.

Болгары рассказали, что заняты проектом углубления дна вблизи островка Блафф — того самого, что смотрит с горизонта прямо на Блуфилдс. Со временем там откроется глубоководный порт, и судам из Европы уже не придется идти Панамским каналом в никарагуанский порт Коринто на Тихом океане. Они будут разгружаться прямо здесь, на Блаффе, что сэкономит миллионы долларов и самой республике, и ее основным торгово-экономическим партнерам. А пока...

...Пока из этих мест трудно не то что осуществлять товарообмен с заграницей, но и просто улететь в Манагуа! Регулярных авиарейсов все еще нет. Чтобы получить шанс на обратную дорогу, надо порою сутками сидеть под фанерным навесом вблизи раскаленного летного поля и ждать, ждать, ждать.

Лично мне, когда подошла к концу командировка, ждать «на всякий случай» не захотелось. Вот я и принялся снова бродить по Блуфилдсу, фотографируя выставки народных умельцев, рыбацкие причалы. С удовольствием отведал прямо на улице кукурузную, с ароматным дымком лепешку, а в галантерейной лавке не спеша пересмотрел десятка два ожерелий из черного коралла и белоснежного зуба акулы. Потом вернулся на аэродром и... узнал, что уже «незапланированные» авиетки уже забрали всех желающих и вылетели в столицу.

С досады отправился в штаб военного округа к своему старому знакомому — капитану Ивану Торсеро. Он-то и заверил, что назавтра обеспечит мне место в первом же самолете.

— Может быть, стоит отправиться сушей, с одним из ваших караванов? — попытался я «поднажать».

— Ты с ума сошел,— рассмеялся в ответ Торсеро.— Или по крайней мере не знаешь, что такое бездорожье в сельве, где всегда рискуешь застрять на несколько суток!

...И вот наконец взлет над Блуфилдсом, над изрезанным бухтами берегом океана. Вода искрилась золотой закатной рябью. Между тем наш «Дуглас» — обитый изнутри фанерой ветеран второй мировой войны — надсадно ревел, с трудом преодолевая каждый метр высоты. Чтобы отвлечься от тряски, я снова глянул вниз. Там, неподалеку от пенистой полосы прибоя, земледельцы корчевали и жгли огромные пни тропических деревьев. Сельва постепенно становилась темно-красной и, наверное, плодородной пашней.

Блуфилдс — Москва

Юрий НАГИБИН

ДВА РАССКАЗА

САУНА И ЗАЙЧИК

Это случилось, когда мы еще не проснулись, но сон уже не был ни сладок, ни покоен, ни прочен, и в предутреннюю явь стучалась тревога нелегкого пробуждения. Мы должны были проснуться, потому что заснул он — государственный деятель, не совершивший никакого деяния, четырежды Герой без подвига, увенчанный лаврами писатель, не написавший ни строчки, грандиозное нечто, которого играли окружающие, как на сцене играют короля, создавая мнимое величие поклонами, подобострастием, лестью, неустанными знаками благоговейного внимания, покорностью и бесконечным превознесением до небес.

И его не стало, того, кто, завалив добром собственную семью, позволял хапать и другим, допуская всеобщее разложение. Но когда его не стало, то поняли, что дальше так продолжаться не может, что сама воля к жизни требует перемен. Но многие не знали, что это будут за перемены, мучительно боялись их и хотели лишь одного: дожить вместе с детьми своими и внуками в том мире, где время остановилось. Пусть оно двигается, но где-то там, вдалеке от их больших теплых квартир, уютных кабинетов, комфортабельных санаториев, огромных черных машин с двусмысленными занавесочками. Дальше никто не хотел заглядывать; как-то все образуется, что-то такое произойдет, но не затронув ни их самих, ни родной плоти и крови, безопасно проскользнет мимо. Никто этого не формулировал, есть вещи, которые нельзя даже про себя облекать в слова, ибо слово, как известно, не воробей, и самое важное, сокровенное должно находиться в тебе в аморфном виде, тогда ты не проговоришься, разве что промычишься, а в собственном тайнознании для тебя все расшифровано и названо без помощи слов.

Наш скромный антигерой Сергей Максимович жил в эти дни, как и подавляющее большинство людей его положения, со стесненным сердцем. Он не был какой-то знаменитостью, деятелем исторического масштаба, но в своем районе он был первым. Не вторым, не третьим, а именно Первым. И это налагало. Да нет, если по-серьезному, то ничего не налагало. Мы люди подневольные, как скажут, так и сделаем. Начальство укажет. Мы люди маленькие, наше дело исполнять, а не думать. То есть, если по-серьезному, то и этого от нас не требуется. От нас требуется, чтобы все выглядело так, будто мы исполняем, выполняем и перевыполняем. А это не так уж сложно. За многие годы научились. Вещественность давно уже не в цене, все дело в бумажках, в них должен быть полный порядок. Вся жизнь стала на бумаге, а какая она на самом деле,— никого не интересует. Да и есть ли она на самом деле — сказать затруднительно. Во всяком случае, он твердо знает, что в тех бумажках, которые идут к нему снизу, правды не густо, а в тех, которые подаются на самый верх, и слабого следа нет. А вдруг теперь захотят, чтобы в бумажках была правда? От одной мысли об этом отнимались руки и ноги. Тот, кто ушел, ни в какой правде не нуждался, а своя правда была при нем, тут все всамделишное: кожаное нутро заграничных автомобилей, четыре Золотые Звезды и еще сто сорок шесть наград, неисчерпаемая бочка зернистой икры, весь золото-алмазно-жемчужно-меховой нажиток. Остальное его не касалось. Он никого не трогал, позволяя одним обогащаться, другим спиваться. Покладистый человек. Но его не стало. Пришел другой. Серьезный и всезнающий, вот что худо. В воздухе появилось что-то такое ...озноблившее. Видать, оттого и сообщение о приезде важного московского лица напугало куда больше обычного. Даже сравнивать нечего. Ведь встреча Высокого гостя была настолько разработана, что, будь на месте Сергея Максимовича другой человек, он относился бы к ней, как к маленькому развлечению. Но Сергей Максимович и вообще не был боек, а перед большим начальством благоговел до судорог. И ведь не заносился Высокий гость, не корчил из себя бог весть что, наоборот, показывал, что он человек и ничто человеческое ему не чуждо, но Сергей Максимович всегда помнил, что тому довольно пальцем шевельнуть, и он из Первого станет последним. Это так глубоко засело в печенках, что он не мог проглянуть земную сущность Приезжего, видел его в какой-то дымке, в просквоженном нездешним солнцем тумане. Но в наружном поведении Сергея Максимовича не было подобострастия, чего и не всякий любит, лишь деловая несуетливая услужливость, сочетающая исконное русское гостеприимство с воинской субординацией, будто видел он в Приезжем отца-командира. Это особенно нравилось Высокому гостю, поскольку он в армии никогда не служил, а кроме того, такое отношение было внеличностным, оно относилось не к лицу, а к месту, им занимаемому, и тем поддерживало существующую систему ценностей.

И вот Высокий гость снова едет в райцентр, в маленький, очень старый, даже древний городок, который во тьме истории числил за собой заслуги перед русской землей: посылал рать на поле Куликово, поддерживал московского князя в шемякинскую смуту, отбивался от набегов крымских татар, в остальное время торговал, ремесленничал, горел, отстраивался и раз удостоился посещения Петра I, открывшего под его суглинком целебный источник, а потом навсегда успокоился в звании уездного города и таким же остался, став райцентром. Примечателен он был тем, что его чаще всех других городов области навещали на предмет ревизии высокие гости из Москвы. Это объяснялось тем, что городок находился недалеко от столицы, вело к нему неразбитое шоссе, был он приветливый и опрятный, в окрестностях водились зайцы и лисы, а при райисполкоме имелась превосходно оборудованная сауна, которой местные руководители почти не пользовались.

И когда Первый объявил своим соратникам в форме привычной шутки: «К нам едет ревизор!», особого волнения, тем паче тревоги, его сообщение не вызвало. Даже не спросили, зачем он едет. Впрочем, и так было ясно: об эту пору едут с одним: проверить, как подготовились к зимовке скота.

— Что будем делать? — спросил Первый.

— То же, что и всегда,— прозвучал ответ.— Встретим, как положено дорогого гостя. Раскочегарим сауну на шесть шаров, а потом — на зайчика...

— Да погодите вы с зайчиком! — оборвал Первый.— Как у нас с кормами? Что мы ему покажем?.. Сами ведь знаете...

Собравшиеся слегка оторопели. А разве было когда лучше с кормами? Хуже бывало, а лучше сроду не было. И ничего, всегда с честью выходили... Свезем все корма в «Рассвет» и покажем.

— А если он еще куда сунется?

Что с тобой, Сергей Максимыч, ты, видать, переустал. Куда он сунется? Нечто проедешь?.. В «Зарю новой жизни» еще можно — на листе железа трактором дотащить, а в остальные — жди зимника.

На листе железа он не проедет. Да и нет такого листа — под лимузин. Глупостями мне голову не забивайте. А продумать надо...

— Обратно, Сергей Максимыч, зря сердечко тратишь: как всегда принимали, так и сейчас примем. Сауна со всем, что полагается...

— А есть у нас «что полагается»?

— Как не быть? Область поможет, если что. Набольший, поди, тоже пожалует?

— Нет. Едут к нам напрямик.

Тут собравшиеся озадачились.

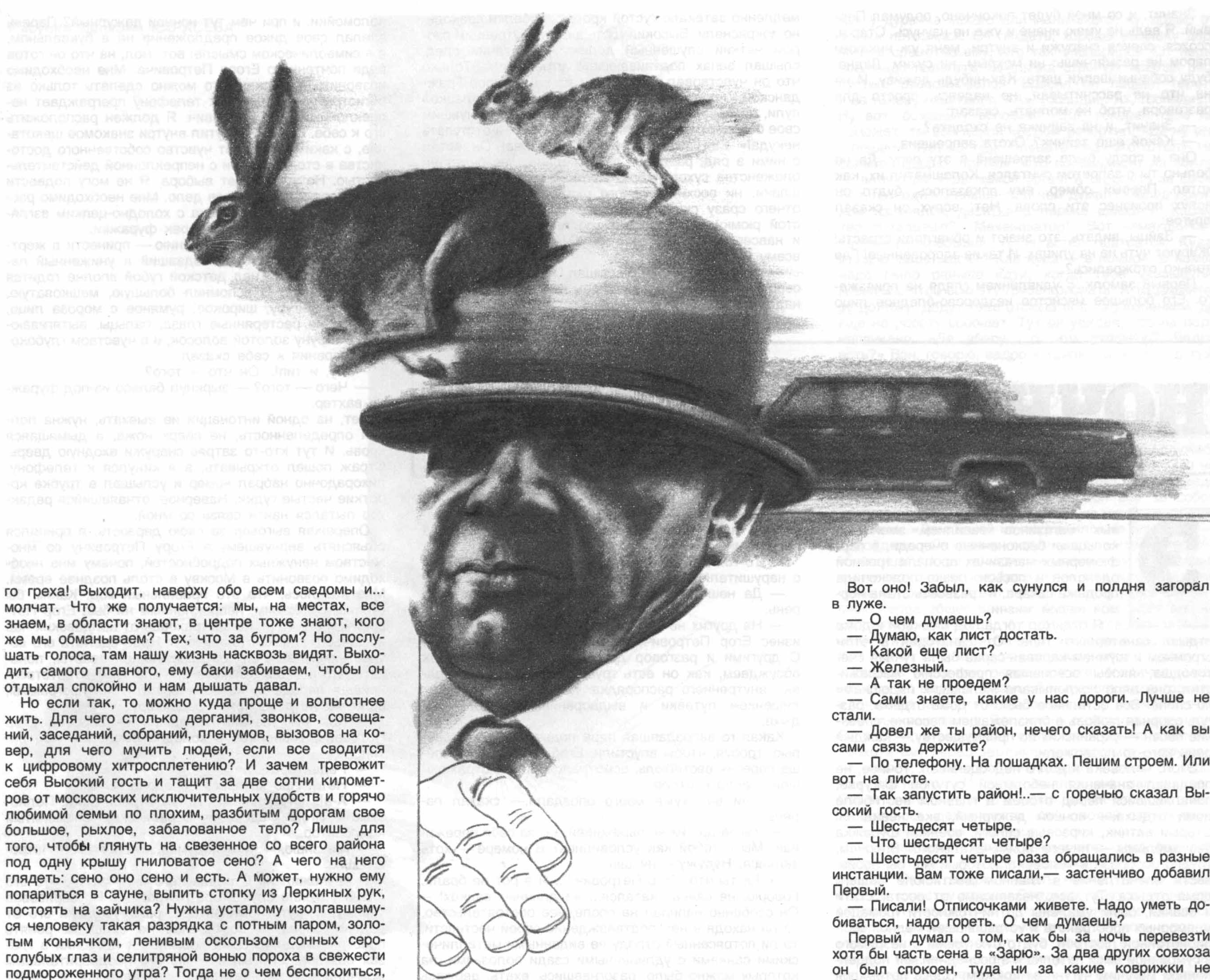
— Напрямик?.. Это что-то новое!..

— А я о чем толкую? — затосковал Первый.— Мы-то с вами старые, а там новое... Ветер перемен. В том-то и закавыка!..

— Никакой закавыки нет. Пусть там новое-разное, нашу Лерку не перешибить. Кто еще так ублажит?

Сергей Максимович вспомнил свежие икры, ямочки на локтях, чуть сонные серо-голубые с поволокой глаза и понял, что возле Лерки-саунщицы стихнет ветер любых перемен. Да и какие могут быть перемены, только тронь — все завалится. И все же дело не так просто: изменить ничего нельзя, но дров наломать можно...

Конечно, ни «Путь к коммунизму», ни «Заря новой жизни», ни «Имени XIV партконференции» не хотели отдавать корма, несмотря на угрозы и заверения, что все до последней соломинки будет возвращено, как только отбудет Высокий гость. Каждый год одна и та же канитель. Пришлось пообещать директору «Зари» путевку в сочинский санаторий, директору «Пути» — покрышки для «Волги», директору «Имени XIV партконференции» — ордер на дамские сапожки фирмы «Пеликан». За сутки корма перевезли на платформах, которые тащили армейские вездеходы. Рев стоял такой, будто танковая армия шла в наступление. И впервые Сергей Максимович призадумался над тем, что все это происходит в открытую, на глазах тысяч людей, и ни для кого не секрет, для чего производится операция. Неужели никто не толкнет донос? Но ведь это повторяется каждый год, и шороха до сих пор не наблюдалось. А доносы, конечно, были, их писали в первую очередь директора «обиженных» совхозов, анонимные, разумеется. Они ровным счетом ничего не теряли от временной разлуки с сеном, но им обидно было, что «Рассвет» всегда на виду, хотя он ничуть не лучше. А что тут поделаешь — начальство приезжает или осенью или ранней весной, когда разверзаются хляби небесные, зимой и летом тут делать нечего, только работе мешать. «Рассвету» повезло — он подгородний, к нему ведет булыжная шоссейка. Да нешто одни директора пишут доносы? Все, обиженные жизнью,— а разве есть необиженный? — строчат «заявления». Вот какое деликатное слово придумали для иудино-

го греха! Выходит, наверху обо всем сведомы и... молчат. Что же получается: мы, на местах, все знаем, в области знают, в центре тоже знают, кого же мы обманываем? Тех, что за бугром? Но послушать голоса, там нашу жизнь насквозь видят. Выходит, самого главного, ему баки забиваем, чтобы он отдыхал спокойно и нам дышать давал.

Но если так, то можно куда проще и вольготнее жить. Для чего столько дергания, звонков, совещаний, заседаний, собраний, пленумов, вызовов на ковер, для чего мучить людей, если все сводится к цифровому хитросплетению? И зачем тревожит себя Высокий гость и тащит за две сотни километров от московских исключительных удобств и горячо любимой семьи по плохим, разбитым дорогам свое большое, рыхлое, забалованное тело? Лишь для того, чтобы глянуть на свезенное со всего района под одну крышу гниловатое сено? А чего на него глядеть: сено оно сено и есть. А может, нужно ему попариться в сауне, выпить стопку из Леркиных рук, постоять на зайчика? Нужна усталому изолгавшемуся человеку такая разрядка с потным паром, золотым коньячком, ленивым оскользом сонных серо-голубых глаз и селитряной вонью пороха в свежести подмороженного утра? Тогда не о чем беспокоиться, все будет, как всегда.

Так чего же он тревожится, почему не может разделять безмятежности окружающих? Он и прежде, ожидая Высокого гостя, волновался, но приятным, подъемным волнением гостеприимного хозяина, желающего показать свой дом с лучшей стороны. К этому примешивалось проникающее чувство значительности события. Но не было ни гнетущего страха, ни отчуждающей тревоги. Было сознание, что делается одно большое общее дело — пусть на разных этажах,— это дарило надежным ощущением сообщничества... нет, дурное слово,— союзничества, непоколебимой крепости всего здания. А сейчас — неуверенность, опаска, сосущая тоска в груди...

Но чувства чувствами, а дело делом. Как говорил поэт Махиня, вдруг выметнувшийся из донецких недр и столь же внезапно канувший в небытие, оставив по себе нескольких разочарованных диссертантов, огни эмоций любо зажигать вечернею порою, когда отходят дневные заботы. И Сергей Максимович, оставив для переживаний вечер и ночь, днем развил энергичную деятельность. Сам съездил в областной центр и привез ящик армянского коньяка, зернистую икру, красную рыбу, лимоны и растворимый кофе. Закрома «Рассвета» плотно и опрятно заполнили кормовым зерном, сеном, сенажем, отрубями, на фермах прибрались, залатали крышу, сменили подстилку.

В назначенный день машина Высокого гостя зашуршала шипованными шинами по мокрому асфальту райцентра. Деревья уже облетели, и город стоял сквозной, голый, неприютный. Зелень очень скрашивала его плюгавость. Да ведь не красна изба углами, а красна пирогами. К тому же Высокий гость так и не поднял занавесочек на окнах.

Встреча у дверей райкома была лишена обычной грубоватой сердечности. Обширное, клеклое лицо приезжего с медвежьими глазками хранило брюзгливо-усталое выражение, в котором растворилось намерение улыбки. Он даже поскупился на те задиристые шуточки, которые неизменно отпускал, обмениваясь рукопожатиями с встречавшими. Молча посовал каждому большую вялую руку и хмуро бросил: поехали, что ли?..

В совхозе все было вроде бы по-обычному, только суше, холоднее. Высокий гость не тыкал пальцем в живот директора, не стравливал его с Первым — любил он такие петушиные сшибки, не рассказывал положенного анекдота про армянское радио, начинающегося уморительно «Нам спрашивают»,— все только по делу. Наверное, теперь такой стиль руководства: деловитость,— смекал Первый. Но это внешняя форма, а что за ней? Какие перемены, может, полный поворот?.. Куда?.. Стоит ли мозги ломать мне, козявке, мурашу. Как скажут, так и будет,— на словах. А если?..

Пробыли они в совхозе без малого четыре часа, хотя дело тянуло от силы минут на сорок. Но в этот раз Высокий гость был на редкость дотошен, хотел все сам увидеть, все потрогать руками. Он, видимо, давал урок ответственности и деловитости. Входил в каждую малость, подробно и пристрастно расспрашивал директора о всех хозяйственных проблемах, не касаясь, правда, самого тонкого вопроса: откуда взялось столько сена и других кормов, когда сеноуборочная провалилась по всей средней России из-за беспрерывных ливневых дождей? А вдруг он думает, что совхоз сам себя обеспечил? — вновь испугался Первый. Тогда мы преступники. Только если круговой обман, тогда это не преступление, а политика...

В райком они вернулись уже в сумерках. Над хозяйственным флигельком, где помещалась и сауна, струился прозрачный сиреневый дымок. Лерка была на посту, и Первый от души порадовался близкому удовольствию другого человека.

— Теперь куда поедем, в «Зарю» или в «Путь»? — резанул по нервам хмурый голос.

Вот оно! Забыл, как сунулся и полдня загорал в луже.

— О чем думаешь?

— Думаю, как лист достать.

— Какой еще лист?

— Железный.

— А так не проедем?

— Сами знаете, какие у нас дороги. Лучше не стали.

— Довел же ты район, нечего сказать! А как вы сами связь держите?

— По телефону. На лошадках. Пешим строем. Или вот на листе.

— Так запустить район!..— с горечью сказал Высокий гость.

— Шестьдесят четыре.

— Что шестьдесят четыре?

— Шестьдесят четыре раза обращались в разные инстанции. Вам тоже писали,— застенчиво добавил Первый.

— Писали! Отписочками живете. Надо уметь добиваться, надо гореть. О чем думаешь?

Первый думал о том, как бы за ночь перевезти хотя бы часть сена в «Зарю». За два других совхоза он был спокоен, туда ни за какие коврижки не добраться.

— Думаю, надо, кровь с носа, раздобыть лист, чтоб завтра утречком выехать. Тогда к обеду будем.

— Как это к обеду? У меня в три совещание.

Первый развел руками и опечалился.

— Скажи мне честно: плохо с кормами? Не подготовились?

— Зачем уж так? — за четверть века руководящей работы Первый не научился врать в глаза. «Недотепушка!» — ласково корила его жена, знавшая эту странную и трогательную особенность мужа. Легко вралось с трибуны в аморфное лицо аудитории и в письменном виде. Он вынул из планшета тонкий машинописный лист с цифрами.

Высокий гость чуть брезгливо, но вроде бы охотно взял письмена, пробежал первую страницу и, сложив, сунул во внутренний карман пиджака.

— Ладно. Посмотрим, что вы насочиняли. Но учти. Я ведь знаю, какие вы мастера ажур наводить... Кормить будете?

— Неужто мы не покормим дорогого гостя? — оживился Первый.— Но сперва пожалуйте в сауну.

Было долгое молчание, затем странным, каким-то больным голосом Высокий гость произнес:

— В сауну?.. С коньячишком?.. С официанткой?..

— Как водится,— пробормотал Первый.

— Неужели сам не понимаешь, в какое время мы живем? Сауна!..— в голосе звучали горечь и укор.— Сейчас нельзя расслабляться, надо быть, как штык. Разложились мы все, к сладкой жизни привыкли. Забыли о наших отцах, босоногих большевиках. Разве думали они о саунах? Даже слова такого не знали.

— Нешто тогда люди не парились?

— Мокрым паром.

— Чего? — не понял Первый.

— Мокрым, а не сухим паром,— пояснил Высокий гость.— В общем, все ясно. Развратились, изнежились, избаловались, но теперь с этим будет покончено. Навсегда.

Значит, и со мной будет покончено, подумал Первый. Я ведь не умею иначе и уже не научусь. Стар я, ссохся, спекся снаружи и внутри, меня уж никаким паром не размягчишь: ни мокрым, ни сухим. Ладно, буду собачьи шапки шить. Как-нибудь доживу. И ни на что не рассчитывая, не надеясь, просто для разговора, чтоб не молчать, сказал:

— Значит, и на зайчика не сходите?

— Какой еще зайчик? Охота запрещена.

Она и сроду была запрещена в эту пору. Да не больно ты с запретом считался. Колошматил их, как хотел. Первый обмер, ему показалось, будто он вслух произнес эти слова. Нет, вслух он сказал другое:

— Зайцы, видать, это знают и обнаглели страсть! Жируют чуть не на улицах. И такие здоровенные! Где только отожрались?..

Первый замолк, с удивлением глядя на приезжего. Его большое мясистое нездорово-бледное лицо медленно затекало густой кровью. И белки свекольно покраснели. Высокий гость видел внутренним взором четкий опушенный деликатный заячий след, слышал запах подтаивающего утренника... Только что он чувствовал себя одним из комиссаров Гражданской, продотрядовцем, гибнущим от кулацкой пули, незабвенным Клочковым-Диевым, крикнувшим свое бессмертное: «Земли за нами много, а отступать некуда!» Как звучат сейчас эти слова! Он встал с ними в ряд, раздавив свое желание: не будет ни блаженства сухого жара, выгоняющего из тела все шлаки, ни восхитительного оката холодной водой, отчего сразу скидываешь десяток лет, ни золотистой рюмки в обнаженной по плечо нежной руке, и навсегда погасли серо-голубые с поволокой. Но всему есть предел.

— О сауне забудь,— услышал Первый хрипло просевший голос.— Завтра выйдем пораньше. Зайчишку надо наказать.

НОЧНОЙ ДЕЖУРНЫЙ

Это случилось за год до того, как у винных магазинов завились змеиными кольцами бесконечные очереди, в парфюмерных магазинах пропали тройной одеколон и лосьон, резко подскочила продажа сахара, и трезвость стала нормой нашей жизни.

Я отдыхал тогда под Москвой в доме отдыха санаторного типа. От санатория в этом огромном и шумном караван-сарае была тучная счетоводша, якобы освоившая профессию массажистки, она вяло похлопывала желающих ладошками по спине. Все остальное было от дома отдыха: разгул, озорная любовь в близлежащем лесочке, спевание песен — украинских по преимуществу,— каждый день кого-то провожали.

Этого человека я долго недооценивал. Точнее, не придавал значения небольшой сутулой фигурке, появлявшейся перед отбоем в главном вестибюле дома отдыха,— ночной дежурный, эка невидаль! Старый ватник, кирзовые сапоги, военная фуражка без эмблемы — ничего примечательного. Впрочем, трудно вообразить человека, который мог бы произвести впечатление в главном вестибюле нашего дома отдыха. Тут все, независимо от роста, стати и осанки, были умалены до ничтожности громадой мраморных пространств и устрашающей медной миллионотонной люстрой, будто рухнувшей с незримого в сумрачной выси потолка и в последний миг подцепленной могучим чугунным крюком. Здесь потерялся бы и Геракл, что же говорить о невзрачном вахтере пенсионного возраста.

Надо было сойтись с ним нос к носу, чтобы не давило мраморно-пластиковое великолепие чудовищных сеней, увидеть вблизи его холодно-цепкие глаза, упрятанные в тень от лакированного козырька низко надвинутой фуражки, недвижное серое лицо с ножевым разрезом безгубого рта, и надо, чтобы чепуховая ваша просьба расплющилась о сознательную глухоту, чтобы почувствовать странную силу этого человека.

Я должен был срочно позвонить редактору телевидения, а оба телефона-автомата не работали. Если я не позвоню, снимут передачу, и редактора ждут крупные неприятности. Меж тем уже был отбой, и последние запозднившиеся в парке отдыхающие со смущенной улыбкой проскальзывали мимо вахтера. Когда тот собирался запереть входную дверь, влетел запыхавшийся парень в шерстяном свитере с хомутно растянутым воротом и с наивными латками на локтях.

— Я ничего, Егор Петрович...— залепетал он с дергающейся улыбкой.— На длинных санках катался... Полный порядок...

Егор Петрович ничего на это не сказал, только посмотрел из-под козырька фуражки и поманил парня к прилавку регистратуры.

— Читай! — кивнул он на лежащий под стеклом «Распорядок дня» и стал выбивать ладошкой окурок из мундштука.

— Подъем в семь ноль-ноль,— прочел парень, щуря ярко-синие близорукие глаза.— Зарядка в семь тридцать...— он вопросительно глянул на Егора Петровича, тот снова кивнул, мол, продолжай, и парень, запинаясь, путаясь и поправляясь, дочитал весь длинный перечень до конца.— Отход ко сну в двадцать три ноль-ноль.

— Время знаешь? — спросил Егор Петрович, заряжая мундштук новой сигаретой.— Сколько сейчас?

— Двенадцатый...— парень поднес к глазам наручные часы и поправился.— Двадцать три часа восемь минут.

— То-то... Нарушение режима. А как положено с нарушителями?

— Да нешто я один?..— беспомощно сказал парень.

— На других нечего кивать,— наставительно произнес Егор Петрович, окутываясь синим дымом.— С другими и разговор другой. Мы твой проступок обсуждаем, как он есть грубейшее нарушение правил внутреннего распорядка. Нарушитель карается лишением путевки и выдворением из зоны отдыха.

Какая-то запоздавшая пара подняла шум за дверью, требуя, чтобы впустили. Егор Петрович не спеша пересек вестибюль, всмотрелся сквозь отражающее стекло и отпер.

— Они вон хуже моего опоздали,— сказал парень.

— Ты за других не переживай. Ты за себя переживай. Мы с тобой как условились? В номере — хоть залейся. Наружу — ни шага.

— Да ты что, Егор Петрович?... Я в рот не брал!.. Говорю, на санках катался... на длинных санках! — Он особенно напирал на последнее обстоятельство, то ли находя в нем подтверждение своей честности, то ли потрясенный отроду не виданными металлическими санками с удлиненными сзади полозьями, на которых можно было, разогнавшись, ехать, держась за высокую спинку сиденья.

— Я тебе одно, ты мне другое! — расстроился Егор Петрович.— Тебе про Фому, а ты про Ерему. Ты опоздал? Опоздал. Нарушение это? Нарушение. Должон я рапорт подать? Должон. Подлежишь ты отчислению? Подлежишь. А уж выпивши ты или нет — дело твое. Если хочешь знать, даже хуже, что с трезва такое позволяешь. И чего ты гордишься-то? «В рот не брал!..» Мы-то знаем, как ты не берешь. Нешто не так?

Парень понурился. Я не мог понять, почему он, такой молодой и крепкий, тушуется перед этим недомерком. На румяной щеке парня, над пухлой, как у ребенка, верхней губой темнела родинка, из которой рос золотой волос, завившийся спиралью. В растерянности он то и дело дергал этот волос, растягивая его на вершок. Возможно, то был его талисман, призванный помогать в беде. Видать, сходная мысль проникла и под фуражку ночного дежурного.

— И чего ты себя за волос дергаешь? Не испугались. Видали мы и с волосом, и с чем похуже.

— Да нет... Я так... Извини, конечно, Егор Петрович.— И тут его озарила спасительная идея.— Хочешь, лестницу вымою?..

— Дурной ты, ей богу! — все еще недовольно, но словно бы чуть смягчившись, сказал Егор Петрович.— Воспитывай таких!.. Ладно, ступай. А распорядок дня подучи. В армии служил?.. Устав назубок знал?.. То-то и оно! Вот так же вызубри распорядок. Чтоб ночью разбудили, а ты как по-писаному!..

— Сделаем! — жалко повеселел парень и рысцой устремился к себе в номер.

Эта сцена приоткрыла мне характер дежурного. Трудный случай. Его не возьмешь на мелкую дачу морального или материального толка. Всем этим он достаточно избалован грешными обитателями нашей здравницы. Но что за странную фразу обронил парень насчет мытья лестницы? Неужели он это серьезно?.. Чепуха, для этого существуют уборщицы, поломойки, и при чем тут ночной дежурный? Парень сделал свое дикое предложение не в буквальном, а в символическом смысле: вот, мол, на что он готов ради почтенного Егора Петровича. Мне необходимо позвонить в Москву, это можно сделать только из регистратуры. Но путь к телефону преграждает непреклонный Егор Петрович. Я должен расположить его к себе. Как?.. Я ощутил внутри знакомое щекотание, с каким истаивает чувство собственного достоинства в столкновении с непреклонной действительностью. Но у меня нет выбора. Я не могу подвести редактора и наше общее дело. Мне необходимо расположить к себе человека с холодно-цепким взглядом, упрятанным под козырек фуражки.

Вернейший путь к сближению — принести в жертву кого-то третьего. Опоздавший и униженный парень с родинкой над детской губой вполне годится для заклания. Я вспомнил большую, мешковатую, крупную фигуру, широкое, румяное с мороза лицо, ярко-синие растерянные глаза, пальцы, вытягивающие в струну золотой волосок, и с чувством глубокого презрения к себе сказал:

— Ну, и тип!.. Он что — того?..

— Чего — того? — зыркнул белесо из-под фуражки вахтер.

Нет, на одной интонации не выехать, нужна полная определенность, не сверк ножа, а дымящаяся кровь. И тут кто-то затряс снаружи входную дверь. Страж пошел открывать, а я кинулся к телефону, лихорадочно набрал номер и услышал в трубке короткие частые гудки. Наверное, отчаявшийся редактор пытался найти связь со мной.

Опережая выговор за свою дерзость, я принялся объяснять вернувшемуся Егору Петровичу со множеством ненужных подробностей, почему мне необходимо позвонить в Москву в столь позднее время. Мне казалось, что это правильный ход. Каким бы суровым, жестким, непреклонным ни был Егор Петрович, и он, поди, не застрахован от колдовских чар кошачьего глазка телевизора. Надо сделать его соучастником важной государственной заботы, показать, что в его и только в его власти — ответственнейшая передача, которая вылетит из программы, если мы не дозвонимся редактору.

— Как вы назвали товарища? — спросил Егор Петрович, терпеливо и холодно выслушав мое витийство.

— Редактора?..

— Нет... Про которого передача.

— А-а!.. Стравинский. Игорь Стравинский. Полностью — Игорь Федорович Стравинский. Знаменитый композитор.

— Не знаю,— чуть подумав, сказал Егор Петрович.

Я возложил на Стравинского вину за то, что его слава обтекла слух Егора Петровича. Но обрисовав тернистый путь композитора, рано ушедший его от родных берез, я постарался не слишком ронять престиж блудного сына российской гармонии в глазах вахтера. Сбитый с толку его неодобрительным молчанием и окончательно запутавшийся, я прибег к безошибочному ходу: передача санкционирована сверху — и воздел очи горе.

Егор Петрович с важностью кивнул, подтвердив тем самым, что учитывает последнее обстоятельство, но разрешения звонить все же не дал. То ли, избегая ответственности, он позволял мне поступить по собственному усмотрению, то ли ему требовались какие-то дополнительные доводы, объяснения, заверения и гарантии. Обнадеживало, что он не гнал меня в номер, терпел мое незаконное пребывание в вестибюле.

— Я всю жизнь с людьми работал,— сказал вдруг Егор Петрович,— на Дальнем Востоке и на Севере. Всякое видел и ничему не удивляюсь. Но и не потворствую.

Я не понял, в кого он метит: в Стравинского с его сложной судьбой, или в меня с моими неправомочными посягательствами, но оказалось, что он имел в виду нарушившего режим парня.

— Механизатор!.. Из-под Липецка. На уборочной отличился — ему из Сельхозтехники — путевку. Бесплатно. Парень сроду в домах отдыха не бывал, а тут не просто дом отдыха, а санаторного типа. Высшей категории. Примечаете? В Москву приехал, первым делом костюм справил. Финский. Сто восемьдесят рублей. Костюм, правда, хороший. Чистая шерсть, в клеточку. Он как появился, я думал: артист — костюм финский, рубашка под галстук, корочки заграничные. К нам часто артисты приезжают. Которые отдыхать, а которые в сауне попариться и пивом налиться. Рожа его выдала, хотя артисты тоже мордастые бывают, а главное — руки, мазут в кожу въелся, и под ногтями черно. Но мне-то какое дело — путевка есть, значит, живи. Он и живет и костюм свой треплет. С утра напялит и ходит, как ненормальный, в рубашке и при галстуке. Все люди, как люди — в спортивных костюмах и кедах, а этот — смотреть противно. Да мне-то что? Твой костюм, не мой, занашивай, мни, протирай задницу. Но так, не скажу,— тихо держался. Никого не тро-

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

гал. И все один. Вроде бы стеснялся. Деревня. В столовую всегда первым шел, а после в вестибюле стоял и на люстру глядел. Интересовался, свалится или нет. Ни в бассейн, ни в биллиардную, ни в спортивную залу, ни на улицу — никуда не ходил. Даже в буфет. Кино, правда, смотрел и на танцы являлся, только сам не танцевал. А потом к нему друг приехал. Из одной деревни. Зачем-то в Москву занесло, ну и решил проверить, как земляку отдыхается. Очень наш отдыхающий ему обрадовался, всюду провел, все показал, хотел даже в буфете угостить, но тот застеснялся, одет неважно — ватные брюки, сапоги. Потом они пóльта надели и куда-то двинулись. Я все это видел, потому как дневную дежурную замещал. У ней дочка рожала. Пошли и пропали, ну, думаю, взвились соколы орлами. Я ведь всю жизнь с людьми работал, все насквозь вижу. Вернулся механизатор один, в первом часу ночи. Пустил, а он — в дугаря. Все: «Папаша!.. Папаша!»... Разговорца, вишь, захотел. А какой я ему папаша? У меня имя-отечество есть. Сперва, говорю, обращению научись, тогда я тебя, может, выслушаю. А сейчас иди спать, чтоб хуже не было. Обиделся. «Никуда я не пойду!.. Нечего командовать!..» И руками кидает. Подумаешь, испугал. Я всю жизнь с людьми работал, меня этим не возьмешь. И как он заткнулся, я ему спокойно: ступай в номер, не порть карьеру. Иди, а то рассержусь. Но, видать, ему вовсе ум отшибло — не слышит. Буду, говорит, всю ночь тут сидеть, а тебе докажу. Я с комбайна по шешнадцать часов не слезал, чтоб хлеб людям дать. А ты кто такой?.. Примечаете? Хоть пьяный, а как оскорбить — соображает. Только мне все это до фени, еще неизвестно, чья работа государству нужнее. Сейчас я, конечно, на пенсии. Заслужил. А всеж-ки, пользу приношу, хотя бы ночной вахтой. Ступай, говорю, в номер, тут тебе не Выселки, живо роги обломаем. Я говорю, но без пользы мои слова. Он в таком градусе настроения, что только наперекор может. Обозвал меня гестапом и на лавку плюхнулся. Сидит, качается взад-вперед, головой мотает — сон гонит, и верит, что сильно грозен, а у самого слюна изо рта ползет. Я курю себе и знаю наперед, чего дальше будет. И маленько удивляюсь, почему другие этого сроду не знают. Поворочался он еще и уснул. И захрапел ужасно, потому как ему сразу к дыхалу подкатило. Потом свистнул носом и пошел выворачиваться. Весь обед из себя выдал, а кормят тут исключительно и сроду в добавке не отказывают. После стал желтью травить — себе на пиджак. Напоследок его так скорчило, что он застонал и проснулся. И сразу протрезвел. Ну вот, говорю, видишь, как костюм уделал. А пошел бы к себе в номер, ничего б не было. Он молчит и трет рукавом лацкан. А лицо, как у дурачка какого или маленького, ну, прямо от мамки потерялся. Он, видать, хорошо выпивку держит, и срамотно ему, что так опозорился. От нервов, надо полагать. Землячá стренул, крылья распустил, разволновался. Бросил он лацкан тереть и за голову схватился. «Ах, господи!.. Ах, господи!..» Ну вот, боженьку вспомнил. Бог, говорю, тебе не поможет, ты вон какой костюм испортил. «Да ну его к лешему, этот костюм. Плевать я на него хотел!» Не больно, говорю, плюйся. Сто восемьдесят на земле не валяются. Ишь, какой богач! А он опять за свое: «Ах, господи!» Раньше-то о чем думал? Перед дружком изгалялся, десятки в ларьке швырял? Характер показывал?.. Механизатор!.. Вот намеханичал, теперь расхлебывай. А он встал, шатается. Куда, говорю, нацелился? «Как куда — в номер». В номер надо было раньше идти, когда тебе указывали. А сейчас, чтоб всю эту грязь прибрать. А то директору доложу. Дадут тебе отсюда под зад коленкой, да еще на работу сообщат. Тут он увидел, что на полу напачкано. «Да уберу... о чем разговор? Ведро есть?» Вон, говорю, ведро и тряпка, а вода — в туалете.

Парень он рукастый. Хоть и ослабемши, а быстро управился. Быстрей некуда. Отделался, можно сказать, а не восчувствовал свою вину. Вишь, какой размашистый: костюм испортил — не жалко, насвинил — пожалте, уже прибрано, человека при служебных оскорбил — хоть бы что! Так не пойдет. Это не жизнь в осознании будет, а баловство одно. Я ведь с людьми работал, знаю. И как он все за собой подтер и тряпку выжал, я говорю: а теперь лестницу вымоешь. «Да я к ней не подходил!» Не подходил — подойдешь. Он прямо задохнулся. «Что я тебе — уборщица?» А ты, говорю, не кричи. Чем ты уборщицы лучше, она не безобразничает, она за всеми вами грязь подбирает. А вот теперь ты потрудись за вину свою перед общественным местом. Затрясся аж, не обязан! Ну, философ!.. А не обязан, говорю, собирай вещички. Дома тебя стренут цветами и поцелуями. Как пустит матом и кулаком замахнулся. Я сразу за карман. У меня там, окромя сигарет и спичек, ничего нету. Но разве это важно? У другого пусть граната в гашнике, а бросить побоится. А у меня и пачка «Примы» выстрелит. Всю жизнь с людьми, научился. Он оступил и вроде бы теперь меня понял. Конечно, неохота ему перед земляками срамиться — дружокто, небось, с три короба нагородил, в каких он хоромах обитается. И нате, явился, не запылился... Обратно его снутри затолкало, да ничего уже в нем не осталось, даже желти, как... водой отрыгнул...

— И вымыл он лестницу?

— А как же? Конечно, вымыл всю, снизу доверху, каждую ступеньку и все площадки. И сухой тряпкой протер. Отнес ведро и спать пошел. Я ему велел костюм в чистку отдать. Следы останутся, но носить можно. И наказал: пить только в номере. Запрись, говорю, на ключ, костюмчик сними, он, хоть и порченый, а еще денег стоит, и в маечке, в спортивных брюках пей, сколько душе угодно. Никто тебе слова не скажет. Иначе поссоримся. Ну, вы сами видели: держится культурно, хоть и опоздал. Может, правда, санками увлекся? Выхлопа я не почуял. Ну, это мы еще проверим... Ладно, заговорились. Иди, звони и — по местам!

Я не заметил, когда мы с ним перешли на «ты». И что означало это «ты» — доверие или пренебрежение? Но как могло последнее возникнуть, если я все время молчал? Очевидно, при его опыте работы с людьми собеседнику и рта не нужно открывать, чтобы сполна выявить свою жалкую суть?..

Свои слова он сопроводил короткой усмешкой — на выдохе, и в лицо мне ударил нестерпимый смрад. Этот моралист был проспиртован насквозь, закусывал же он чем-то тухлым и луком. Мне стало дурно...

И вот я ползаю на коленях по мраморному полу с мокрой тряпкой и смятенно поглядываю на широченную лестницу — хватит ли на нее сил? А что делать?.. Мне в Италию лететь. Господи милосердный, сколько лет ждал я этой поездки! Милан, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь... Тайная Вечеря, памятник Коллеоне, Сикстинская капелла!.. Но между мной и небом Италии вырос этот громадный карлик с гнилостной утробой. И я кунал тряпку в горячую воду и шмякал на мраморные плиты. Вода растекалась по глади, я неумело гонял ее полукружьями под неотрывным призором холодноцепких глаз. Снова кунал и снова шмякал за Леонардо... за Тинторетто... за Верроккьо... за розовые стены Дворца дожей... за серебристый каскад Тиволи... за красный купол Брунеллески...

Видение возникло и погасло в те краткие мгновения, что я боролся с подступившей дурнотой. Но я справился, так что ночной дежурный даже не заметил моей слабости, и стал набирать телефон редактора.

●

ПРИСТАНИЩЕ ДИНОЗАВРОВ

Окончание. Начало на центральной вкладке.

Будущий главный руководитель проекта заслуженный архитектор РСФСР Ю. П. Платонов и директор Палеонтологического института академик Ю. А. Орлов познакомились случайно. Институт тогда располагался в здании бывших Тюринских конюшен графа Орлова на территории Нескучного сада. Помещений в институте не хватало, и директор попросил прислать к нему какого-нибудь архитектора, чтобы тот помог приспособить под лаборатории и чердак.

— Прислали меня, тогда совсем молодого архитектора,— вспоминает Юрий Павлович Платонов.— Чердак, изящная маленькая ротонда, оказался барской голубятней, но раньше и для голубей строили весьма прилично, и чердак действительно удалось реконструировать для нужд института. Так началась моя дружба с палеонтологами, с академиком Ю. А. Орловым...

Для строительства нового музея нужен был архитектурный образ, так или иначе связанный с прошлым Земли, ее глубинами. Родилась мысль о здании-амфоре, о гигантском закрытом керамическом сосуде, в котором как бы осталось запакованным пространство древних времен и эпох.

...Вместе со старшим научным сотрудником Палеонтологического института Владимиром Ильичом Жегалло, кандидатом биологических наук, мы неторопливо идем по залам музея. Что говорить, не может не восхищать работа архитекторов и художников, постигших самую суть научного поиска палеонтологов. Возведенное из красного кирпича черемушских глин, здание музея как бы выросло из той самой земли, на которой стоит. Кирпич и известняк, керамика и резьба по белому камню. Даже первый экспонат музея, встречающий посетителей,— кусок известкового дна древнего моря, что шумело некогда на этом месте.

Своеобразный эмоциональный центр экспозиции — гигантское керамическое панно скульптора-анималиста А. Белашова, занимающее внутренние стены башни в 18 метров высоты. Это и художественный, и абсолютно достоверный, и философский рассказ об эволюции жизни на Земле, выходе ее из мирового океана на сушу, эпохе динозавров и, наконец, появлении человека... На полу и в куполе башни уложены зеркала, словно прошлое и будущее «древа жизни» уходит в неведомое нам зазеркалье.

Четыре этапа эволюции в истории Земли, четыре огромных зала музея, где размещены бесценные экспонаты. Одни из них, как, например, скелет мамонта, найденный в устье Енисея в 1839 году богатым зверопромышленником Трофимовым и подаренный им Московскому университету, широко известны из учебников и книг по палеонтологии, другие выставлены для обозрения впервые. И, конечно, особенно впечатляет зал динозавров, где уместился бы целый дом. Летающие ящеры, хищные и травоядные динозавры, гигантские пресмыкающие, жившие в мезозойскую эру. Скелеты зверей, их яйца найдены в экспедициях палеонтологов и в нашей стране, и за рубежом. Особенно много здесь монгольских находок.

Длина динозавров — самых крупных позвоночных животных — достигала 25—30 метров, вес — 20—25 тонн. Стоящий в центре зала 8-метровый зауролоф — малышка, подросток. А его «родители» во весь рост даже в этом огромном зале не умещаются. Вторая 18-метровая башня, подобная той, где находится панно «древо жизни», пока пуста. Здесь взрослые зауролофы найдут свое пристанище после реставрации.

Почему исчезли с лица планеты эти огромные, сильные звери? Среди множества гипотез есть и такая: динозавры не выдержали повышения (естественной!) радиации на Земле. Может быть, это предостережение нам из глубины эпох?

Палеонтология — не только учение о древнем бытие, о прошлом жизни планеты. Палеонтологи сегодня подсказывают, где искать полезные ископаемые — уголь, нефть, фосфориты, с их помощью восстанавливается климат древних эпох и прогнозируется климат будущего.

Сейчас много говорят о непредсказуемых результатах поворота рек, создания искусственных морей, дамб. Часто слышишь: никто не мог знать, к каким это приведет последствиям. А ведь не столько не знали, сколько просто не хотели знать. Земля уже переживала сокрушительные катаклизмы и без вмешательства человека. Палеонтологи умеют предсказывать, к каким последствиям ведут те или иные крупные ландшафтные изменения. Так в прошлом находятся ответы на самые жгучие вопросы современности...

Пусть простят меня сотрудники Палеонтологического института, создавшие превосходный, неповторимый музей страны, а может быть, и мира, но у меня во время его посещения возникло чувство не только восхищения, но и появилась сильная тревога за дальнейшую судьбу музея.

Начну с того, что этот огромный уникальный музей до самого последнего времени не имел даже собственного штата сотрудников, начиная с директора и экскурсоводов и кончая уборщицами и гардеробщицами. Он — только лаборатория Палеонтологического института. Когда музей носил камерный характер и размещался в старом здании, это было нормальным. Теперь — нет. Почти двадцать лет организации и строительства нового музея превратились для сотрудников института в сплошной затянувшийся субботник. Хорошо работать только на энтузиазме несколько дней в году, но изо дня в день двадцать лет подряд... Энтузиазм энтузиазмом, но ведь все это еще и делалось за счет основной научной работы в Институте палеонтологии. И многие сотрудники возроптали. В создавшейся неразберихе за годы организации сменилось, кажется, четыре или пять руководителей музея (работающие только на энтузиазме). Все это были люди весьма достойные, но... не выдержали, начали конфликтовать с институтским и академическим начальством, что вполне можно понять.

У каждого музея три основные функции — научная работа и сбор экспонатов, их хранение и просветительская: экскурсии, прием посетителей, издание каталогов, открыток и т. д. Новый музей полностью выполняет лишь первую. Новое здание, гордость архитекторов и художников, задумывалось и строилось только как музей. Сегодня в него втиснут почти весь институт. Хранить экспонаты, этот богатейший архив природы, «рукописи» и «книги» которого должны выдаваться ученым по первому требованию, негде.

Долгое время не было даже смотрителей в залах, и бесследно пропали ценнейшие, вернее, бесценные экспонаты: колония кораллов, яйцо динозавра, кто-то обломал на память ноготь утконосого динозавра, испортив этим подлинный скелет. А ведь когда его везли на выставку в Японию, экспонат был застрахован в два с половиной миллиона долларов, и страховая компания против такой суммы не возражала, а капиталисты счет деньгам знают, лишнего не заплатят. Яйцо динозавра тоже стоит немало — около шести тысяч долларов.

Музей оказался не готов к огромному потоку посетителей, что хлынули в его стены. Московское экскурсионное бюро, через которое сейчас идет посещение музея, не справлялось. Экскурсии пришлось вести тем же научным сотрудникам института по-прежнему на энтузиазме и за счет своей основной работы. Бранились со своим начальством, чертыхались, но водили и по нескольку в день. Попробуй откажись, когда люди стоят на морозе (музей открыли в декабре прошлого года), а в школьные каникулы просто отбоя от экскурсий не стало.

Мой добровольный гид Владимир Ильич Жегалло, который уже почти пятнадцать лет свой энтузиазм отдает организации музея и теперь частенько бескорыстно водит экскурсии, ответа на мои тревожные вопросы не дал. У него самого недоумений накопилось немало.

Разговор мы продолжили в кабинете заместителя директора Палеонтологического института кандидата биологических наук В. Ф. Федотова.

— Положение создалось совершенно ненормальное,— согласился Виктор Федорович.— Вы думаете, нас самих это устраивает? Планировался целый комплекс — здание Палеонтологического института мостом должно было соединиться с музеем. Но построили только музей. Институт по-прежнему ютится в нескольких неприспособленных помещениях в разных точках Москвы, и, естественно, задыхаясь от тесноты, научные сотрудники института заняли помещения и в музее, где предполагалось хранить экспонаты. Мы просим построить хотя бы лабораторный корпус по типовому проекту, но его строить не начинали и в ближайшие две пятилетки, как я понимаю, несмотря на наши жалобы и протесты, не начнут. Обещали, но не сдержали слова,— горячился Федотов.

— Виктор Федорович, но ведь уникальный музей уже создан, разместился в специально построенном для него здании с прекрасной архитектурой, в него рвутся посетители. В первый же день открытия стало ясно, что он перерос рамки музея при лаборатории института, став общесоюзным Палеонтологическим музеем. Почему же у него нет своего штата? Какой выход из создавшегося положения? Ведь нельзя же вычеркнуть из его работы просветительскую миссию. Кроме всего прочего, он еще и содействует столь нужному сейчас экологическому воспитанию людей...

— Когда музей строился, мы, честно говоря, не ожидали такого большого интереса, не готовили заранее экскурсоводов, думали справиться силами института. Теперь ясно — это было ошибкой. Экскурсии сейчас надо заказывать через Московское экскурсионное бюро, оно получает и деньги. Конечно, это не выход, тем более что бюро тоже не справляется.

Недавно мы с трудом добились тридцати единиц — уборщиц, смотрителей, гардеробщиц, экскурсоводов. Последних, впрочем, еще надо основательно готовить, ведь они должны обладать очень широкими знаниями, быть в курсе работ и музея, и института.

— А директор, заместитель, словом, административный штат музея?

— Он не предусмотрен. Да и с этими тридцатью единицами не все просто. Они на самоокупаемости. Иными словами, мы должны сделать музей платным, отпечатать билеты (что далеко не просто), продавать их и из вырученных денег платить зарплату людям. Нет посетителей — нет и зарплаты.

Но пока суд да дело, мы ищем, где отпечатать билеты и готовим экскурсоводов.

— А ведь каким может стать музей! — мечтательно говорит Виктор Федорович.— Есть главное: глубокая научная работа, уникальная богатейшая коллекция экспонатов, редкое по красоте, умное по архитектуре здание. Будет еще под стать им музыкальное сопровождение. В башне, где панно «древо жизни», прекрасная акустика.

Уже договорились и о каталоге. Текст мы подготовили — 20 печатных листов. Печатать будут у себя японцы, на днях они присылают своего фотографа-анималиста для иллюстраций. На русском языке весь тираж пойдет нам, на японском — им, а на английском разделим по-братски. Выгодно всем. К тому же мы уповаем на сложившиеся добрые отношения: трижды делали почти годовые выставки экспонатов нашего института в Японии. Одна из них, помню, была осенью, в очень красивом, в горах, но безлюдном месте. Какая-то деревня рядом — и все. Мы заволновались: почему выставка именно там, будут ли посетители? Но устроители нас успокоили: «В это время сюда ездят горожане с семьями любоваться опадающими кленами. Они обязательно придут на выставку».

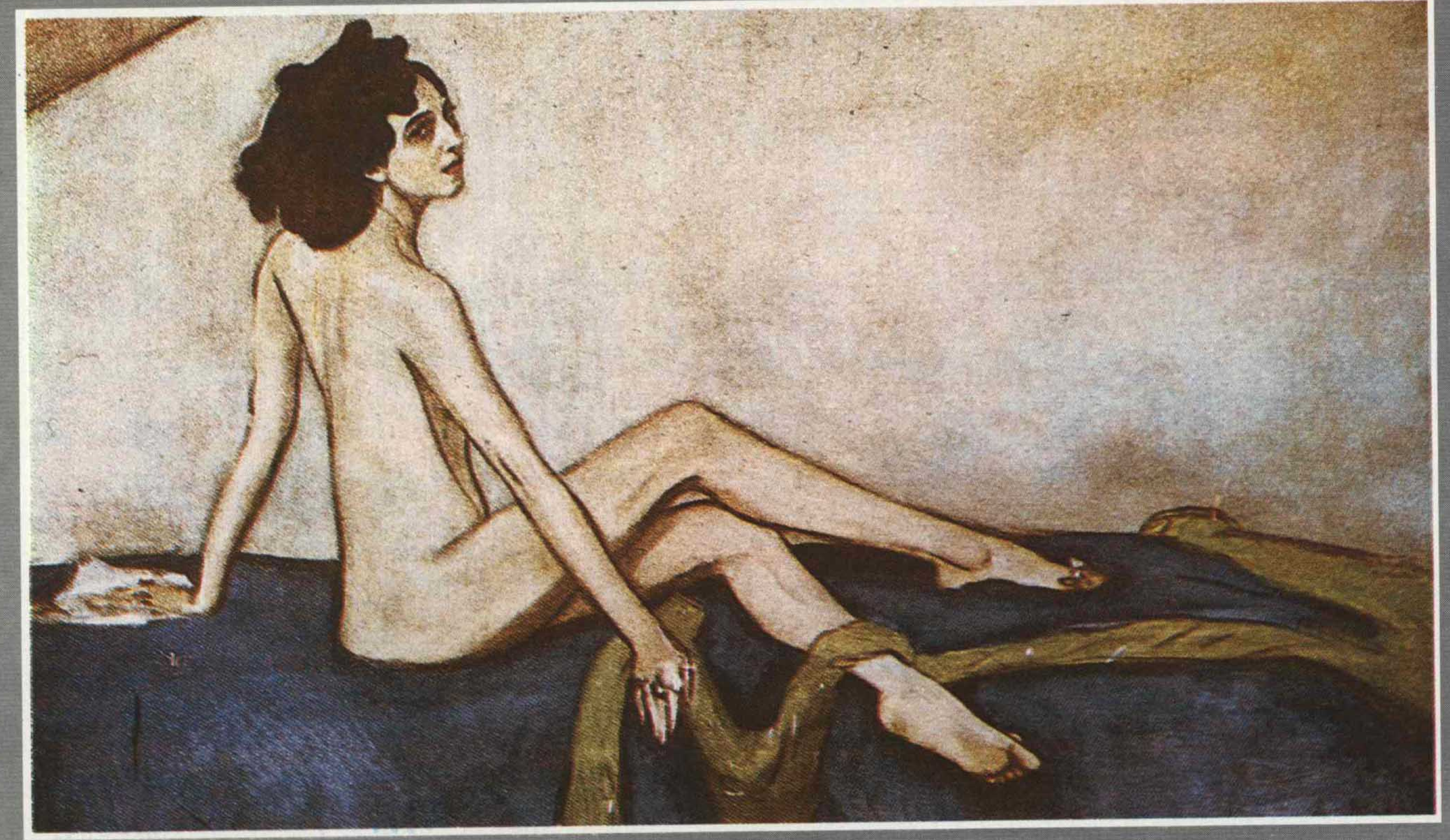
Так и случилось. Тысячи людей шли каждый день...

На столе у Федотова замечаю очаровательные пластиковые игрушки — маленький динозавр, летающий ящер, слон, тигр. Они упакованы в прозрачный полиэтиленовый конверт с маркой Британского музея. Около каждого зверька — описание, кто он, откуда, когда жил, почему исчезли с лица Земли его сородичи, или если они живут сейчас, то где, какова их численность.

— Привезли из Лондона,— заметив мой взгляд, говорит Федотов.— Кстати, мы тоже могли бы делать такие пластиковые копии некоторых экспонатов музея. Я говорил тут с одним кооперативом художников. Они с удовольствием заключат с нами договор: марка нашего института, наше описание, научные консультации. Их исполнение. Останется поставить около музея киоск и продавать вместе с открытками, значками и каталогом... Экологическое воспитание и детей, и родителей одновременно. Но пока это лишь мечты,— со вздохом закончил Федотов.

...Прошедшая эпоха, как бы далека она от нас ни была, всегда приходит в живое соприкосновение с сегодняшним днем, сиюминутное и вечное живут рядом. В Палеонтологическом музее каждый посетитель ощущает себя частичкой великого исторического процесса, понимает ответственность за настоящее и будущее планеты Земля.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА
И. И. ЛЕВИТАНА. 1893.

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРОВ

Начало на стр. 8.

шлым, а той характеристикой, которую из него можно сделать на холсте. Поэтому меня и обвиняют, будто мои портреты иногда смахивают на карикатуры».

В знаменитом портрете танцовщицы Иды Рубинштейн острота характеристики достигает чрезвычайной силы. Ида Рубинштейн позировала художнику в Париже. Всего три цвета участвуют в композиции. Сама задача — изобразить знаменитую модель обнаженной —

ПОРТРЕТ ИДЫ
РУБИНШТЕЙН. 1910.

была рискованной. Но она заведомо отстраняла натуралистическую цель: художник должен был показать преображенную натуру. От самой модели Серов взял главное — экстравагантность манеры поведения танцовщицы и вместе с тем ее трагический излом. Она, как прекрасная бабочка, пришпилена к холсту. Изогнутая фигура кажется ломкой, бесплотной. Эту двойственность натуры Иды Рубинштейн художник реализовал линейным строем, в котором крайними точками являются тугое натяжение и полная расслабленность. Линия Серова способна нести в себе метафору, знаменуя тем самым одно из ярких проявлений стиля модерн.

На протяжении 1900—1910-х годов исторический и мифологический жанры как бы догоняют портретный. Под конец они, пожалуй, сравнялись. К истории художник обратился на рубеже столетий, примкнув к тому движению, которое было начато мастерами «Мира искусства». Как и у них, у Серова история берется не в ее узловых, критических ситуациях; важнее всего сам дух времени, его аромат, стиль, красота. Как правило, в этих картинах нет события, ничего существенного не происходит.

Однако Серов не остановился на подобном толковании исторического жанра. В 1907 году возникла небольшая, тоже выполненная темперой, картина «Петр I», в которой царь-реформатор изображен со своей свитой в Петербурге на Васильевском острове. Петр здесь и велик и страшен. Фигура императора со свитой воспринимается как торжественное шествие и выглядит монументальной.

В последние годы в творчестве Серова акцент перенесся с реальной русской истории на греческую мифологию. Он особенно увлекся двумя сюжетами — «Одиссей и Навзикая» и «Похищение Европы». Его интерес к античности был подогрет путешествием в Грецию, где миф и реальность словно сливались в нечто единое на глазах Серова. Это слияние стало своеобразной чертой его собственного истолкования античного мифа.

В «Похищении Европы» все представляется и фантастическим и реальным. Европа — одновременно и античная Кора, сошедшая с древнего храма, и современная натурщица. Будто века, пролегшие между античностью и современностью, не истощили того извечно человеческого, что было тогда и есть теперь. Преодолевая многочисленные наслоения классицизма, всегда искавшего свой идеал в классической Греции или в Древнем Риме, Серов добрался до архаической Греции, которая позволила ему сохранить живое чувство античности. Он добрался до истоков мифа, понял миф, хотя и не обратился прямо к собственному мифотворчеству, как это уже сделал его современник Врубель и будет делать его ученик Петров-Водкин. Однако нет сомнений, что он был на пороге новых открытий, потому что останавливаться на месте не умел.

Дмитрий САРАБЬЯНОВ

ПОРТРЕТ АКТРИСЫ М. Н. ЕРМОЛОВОЙ. 1905.

ОКТЯБРЬ. ДОМОТКАНОВО. 1895.

Жизнь людей переплетена с историей, экономикой, природой и политикой. Культура и искусство — это зеркало, в котором можно увидеть лицо народа.

Наш народ прошел сложный путь от Октябрьской революции до сегодняшних дней. Здесь были и победы, и поражения, успехи и неудачи. Были взлеты в космос и отравление Байкала... Как это отразить, как передать восторг от свершений и горечь от поражений, как выплеснуть душу, чтобы она очистилась, засверкала чистыми гранями? Неужели это можно сделать?

Слушая стихи и песни Александра Дольского, начинаешь понимать, что можно в песнях, в стихах, в звуке гитары это отразить. Можно в этих современных балладах рассказать больше, чем в объемных романах иных писателей. Вспоминаешь бандуристов Украины, акынов Средней Азии, которые объясняли народу на всем понятном языке, что происходит в их стране, что делать надо, как жить по-человечески.

Александр Дольский в своих стихах и песнях рассказывает нам о том, что нас волнует, с чем мы боремся. Он помогает нам становиться лучше, честнее, непримиримей ко лжи и злу.

Я слушаю его строки, когда не знаю, как поступить, когда надо найти одно-единственное правильное решение. И нахожу его.

Святослав ФЕДОРОВ,
член-корреспондент АН СССР,
Герой Социалистического Труда

Александр ДОЛЬСКИЙ

МУЗЫКА НАШИХ ТРЕВОГ

* * *

Поднимись над завистью и остудой,
ожидай от ближнего только чуда,
не спеши судить его по законам,
по которым сам судим и закован,
в темах и гармониях будь бесстрашен,
это так недолго всё — песни наши,
это не игра, мой друг, со стихами —
словно кровью, песнями истекаем.

1978

МОЯ ЗЕМЛЯ

В дорогах дальних, в моих скитаньях
я видел небо, людей, леса...
Земля открыла мне свои тайны,
просторы, краски и голоса.
И одарила теплом и словом,
чтоб зрелый разум вместил потом
и то, что было ее покровом,
и то, что стало ее нутром.
И обошел я все земли предков,
и поклонился святым местам,
и подивился речам их метким,
зело искусным в трудах перстам.

Впечатал в сердце, как буквы
в камень,
былины древних жестоких лет,
и землю мытыми я брал руками —
запомнить запах, и вкус, и цвет.
И я увидел причуды духа,
и непрерывность стихий и лиц,
и усмиренье пределов слуха,
пределов зренья, золу страниц,
надежд ветшанье, и слов старенье,
и надорвавший дыханье шаг,
и подозренье, и подозренье,
и полинявший в парадах флаг.

И я услышал слова простые,
что, унижая, сведут с ума,
и я увидел глаза пустые,
пустые жизни и закрома,
останки древних пристанищ духа
в пыли опалы по воле слуг,
корней забвенье, искусств разруху,
двойную совесть, двойной испуг.
И пережил я с моей Землею
века печали и славы дни,
тянулся в небо ее золою
и за родные цеплялся пни.

Солнце слепит меня, даль застилают
туманы,
души бродяг, как плотва, попадаются
в сети дорог...
Что же не манят чужие далекие страны?
Землю мою разглядеть я сквозь слезы
не смог.

1982

ХОЛУИ

И печаль, и проклятье великой
страны,
где живут гениальные дети,
и опасней чумы, и страшнее войны
холуи беспросветные эти.

Угождалы столпов, холуи холуев,
соискатели власти и санов
и рабы отупевших от силы голов,
и приказчики ловких обманов.
Хоронилы законов, которых народ
не имеет спасительной сенью,
и поэты добротных лакейских пород,
должностные жрецы поколений.

Раболепные слуги высоких постов,
попиратели тихих прошений...
Я встречал их. Они и в беседе
простой
очень любят слова унижений.
Посмотри им в глаза — в них
квадратная суть
или тихая липкая сладость...
Но споткнешься — тотчас ухитрятся
пнуть.

Это высшая рабская радость.
И великий палач ими был оплетен...
У лакеев талант — наговоры и козни,
и не раз на Руси попирался закон
у иванов непомнящих, хитрых
и грозных.

Но не все им лафа, и
немногим из них
удалось дотянуть до
сегодняшней ямы.
Чаще тоже рубали баланду и жмых,
или также они казнены холуями.
Униженье и смерть выгребают улов,
наступает предел, и очнуться
пора нам...
Не вожди создают холуев и рабов,
а холопы на царство венчают тиранов.
Не опасен опричникам времени суд,
показала история новая —
преступления ошибками все назовут,
будет все репереименовано...

Дух высокий отпущен нам скудно
и вот,
словно ветер, он бьет в наши снасти,
и великое судно, боюсь, заплывет
в акватории новых напастей,
если корм холуев — многолетнюю ложь
мы, как мусор, не выбросим за борт,
чтоб компас не трясла
бесконечная дрожь,
чтобы знать — где восток, а где запад.
И еще есть надежда и камень один,
и в углу, и по краю который —
слава богу, высокой души гражданин
не повывелся в наших просторах.

1985

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОКЕ

Я смотрю на убогий экран...
Презираю себя, но гляжу,
как гитарную тянет вожжу
и кривит многолетний пацан.
Этот стиль называется рок,
что по-нашему значит судьба,
или бога и черта борьба,
или правды жестокий урок.
Но ни правды, ни бога здесь нет —
суеты и тщеславия власть,
и ленивая, хилая страсть
в ореоле престижных примет.

И набор синтетических фраз,
и дымы, и «ямаха», и свет
притупляют и ухо, и глаз
до и после шестнадцати лет.
Эта дымка культуры и смог,
немужские повадки певцов,
эта пища юнцов и глупцов —
что угодно, но только не рок.
Неуют и ненужность дорог
по просторам сибирской тайги
и правдивого слова враги —
это наш, это истинный рок.

И ураном отравленный край
по вине и светил, и чинов,
привилегий скрываемый рай,
и продажа святых орденов,
позабытый отцовский порог,
нефть в воде и под крыльями птиц,
одиночество, рюмка и шприц,
лихоимец судья — это рок!
Дети пьяниц с глазами зверьков,
невиновному каторжный срок,
и талант под пятой дураков —
это рок!

Горожане в колхозной грязи,
и деревни в сивушном хмелю,
и девчонки великой Руси,
познающие курсы валют,
и домушники из пацанов,
и рабов азиатских ярем,
и рабынь малолетних гарем,
и протезы для наших сынов,
и упряжка поэта, что вскачь
унесла его в вечный чертог,
гнутой совести крик или плач —
это рок!
Это музыка наших тревог.

1987

* * *

А ветры закружили, завертели
листву и закачали сосняком,
но ласточки еще не улетели,
и даже люди ходят босиком.
Шальная развеселая картина —
мне осень платит листьями за грусть,
но все они застряли в паутине,
и я до них никак не дотянусь.

А может быть, в стране
далекой где-то,
куда не залетали корабли,
в ходу такие желтые монеты —
раскаянья и совести рубли.
Осталось две получки до метели
и ни одной любви до рождества,
но ласточки еще не улетели,
и на березах желтая листва.

1958

ЗАРАЗА УБИЙСТВЕННАЯ.

Александр МИНКИН

ТРИДЦАТЬ ТРИ КОМИССИИ

С 1983 года кандидат медицинских наук Галина Хаджибаева работает против воли начальства. Штат ее лаборатории в НИИ акушерства и гинекологии в Ташкенте сократился с двенадцати до двух человек, а она работает. Ее статьи не печатают, а она работает. Исследования запретили, она работает. Ее уволили — почти год работала бесплатно. Восстановили, понизив зарплату на сто рублей,— работает. Довели до инфаркта — работает.

Но все больше времени и сил уходит у Хаджибаевой не на дело, а на доказательства, что дело это важное и нужное. Не для нее — для людей.

За последнее время тридцать три комиссии трясли. Недавно тридцать четвертая комиссия подтвердила выводы предыдущих: работа — государственной важности, предельной актуальности, особой научной и практической значимости... И — девять ответственных подписей: медицинское начальство, профессура, юрист.

Эта же комиссия констатирует: срывают работу директор НИИ акушерства и гинекологии Р. Ходжаева и заместитель директора Р. Степанянц. Срывают уже пять лет. И абсолютно безнаказанно.

Несколько комиссий изучали работу директора. Вскрылись некомпетентность, грубость, развал работы, финансовые нарушения, злоупотребления служебным положением... Но Ходжаева продолжает по-прежнему руководить. И чем? — акушерством и гинекологией Узбекистана. Материнская и детская смертность в Узбекистане растет... Стоп! Кажется, дальше вам читать уже нельзя. Ведомственная тайна. Впрочем, не совсем. За минувший год печать уже касалась запретной темы.

ЗАРАЗА УБИЙСТВЕННАЯ — так переводится с латыни слово пестицид.

В печати уже шла речь о бутифосе — очень ядовитом дефолианте, которым опыляют хлопок. Ион Друце с горечью писал и об отравленной молдавской земле. В ужасе приводил число: 22,5 килограмма ядохимикатов (пестицидов) на гектар. В десять с лишним раз больше, чем в среднем по стране. Отравляются посевы, отравляются земля, вода, фрукты, скот и — люди.

Гласность сделала свое дело: бутифос запретили. Наивный читатель может радоваться. Летом 1986 года он прочел о страшном яде, а уже осенью узнал, что применение запрещено.

Придется огорчить читателя. Бутифос запретили, но только после того, как весь наличный запас вбухали в узбекскую землю. И пока не кончили дефолиацию, писать о ней республиканской прессе не велели: «Зачем понапрасну тревожить население?».

Но все же запретили? Да. Только радоваться нечему. Запретили-то бутифос, а не дефолиацию.

В Узбекистане применяют десятки ядов, и бутифос не самый страшный по шкале опасности. Бороться, видимо, нужно не с одним из ядов. «Ежегодное применение ядохимикатов в посевах хлопчатника в Узбекистане составляет 54,5 кг/га, в то время как по Союзу в среднем на 1 га — лишь 1 кг пестицидов». Это пишет академик М. Мухамеджанов в биологическом журнале. Хлопчатник в Узбекистане практически стал монокультурой, а 54 кг пестицидов на гектар — это узбейская норма. А если ветер снесет на кишлак, сыпят снова и снова.

ОСОБЕННАЯ КУЛЬТУРА

Один узбекский начальник сказал мне лет десять назад: «Хлопок — культура особенная: ты не посадишь — тебя посадят, ты не уберешь — тебя уберут». Запомнилось сразу и навсегда. Времена меняются, но хлопок остается особенной культурой.

Написал, скажем, доктор медицинских наук М. Макбердыев статью об очень распространенной аллергии на цветение хлопка. Вызвали ученого «на ковер» в ЦК КП республики и внушительно изрекли: «От хлопка аллергии не бывает!» Статью, конечно, не напечатали.

Аллергия же, конечно, внушению не вняла — бытует. Но — нелегально.

В конце 70-х годов кандидат медицинских наук Галина Хаджибаева стала изучать здоровье работниц хлопкоочистительных заводов. Сравнивала с такими же (по возрасту, количеству детей и т. д.) женщинами, но не работающими с хлопком. Оказалось, и респираторные, и желудочно-кишечные заболевания, и, главное, все, что связано с деторождением, гораздо хуже у... Понятно у кого. У того, кто ежедневно дышит хлопковой пылью, а в ней — весь набор пестицидов. Выкидыши, дети-уроды, внематочные беременности, мертворожденные и прочие ужасы...

Исследования не были отвлеченными. Для улучшения условий труда женщин Хаджибаева разработала рекомендации. По ним были приняты государственные постановления в Узбекистане, Казахстане, Киргизии.

По свидетельству председателя секции гигиены труда женщин Союзной проблемной комиссии АМН СССР доктора медицинских наук, профессора З. Волковой, «исследования проводились на 13 хлопкоочистительных заводах... и охватили более 13 тысяч человек». В своем письме в адрес Совмина и Минздрава Узбекистана профессор Волкова предлагала: исследования проблемы усилить, лабораторию Хаджибаевой укрепить. Это было в феврале 1983 года. После чего, как вы уже знаете, лабораторию разогнали. Исследования попытались прекратить.

Особенная культура, от нее не только аллергии, но и никаких болезней не бывает.

МИНИСТР ПРОСИТ БЕНЗИН

Министр здравоохранения Узбекской ССР С. М. Бахрамов запретил разговаривать со мной всем своим подчиненным. И сотрудникам аппарата, и медикам, и лично директрисе НИИАиГ Ходжаевой. А мне сказал по телефону: «Сначала я должен сам проверить ваши документы, и, если все будет в порядке, я сам опишу вам ситуацию в нужном свете». Это было в пятницу. Время на мои документы нашлось во вторник. За эти дни кое-кто со мною встретился, не зная, видимо, о запрете министра. В их числе был тов. Артыков — зам. зав. отделом науки ЦК КП Узбекистана. От него я узнал о замечательных решениях коллегии Минздрава СССР по поводу катастрофического положения с родовспоможением (читай: с материнской и детской смертностью) в Узбекистане.

— А выполните?

— Да как вам сказать... Денег теперь дали много. Но мы и прежние маленькие суммы освоить не могли. По 30 тысяч в год оставалось. (А по сведениям Минздрава СССР — по 3—4 миллиона.)

...Проклятие! Тысяча проклятий нашим прекрасным решениям! Дали деньги, приняли резолюцию и радостно разошлись. И пресса сообщила: «конкретные меры в конкретные сроки». Мы прочли и успокоились: вот как было плохо и вот как будет хорошо. А из рублей роддом не построишь. Нужны цемент, машины, рабочие, оборудование. У нас пока еще за деньги это не купишь.

...А еще тов. Артыков очень твердо отклонил мою настоятельную просьбу посмотреть ташкентский роддом на шоссе Луначарского.

Министр Бахрамов рассказал:

— До революции на территории Узбекистана было 139 врачей. Теперь их в сотни раз больше. (Жаль, что детская смертность не падает с той же скоростью, увы, она растет.— **А. М.**) Была низкая санитарная культура. Теперь она улучшилась. (Это как же она улучшилась? Количество воды на душу стремительно убывает. Канализации как не было, так и нет. В семьях и сейчас одна общая зубная щетка, а у многих и вообще нет. Питание плохое...— **А. М.**) Врачей всюду меньше нормы, кое-где — втрое. Принято решение: создаем центры реанимации в двенадцати областях. Оснастить современной аппаратурой можем шесть. Врачей, владеющих такой аппаратурой, пока нет совсем.

Телефонный звонок прервал министра. Он слушал, хмурился, а я думал: на бумаге уже есть двенадцать центров, обставят шесть, но попадать туда не стоит. Министр заканчивал разговор:

— Решайте вопрос с бензином в Андижане. Там даже «скорая» стоит!

Вдумайтесь в эту фразу. Можно ли ярче описать узбекское здравоохранение? Пока вопрос дошел до самого министра, пока его решат, пока из решения получится бензин — это ж сколько простоит «скорая» в Андижане?

...А еще министр очень твердо отклонил мою просьбу показать роддом на шоссе Луначарского.

АРИФМЕТИКА

О чем речь? О дефолиации? О растущей детской смертности? Многие не хотят видеть связи между этими проблемами. Сами не хотят и другим не велят. К сожалению, это — единая проблема. И когда Галина Хаджибаева занялась влиянием пестицидов на материнство, тему работы попытались закрыть.

Можно ли верно действовать, опираясь на ложь, не зная правды?

Велено ввести для детей и рожениц 65 тысяч коек за семь лет. Вводится всего 6 тысяч коек в год. Выходит, надо 11 лет никому ни койки не давать, чтоб детей — с опозданием! — обеспечить. Темпы вырастут? Но мы слышали, что и малые деньги освоить не могли...

Так можно рассуждать, веря в цифру 6 тысяч. Можно делить, множить и получать 11 лет. Да, постоянный рост числа коек — в любом справочнике. Но нигде не найдете данных о квадратных метрах. Площадь не растет. Долгие годы и по сей день рост числа коек — это впихнутые, втиснутые, вбитые «через не могу». Только в два этажа еще не ставят. Число коек выросло втрое — это значит только одно: площадь на каждую стала втрое меньше нормы. А где и вчетверо.

Есть врачи? Да. Где по штату положено двенадцать, числится восемь. Но пять из них постоянно в декрете (все гинекологи — женщины). Работают трое. Оперировать не умеет ни одна.

Есть области, где дети получают 7 (семь!) процентов необходимого им молока. Коров негде держать — вся земля под хлопком. Дети растут анемичными рахитами.

Дети умирают от инфекции, а их «проводят» по пневмонии. За простуду с врачей спроса нет.

Скажете: какая разница — отчего умерли? Не вернешь. Нет, такое жульничество не безобидно. Именно липо-

вые отчеты привели к тому, что норма «инфекционных» коек в Узбекистане — 36 (в Эстонии — 70,4). Там, где инфекционных больных во много раз больше, коек для них — исходя из отчетов! — планируется гораздо меньше. И лекарств. И всего прочего. А все инфекционные корпуса невероятно переполнены. Таким образом, занижая отчетность сегодня, планируют рост смертности на завтра.

Кто бы подумал, что можно так жонглировать статистикой смерти! У медиков даже термин есть: переброс. Ребенок умер трехдневный, а смерть его регистрируют спустя полтора года. Из графы в графу перебрасывают — за маленького мертвеца ответственность большая, за подросшего — никакой. Да и для открытой статистики эти мертвые души неоценимы. Существенно улучшают пейзаж. А он хорош: заболеваемость (по отчетам) ниже, чем в Прибалтике. Антисанитария, дефолиация, отсутствие воды, питание все хуже, климат тяжелее, а заболеваемость — ниже! Правда, смертность — выше. Здоровенькими, выходит, помирают. Так ведь смертность — ведомственная тайна. Кто о ней узнает, кроме родственников покойных...

Нас не хотят огорчать. Считают, что известие о количестве бракованных ботинок мы выдержим, а о браке в медицине — нет.

ДИКИЕ И ДОМАШНИЕ

Врачи-практики говорят: на следующий день после дефолиации начинается стремительный рост заболеваний. Гепатит дает вспышку в два-три раза. И 3/4 больных — дети.

Чиновные теоретики возражают: при чем тут дефолиация? Гепатит — вирусное заболевание, а не отравление.

Но по времени они совпадают — раз; организм, ослабленный ядом, более уязвим — два. А заместитель директора республиканского НИИ педиатрии Б. А. Кадыров прямо сказал: пестициды подавляют иммунную систему.

— Как СПИД?!

— Да, это и есть химический СПИД.

Вот как просто! А изучал это кто-нибудь? Неизвестно.

У меня в руках книга. Сборник научных трудов. «Влияние пестицидов на диких животных». Процитирую. «Являясь биологически активными веществами... нарушают жизненно важные функции животных... действуют на потомство как через материнский, так и через отцовский организм, и не только на первое, но и **на последующие поколения.** Нарушение сперматогенеза, снижение оплодотворяемости, уродства, мертворождения... неблагоприятны для диких животных практически всех систематических групп — моллюсков, ракообразных, насекомых, амфибий, птиц, млекопитающих, входящих также и в разные экосистемы». Вот как действует пестицид — зараза убийственная.

На следующий день после дефолиации сотни тысяч детей, школьников и студентов выходят на уборку. Дети начальства на хлопок почти не ездят. Справку добывают. И правильно делают. Остальные же там дышат, пьют, едят. Какие последствия планирует в их организмах мутагенный пестицид, «влияющий на все последующие поколения»? Этого не знает никто. Родятся ли у них дети, а если родятся, то на что будут похожи и какие врачи, какие больницы понадобятся для них?.. Очень ли им поможет милосердный гуманный Фонд помощи?

Любимое выражение аппаратчиков: «План любой ценой» — любимое выражение тех, кто с п у с к а е т план, а не тех, кто рвет пупок, выполняя его. Выражение это давно обрело в хлопковом регионе нехороший конкретный смысл. Вроде бы абстрактное «любой ценой» обернулось реальными смертями тысяч и потерей здоровья для миллионов. Вот она, битва за урожай.

Хорошо, конечно, что мы начали охотиться на самогонщиков и торговцев наркотиками. Но их яд травит сравнительно немногих грешников. От дефолиации умирают многие, не успев нагрешить.

ЗАКРЫТЫЙ РОДДОМ

А что это за роддом на шоссе Луначарского? Наверное, очень плохой, если и взглянуть на него не пускают? Советовал же мне министр: «Посетите 6-й роддом — единственный, который можно показывать иностранцам». Да что за интерес, если кому попало показывают. Но плохой я уже видел — в Коммунистическом районе Ташкентской области. То есть для Узбекистана он — средний, а до плохого надо самолетом. Но и этот впечатлял: 25 мест, лежит сто женщин. Палата на четверых, а в ней — десять. Жара страшная. Духота убийственная. Младенцев в комнатушке не четыре, а двадцать... Рядом инфекционное отделение на 30 мест. Лежат 110. В туалет не войти. А через месяц, когда после дефолиации гепатит даст вспышку?

Ну, все это рядовое, типичное, скучное...

И вот я на месте. Парк. Тишина. На пороге роддома остановили. Дежурная тщательно изучила документы. Четверть часа слушала мои резоны. И — повела к старшей дежурной. И та изучила документы (надо сказать, обе куда тщательней, чем министр), слушала минут 20. И... «Я должна позвонить главврачу». Звонила почему-то из соседней комнаты. Я сидел, слушал треньканье параллельного аппарата. Через час меня выпроводили: приходите, когда будет главврач.

Но я уже все знал. Роддом на 25 мест по замечательной схеме «Мать и дитя». Чисто, уютно, прохладно. В палате одна женщина. В соседней — ее ребенок. Один. Не двадцать вповалку, где инфекции — гуляй не хочу! Отлично!

Одно странно: директриса НИИАиГ говорила, что не хватает 4 тысяч коек для рожениц. Министр тов. Бахрамов назвал другое число — 7766. А на самом деле, по данным Минздрава СССР, Узбекистану недостает 28 тысяч детских инфекционных, 45 тысяч детских и 14 тысяч акушерских коек. 14 тысяч коек не хватает, значит, 14 тысяч рожениц лежат в коридоре или не лежат вообще? А тут, на шоссе Луначарского, во 2-м роддоме стационара не было занято и половины чудесных одноместных палат.

Потому-то, видимо, тов. Артыков сказал: «Не надо писать об этом роддоме. Зачем раздражать население?»

Понимает. Молодец.

Говорят: роддом правительственный. Понятно. На члене правительства огромнейшая ответственность. Ему положена и отдельная палата и даже телефон. Но — простите ради бога — кто из правительства там рожает? Хоть одним глазком взглянуть бы на «истории» — что за профессии там записаны, что за имена?

НАДО РАБОТАТЬ

Тяжело было видеть, как бестолково роется в своих бумагах директор НИИАиГ Ходжаева, ничего не понимая, не в силах ответить на простейший вопрос.

Тяжело было слушать, как публично, всем в глаза лжет заместитель директора по науке Степанянц: «Я — оперирующий врач!» (А она уже два года не подходит к столу, и слава богу, потому что кончалось это печально.)

Тяжело было смотреть, как боится уличить ее во лжи один из крупнейших акушеров страны, автор новых щадящих методов операций, профессор Ищенко, забитый до полной безответности, хотя сам оперирует блестяще, непрерывно и — самые сложные случаи...

А Галина Хаджибаева? Между комиссиями она еще успевает работать. Недавно получила последнее доказательство своей правоты: обнаружила пестициды в крови и грудном молоке работниц. Анализы делала «на стороне». В своем НИИАиГ ей это запретили.

Ни у республики, ни у Минздрава СССР нет сил, чтобы спасти положение. Летние бригадные наскоки мало что дадут. Нехватка 14 тысяч коек для рожениц означает, что не через 11 и не через 7 лет, а **сегодня нужно 600 роддомов**. Кто и как построит их с водопроводом и канализацией там, где нет ни водопровода, ни канализации? И скорее, скорее, а не к 2000 году.

Надо немедленно запретить дефолиацию. Это только кажется, что она экономически выгодна. Но считают только доходы от хлопка. Если ж подсчитать расходы... Площадь хлопкового региона, площадь дефолиации — вся Средняя Азия. «Белое золото» никогда не окупит такую гигантскую катастрофу.

Нужна скорая всенародная помощь. Волокита в этой ситуации — зараза убийственная.

Пока писалась статья, пока материал готовился к печати — прошло время. Оно принесло положительные перемены: Р. Ходжаева уже не директор НИИАиГ, а Р. Степанянц уже не заместитель по науке... Но если преодолеть соблазн счастливой концовки, если сохранить трезвый взгляд на ситуацию — радость окажется с горчинкой.

Была осень. Снова на Узбекскую землю лились и сыпались дефолианты. Снова на уборку вывезли студентов, а кое-где и школьников. План по хлопку на будущий год снижен, но сократились ли площади? По-прежнему несбалансированное питание губительно сказывается на здоровье матерей и детей. Недостаток белков... Да что там, недостаток овощей и фруктов — и это в рационе жителей Средней Азии — ведет к поголовной анемии. А вода? А канализация?

Что же касается кадров, то Р. Ходжаева теперь заведующая кафедрой акушерства и гинекологии САМПИ. От действующих врачей ее отставили — теперь будущих учит, теперь в ее неумелых руках жизнь будущих матерей, будущих новорожденных. Р. Степанянц, побыв недолго старшим научным сотрудником лаборатории патоморфологии (там дело имеют с уже не живыми), претендует на место заведующей отделением патологии беременности, родов и послеродового периода, а это основное отделение НИИАиГ, и там дело имеют с живыми.

В чьих руках будущее? Какое оно?

■

НЕТ ПРОБЛЕМ?

СОЮЗНЫЙ СОВЕТ КОЛХОЗОВ

107139, Москва, Б-139, Орликов пер., 1/11. Для телеграмм: Москва 139, Госагропромсоюза. Телетайп 111434. Тел. 207-84-50

10.03.88 № 042-15/116

На № 7-П от 01.03.88

Заместителю Главного редактора журнала "Огонек"

т.Николаеву В.

Союзный совет колхозов сообщает, что дать аккредитацию корреспондентам Вашего журнала на IV Всесоюзном съезде колхозников не представляется возможным.

Ответственный секретарь [подпись] Д.А.Есипенко

От редакции. Публикуя фотокопию этого документа, доводим до сведения его авторов, что «Огонек» никогда прежде не испытывал затруднений с аккредитацией — даже на съезды КПСС и сессии Верховного Совета СССР. И что интересно — на три предыдущих Всесоюзных съезда колхозников. Очевидно, во времена гласности перестройка может быть и такой — в кавычках. Сколько нового каждый день, сколько старого... Хочется говорить стихами:

Нас на праздник не позвали,
Не поймите ложно.
Раз не аккредитовали,
Значит, не положено.
Пусть одних вопросы гложут,
А других ответы.
Так никто не потревожит
Тайные секреты.

ВСЕ, О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ СЕГОДНЯ ПИСАТЕЛЬ ЛЕВ РАЗГОН,— ПРАВДА. В ЕЕ ОБЫЧНОМ, СЛОВАРНОМ ОБОЗНАЧЕНИИ: «ТО, ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЕСТЬ, В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БЫЛО». АВТОР ЭТОГО РАССКАЗА ИЗВЕСТЕН КАК ПРОЗАИК И КРИТИК, РАБОТАЮЩИЙ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ЕГО НЕ ОПУБЛИКОВАННАЯ ЕЩЕ КНИГА «НЕПРИДУМАННОЕ», ИЗ КОТОРОЙ ВЗЯТ ЭТОТ РАССКАЗ, НАПИСАНА О ВПЕЧАТЛЕНИЯХ И ВСТРЕЧАХ НА ПРОТЯЖЕНИИ 17 ЛЕТ (1938—1955), КОТОРЫЕ ОН ПРОВЕЛ В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ. ПОЛИТИКА СТРАХА И РЕПРЕССИЙ, ПРОВОДИМАЯ СТАЛИНЫМ, КАСАЛАСЬ ВСЕГО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА, ВСЕХ ЕГО СЛОЕВ — ОТ ВЫСШИХ ДО НИЗШИХ, ОТ КРЕМЛЯ ДО САМОЙ ОТДАЛЕННОЙ ТАЕЖНОЙ ДЕРЕВНИ. ОБ ЭТОМ, В ЧАСТНОСТИ, РАССКАЗЫВАЕТ И ТРАГИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД, СТАВШИЙ СЮЖЕТОМ «ЖЕНЫ ПРЕЗИДЕНТА».

ЖЕНА ПРЕЗИДЕНТА

Лев РАЗГОН

Субботний летний вечер уже давно начался, и мне бы следовало быть в пути. На свой короткий «уик-энд» я обычно уходил в Вожаель. И уже привык к тридцатикилометровой пешей прогулке от первого лагпункта до Комендантского. А через сутки — к такой же прогулке назад. Зимой я это расстояние проходил быстро. Зимняя накатанная дорога была тверда, как асфальт, воздух «бодрил», и я преодолевал почти марафонское расстояние быстро и даже без особой усталости. Летом было намного труднее шагать по мелкому зыбучему песку, размолотому колесами грузовиков. И я пользовался любой возможностью найти какую-нибудь попутную машину.

Такая машина стояла перед вахтой и для путешественника выглядела очень соблазнительно. Это был легковой вездеходик «козлик», сделанный по образцу американского «джипа». На этой игрушке можно до Вожаеля пролететь за час-полтора. На вездеходе несколько часов назад приехало высокое медицинское начальство: начальник нашего Санотдела привез полковника — заместителя начальника Санотдела Гулага. Почему бы не попробовать поехать с ними? Все же я вроде бы и вольный, а следовательно — и ихний товарищ!..

Начальство вышло из вахты и направилось к своему экипажу. Я подошел к начальнику Санотдела лагеря:

— Товарищ майор! Если у Вас в машине есть место, пожалуйста, подвезите меня в Вожаель.

Санотдельский майор был в общем-то вполне сносным и даже свойским медицинским администратором. Я на это рассчитывал и не ошибся. Высокий полковник, с зелеными петличками и медицинской змейкой, был со мной изысканно вежлив. Я уселся позади, рядом с ним, и наш «козлик» попер по песчаным буграм. Майор и полковник продолжали беседу, начатую, очевидно, еще в зоне. В отличие от нашего майора, всю свою послеинститутскую жизнь проведшего в лагерях, полковник в нашем ведомстве был новичком. Он окончил Военно-медицинскую академию, все время служил в армии, но я, конечно, не мог уяснить из разговора двух старших офицеров, почему полковник очутился в Гулаге.

Говорил больше полковник. Он рассказывал о своей фронтовой работе, об интересных встречах. Особо ему посчастливилось на одного подчиненного: он был главным хирургом той армии, где полковник состоял начальником медслужбы. Хирург был зятем Калинина. Это не только давало какие-то заметные преимущества медслужбе армии, но и дало возможность моему соседу по автомобилю познакомиться с самим Михаилом Ивановичем. С калининским зятем он поехал в командировку в Москву и там был приглашен на дачу, где запросто обедал и беседовал со знаменитым главой нашего государства.

У полковника от волнения дрожал голос, когда он рассказывал об обаянии Калинина, о его скромности, принципиальности, о великом уважении, с которым к нему относились в стране. Потом он перешел к похвалам его зятю, высказал сожаление о том, что жизнь их сейчас разделила, рассказал майору, что его бывший подчиненный сейчас является армейским хирургом в таком-то месте.

...И тут меня дернул черт!.. Я сказал полковнику, что зять Калинина сейчас является главным хирургом такого-то фронта и находится совсем в другом городе... Полковник некоторое время молчал, потом повернулся ко мне и с убийственной вежливостью спросил:

— Извините, но откуда Вы это знаете?

Это было сказано так, что моя честь не могла такое стерпеть. И я совершенно спокойно ему ответил:

— Мне это говорила его жена, Лидия Михайловна.

Полковник довольно долго молчал, переваривая столь неожиданную информацию, полученную от человека, чье прошлое не оставляло никаких сомнений. Потом он не выдержал:

— Вы меня еще раз извините... Но когда Вам это говорила Лидия Михайловна?..

...Отступать мне уже было почти некуда.

— Недели две назад...

На этот раз полковник молчал еще дольше. На лице его отражалась умственная работа. Очевидно, она ни к чему не привела, потому что, съедаемый вопросами, на которые не мог найти логического ответа, он снова обратился ко мне:

— Ради бога, извините мою назойливость... Но где Вам об этом говорила Лидия Михайловна?

...Господи! Ну зачем я ввязался в эту историю?! И тут еще наш майор! И черт его знает, что еще из-за этого дурацкого разговора произойдет?! Но что я могу теперь делать?..

— Она мне об этом говорила в Вожаеле.

На этот раз реакция полковника была мгновенной:

— Нет, я ничего совершенно не понимаю! Что могла Лидия Михайловна делать здесь, в Вожаеле? Чего ради Лидия Михайловна могла приехать в Вожаель?!

...Я молчал как убитый. Чего я буду отвечать? Может, этому полковнику и не положено знать, что знают здесь все?..

— Майор! Вы не можете мне ответить на этот вопрос? Что могла делать в Вожаеле Лидия Михайловна Калинина?

Майор совершенно спокойно сказал:

— А на свиданку она приезжала.

— То есть как это — на свиданку?! К кому она могла приезжать, на свиданку, как Вы говорите?..

— Да к матери своей. Она заключенная у нас тут на Комендантском.

При всем своем довольно богатом жизненном опыте я редко встречал такую шоковую реакцию, какая приключилась с полковником. Он схватился руками за голову и с каким-то мычанием уткнул голову в колени. Как припадочный, он раскачивался со стороны в сторону, бессвязный, истерический поток слов из него вытекал бурной, ничем не сдерживаемой рекой...

— Боже мой! Боже мой... Нет, нет, это нельзя понять! Это не в состоянии вместиться в сознание! Жена Калинина! Жена всесоюзного старосты! Да что бы она ни совершила, какое бы преступление ни сделала, но держать жену Калинина в тюрьме, в общей тюрьме, общем лагере!!! Господи! Позор какой, несчастье какое!! Когда это? Как это? Может ли это быть?! А как же Михаил Иванович?! Нет, не могу поверить! Этого не может быть!..

Полковник вытянулся, почти привстал в машине.

— Майор! Я желаю ей представиться! Вы меня должны представить ей...

Я был сердит на себя, что влез в этот разговор. Ни повод к полковничьей истерике, ни сама истерика не вызывали у меня особенного веселья. Но идиотские слова заместителя начальника Санотдела Гулага чуть меня не рассмешили. Я себе моментально представил, как сидит Екатерина Ивановна в своей каморке, в бане на Комендантском, и со свойственной ей скрупулезностью, стеклышком счищает гнид с серых, только что выстиранных арестантских кальсон, а в это время ей приходит почтительно «представиться» этот полковник...

В оправдание полковника следует сказать, что его бурная реакция была в общем-то совершенно естественной и человечной. Даже ко всему привычное сознание с трудом примирялось, что жена главы государства, знаменитого, наиуважаемого деятеля партии, ведет жизнь обыкновенной арестантки в самом обыкновенном лагере... Шок от такого известия испытывали люди и более грамотные, нежели военный врач, недавно начавший работать в лагерях.

Нечто подобное случилось даже с Рикой *. Именно от нее я и узнал, что Екатерина Ивановна находится в нашем лагере.

Однажды, когда она гостила у меня на Первом, она рассказала, что очень подружилась с одной старушкой арестанткой. Старуха прибыла из другого лагеря, в формуляре у нее сказано, что использовать ее можно только на общих подконвойных работах, но врачи на Комендантском дали ей слабую категорию, ее удалось устроить работать в бане: счищать гнид с белья и выдавать это белье моющимся. Екатерина Ивановна живет в бельевой, она наконец-то отдыхает от многих лет, проведенных на общих тяжелых работах, и Рика после работы в конторе ежедневно к ней заходит: занести что-нибудь из «вольной» еды, посидеть, поговорить с умной и славной старухой. Она нерусская, какая-то прибалтийка, но давно обрусела и мало похожа на работницу, хотя и сказала как-то, что давно-давно работала на заводе... Да и фамилия у нее вполне русская...

— А какая?

— Калинина.

— Это жена Михаила Ивановича Калинина.

...Рика не впала в истерию, подобно полковнику, но категорически отказывалась признавать за правду мои слова... Во-первых, не может быть!.. А затем, при ее отношениях с ней, она не могла бы утаить от нее. Да и об этом не могли бы не знать!..

Но я-то был почти уверен в том, что это так. Я не был знаком с Екатериной Ивановной. Но она была в дружеских отношениях с родителями моей жены, и, когда летом тридцать седьмого года вокруг нас образовалась пустота, когда исчезли все многочисленные друзья и знакомые, перестал звонить телефон, Екатерина Ивановна была одной из немногих, кто продолжал справляться о здоровье Оксаны — моей жены, и доставала ей из кремлевской аптеки недоступные простым смертным лекарства. В конце тридцать седьмого года этот источник помощи иссяк: мы узнали, что Екатерина Ивановна арестована.

Собственно говоря, ни медицинскому полковнику, ни Рике, ни кому бы то ни было не следовало приходить в состояние дикого недоумения от того, что в тюрьме сидит жена члена Политбюро. В конце концов если запросто арестовывают и расстреливают самих членов Политбюро, то почему же каким-то иммунитетом должны пользоваться их жены?..

А мы уже знали, что Сталин, при всем своем увлечении передовой техникой, не расстается со старыми привычками: у многих его соратников обязательно должны быть арестованы близкие. Кажется, среди ближайшего окружения Сталина не было ни одного человека, у которого не арестовали бо-

* Р. Е. Берг — друг и жена автора.— **Прим. редакции.**

лее или менее близких родственников. У Кагановича одного брата расстреляли, другой предпочел застрелиться сам; у Шверника арестовали и расстреляли жившего с ним мужа его единственной дочери — Стаха Ганецкого; у Ворошилова арестовали родителей жены его сына и пытались арестовать жену Ворошилова — Екатерину Давыдовну; у Молотова, как известно, арестовали его жену, которая сама была руководящим работником... Этот список можно продолжить... И ничего не было удивительного в том, что арестовали жену и у Калинина.

Ну, а считаться с Калининым перестали уже давно. Я был на воле, когда арестовали самого старого и близкого друга Калинина, его товарища еще по работе на Путиловском — Александра Васильевича Шотмана. Семья Шотмана была мне близка, я дружил с его сыном и от него узнал некоторые подробности, весьма, правда, обычные для своего времени. Шотман был не только другом Калинина, старейшим большевиком, руководителем знаменитой «Обуховской обороны», человеком, близким к Ленину... Он был еще и членом ЦИКа, а, следовательно, формально личностью «неприкосновенной» и уж, во всяком случае, человеком, чей арест должен был быть формально согласован с Председателем ЦИКа...

Ну так вот: пришли ночью к Шотману, спросили первое, что спрашивали у старых большевиков: «Оружие и ленинские документы есть?» — и забрали старика. Жена Шотмана, еле дождавшись утра, позвонила Калинину. Михаил Иванович обрадовался старой своей приятельнице и запел в телефон:

«Ну, наконец-то хоть ты позвонила. Уже почти неделю ни ты, ни Шурочка не звонили, это свинство оставлять меня одного сейчас, ну как Шурочкин радикулит, как дети...»

Жена Шотмана прервала радостно-спокойные слова старого друга:

— Миша! Неужели тебе неизвестно, что сегодня ночью взяли Шуру?..

Сколько таких звонков пришлось услышать Калинину?

Рика не хотела слушать никаких моих доводов. И я тогда предложил ей при первой же встрече с Екатериной Ивановной передать ей привет от меня и спросить ее от моего имени: знает ли что-либо о Шотмане и его жене?.. На другой день мне позвонили с Комендантского, и я услышал охрипший от волнения голос Рики:

— Ты был прав! Все так, как ты говорил!..

Потом Рика мне рассказывала об этой драматической сцене... Она пришла в баню к Екатерине Ивановне и, запинаясь, сказала то, что я ее просил сказать... Екатерина Ивановна, при всей своей эстонской выдержке, побелела. ...Тогда зарыдавшая Рика спросила ее:

— Неужели это правда? Неужели вы?..

...И Екатерина Ивановна бросилась на шею Рике, и обе стали плакать так, как это положено всем женщинам на свете. Даже если они обладают выдержкой и опытом, какие были у жены нашего президента.

Екатерину Ивановну «взяли» довольно банально, без особого художественного спектакля. Просто ей позвонили в Кремль из ателье, где шилось ее платье, и попросили приехать на примерку. В ателье ее уже ждали...

Екатерина Ивановна, как я уже говорил, обладала эстонской неразговорчивостью, конспиративным опытом старой революционерки и жены профессионального революционера. Она не любила рассказывать о всем том, что происходило после звонка из ателье. Но мы знали, что сидела она тяжело. У нее в формуляре была чуть ли не половина Уголовного кодекса, включая и самое страшное: 58-8 — террор. Формуляр ее был перекрещен, что означало — она никогда не может быть расконвоирована и должна использоваться только на общих тяжелых подконвойных работах. Из тех десяти лет, к каким она была осуждена, Екатерина Ивановна большую часть отбыла на самых тяжелых работах, на каких только использовались в лагере женщины. Но она была здоровой, с детства привыкшей к труду женщиной, и все это перенесла. Только тогда, когда из другого расформированного во время войны лагеря она попала к нам, удалось ее пристроить на «блатную» работу.

Во время последнего года войны в жизни Екатерины Ивановны стали происходить благодатные изменения. Вероятно, Калинин не переставал просить за жену. Что тоже отличало его от других «ближайших соратников». Молотов никогда не заикался о своей жене, а его дочь, вступая в партию, на вопрос о родителях ответила, что отец у нее — Молотов, а матери у нее нет... Словом, в последний год войны к Екатерине Ивановне стали регулярно приезжать ее дочери — Юлия и Лидия. На время приезда в поселке выделяли комнату, обставляли ее шикарной мебелью и даже коврами — все же дочь Калинина! — и заключенной жене президента разрешали три дня жить без конвоя в комнате у своей дочери...

Когда в первый раз приехала Лида, Екатерина Ивановна передала мне через Рику приглашение «в гости». Я тогда и познакомился с ней. Сидел, пил привезенное из Москвы превосходное вино, вкус которого я давно забыл, ел невозможные и невероятные вкусности. И слушал рассказы человека, только что приехавшего из Москвы.

Страшновато — даже для меня — было слушать, как часто Калинин просил Сталина пощадить его подругу жизни, освободить ее, дать ему возможность хоть перед смертью побыть с ней... Однажды, уже в победные времена, разнежившийся Сталин, которому надоели слезы старика, сказал, что ладно — черт с ним! — освободит он старуху, как только кончится война!.. И теперь Калинин и его семья ждали конца войны с еще большим, возможно, трепетным нетерпением, нежели прочие советские люди. Вот тогда-то, во время одного из таких свиданий, я услышал, где находится зять Калинина, чем и вызвал психический криз у заместителя начальника Санотдела Гулага.

После трех дней свидания заключенную Калинину опять переводили на лагпункт, и она снова бралась за свое орудие производства: стеклышко для чистки гнид.

Когда будущий романист, воспевающий великую личность, будет описывать чувства, охватившие Сталина когда война была завершена, пусть он не забудет написать, что он — в своей благостыне — не забыл и о такой мелочи, как обещание, данное Михаилу Ивановичу Калинину. Почти ровно через месяц после окончания войны пришла телеграмма об освобождении Екатерины Ивановны. Правда, в телеграмме не было указано, на основании чего она освобождается, и администрация лагеря могла выдать ей обычный для освобождающихся собачий паспорт, лишавший ее права приехать не только в Москву, но и в еще двести семьдесят городов... Спешно снова запросили Москву, расплывшийся от улыбок и любезностей начальник лагеря предложил Екатерине Ивановне пожить пока у него... Но Екатерина Ивановна предпочла эти дни пожить у Рики. Через несколько дней машина с начальством подкатила к бедной хижине, где обитала Рика, начальники потащили чемоданы своей бывшей подопечной, и Екатерина Ивановна, провожаемая Рикой, отбыла на станцию железной дороги.

Осенью сорок пятого года, приехав в отпуск в Москву, я бывал у Екатерины Ивановны. Мне это было трудно по многим причинам. В том числе и потому, что Екатерина Ивановна жила у своей дочери в том самом доме, в котором провела большую часть своей короткой жизни Оксана,— доме, в котором жил и я... Лидия Калинина жила как раз под нашей бывшей квартирой, и проходить по этому двору, по старой, воскресшей привычке подымать глаза к окнам нашей комнаты было тяжко.

Екатерина Ивановна бывала рада моим приходам. Ехать к мужу в Кремль она не захотела, и Михаил Иванович понимал, что это ей не нужно. Очевидно, что сам он был к этому времени избавлен от каких-либо иллюзий. Когда в отпуск в Москву приехала Рика, она много общалась с Екатериной Ивановной, ходила с ней в театры, а после отъезда в Вожаель получала от нее милые письма.

Легко понять, почему Екатерине Ивановне не захотелось жить в Кремле. Это был страх когда-нибудь случайно (хоть это было очень маловероятно) встретиться со Сталиным. И все же ей этого не удалось избегнуть.

Когда Калинину дали возможность увидеть свою жену, он уже был смертельно болен. Через год, летом сорок шестого года, он умер. Мы были тогда еще в Устьвымлаге. Со странным чувством мы слушали по радио и читали в газетах весь полный набор слов о том, как партия, народ и лично товарищ Сталин любили покойного. Еще было более странно читать в газетах телеграмму английской королевы с выражением соболезнования человеку, год назад чистившему гнид в лагере... И уж совсем было страшно увидеть в газетах и журналах фотографии похорон Калинина. За гробом покойного шла Екатерина Ивановна, а рядом с нею шел Сталин со всей своей компанией...

...Значит, все-таки произошла эта встреча, произошел этот невероятный кромешный маскарад, до которого не додумался и Шекспир в своих хрониках... Как ни бесчеловечно было бы задать Екатерине Ивановне вопрос о ее чувствах при этой встрече, но я бы это сделал, доведись мне ее снова увидеть. Но наше с Рикой пребывание на воле было коротким, а когда в пятидесятых годах мы вернулись в Москву, Екатерины Ивановны не было в городе.

* * *

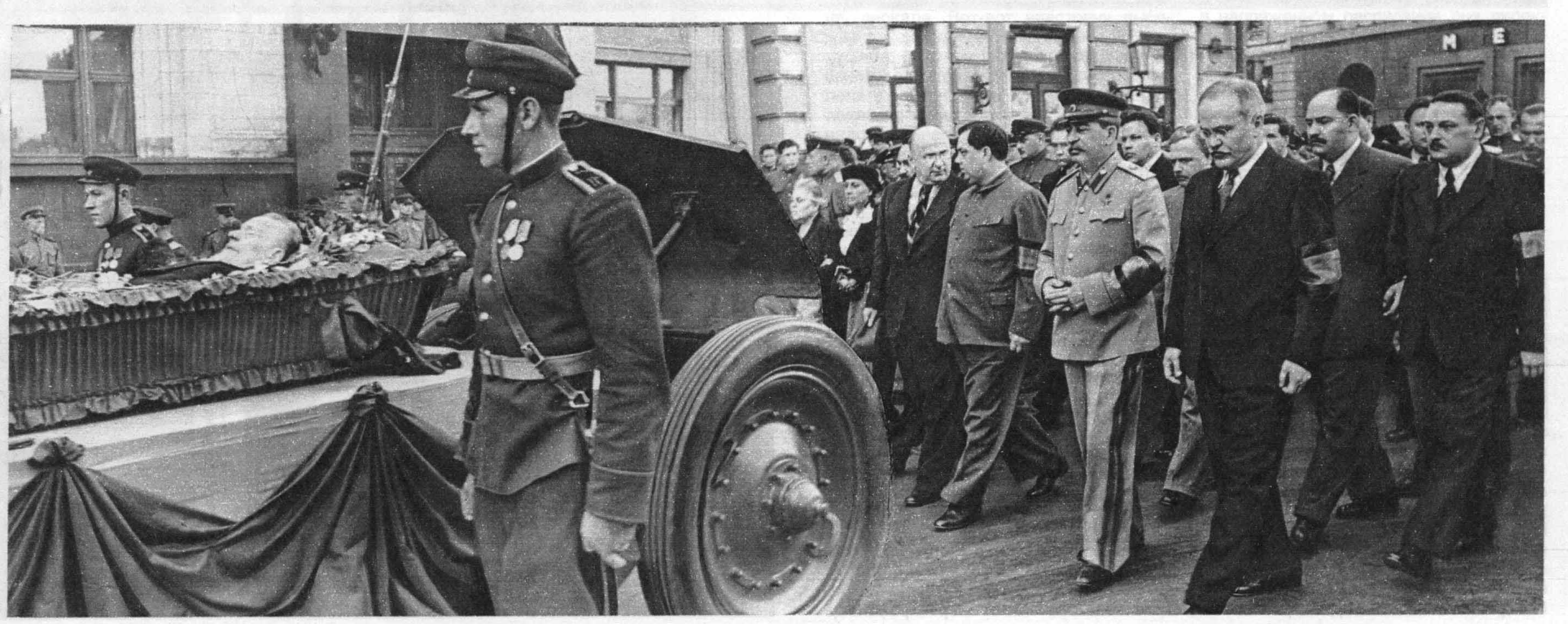
Однажды в исторической редакции издательства «Детская литература» меня познакомили с Юлией Михайловной Калининой, выпустившей для детей книгу о своем отце. Здороваясь, я сказал:

— Мы с вами некогда знакомились, Юлия Михайловна.

— Да, да, то-то ваше лицо мне знакомо. Мы с вами встречались в санатории. Не помню, в «Барвихе» или «Соснах»?

— Нет, это место не было санаторием. Оно называлось Вожаель...

И в глазах Юлии Михайловны вспыхнула искра жалости и ужаса, которую я видел у нее в Вожаеле...

БЕДНЫЙ! ТАК ВСЕ ГОДЫ И ПРОСТОЯЛ ВО ДВОРЕ ПОД НАШИМ НЕПРИВЕТЛИВЫМ СЕВЕРНЫМ НЕБОМ. ОТ КОПОТИ ТОЧНО В ЧЕРНОЙ РУБАШКЕ. ТОЛЬКО ПЛЕЧО ЗЕЛЕНЕЕТ ПЛЕСЕНЬЮ. ДА СВЕЖАЯ РАНА НА МЕСТЕ ОБСЫПАВШЕЙСЯ РУКИ ЗИЯЕТ ПЕРВОЗДАННЫМ ЦВЕТОМ КАМНЯ. А ОН СВЕТЛО-СЕРЫЙ. ВЗЯТЬ БЫ ТАЗИК С ВОДОЙ ДА ГУБКУ С МЫЛОМ, ПРИВЕСТИ ЗАБЫТУЮ СВЯТЫНЮ В БОЖЕСКИЙ ВИД. ТАК НЕЛЬЗЯ. РУКИ ПРОЧЬ! ВЕДОМСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ!

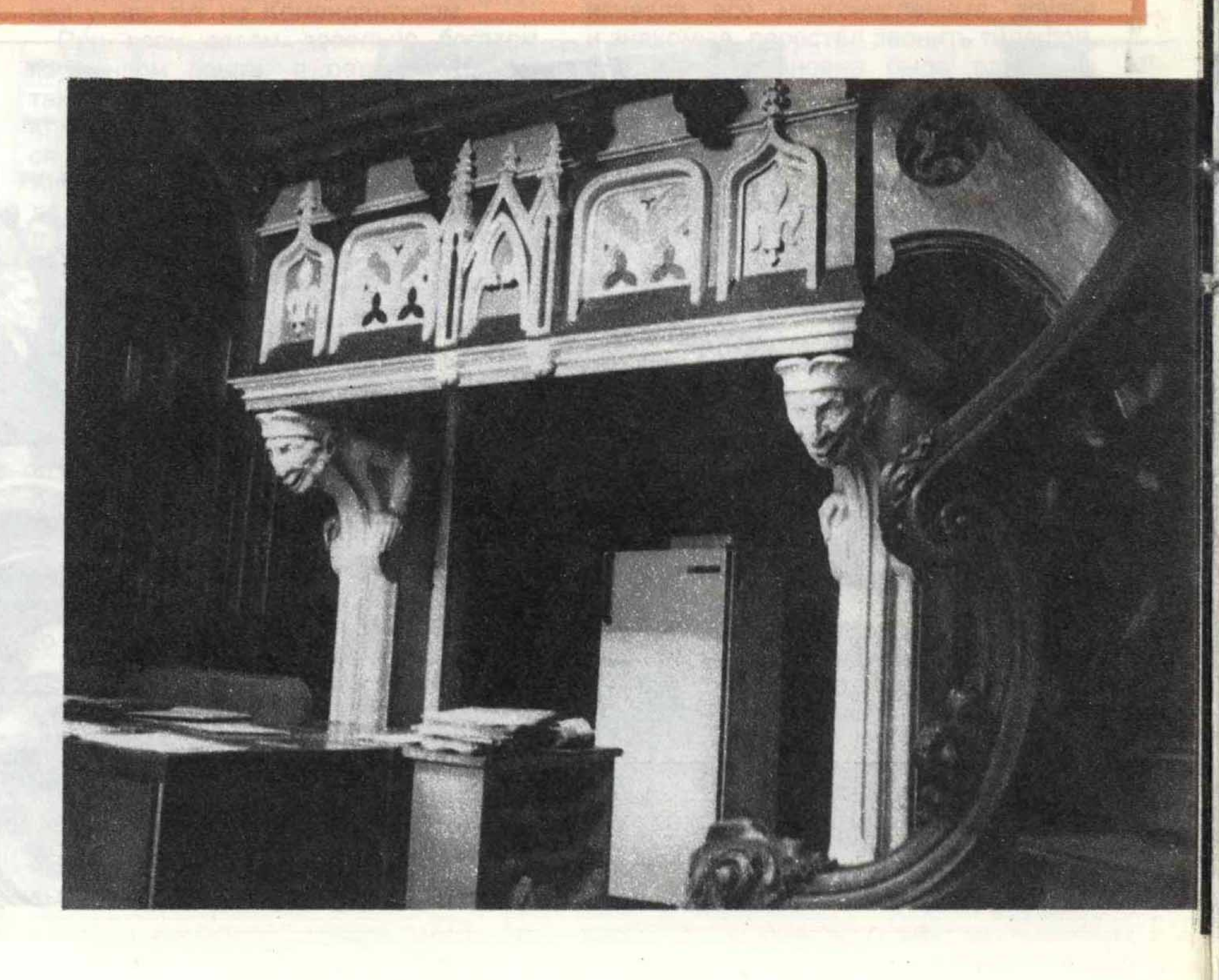
БЕСПРИЮТНЫЙ ИДОЛ

Татьяна НОВИКОВА

История эта происходит на расстоянии брошенного камня от Московского Кремля. У входа в диссертационный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина разрушается идол печенегской эпохи. То есть создан не позднее IX века. Ныне — собственность библиотеки. Сотни людей все эти годы изо дня в день ходили мимо черной глыбы из камня в человеческий рост, даже не подозревая, что видят сокровище национальной культуры, по ценности сравнимое со знаменитыми изваяниями острова Пасхи. Вывезли его из-под Новороссийска. Слыл одной из главных достопримечательностей знаменитого Румянцевского музея.

Пять лет прошло с тех пор, как было принято правительственное постановление о выявлении и постановке на государственный учет художественных ценностей, находящихся в собственности учреждений, предприятий и организаций. И вот только-только сопротивление иных наших состоятельных «владельцев» отчасти преодолено, перепись наконец начинается. Обратимся сразу к сути острой проблемы.

Недавно известный художник на представительной конференции рассказал историю, похожую на притчу. У самого Белого моря во владении одного совхоза были зернохранилище

и старинная часовня. Первое оценивалось в двести тысяч, и директор совхоза о зернохранилище радел. Стоимость же часовни ни в каких бумагах не фигурировала, оттого, мол, и разрушалась понемногу беспрепятственно.

Казалось бы, парадокс. Каждый школьник сегодня знает, что старинные часовни и боги стоят столько, что, по всей строгости закона, подобное расточительство грозит лицам материально ответственным не одним годом тюремного заключения. В чем же секрет олимпийского спокойствия наших директоров? А ларчик открывается удивительно просто. В отличие от школьника они-то знают, что за зернохранилище — если что! — голову снимут. А за часовню — хоть что угодно! — еще никто никогда не отвечал. Ох как пора порочную традицию ломать, забытое воскрешать! Может быть, и по камушкам, но собрать уцелевшее!

Однако вернемся в главную библиотеку страны. Листаю перечень произведений, по не понятным сегодня уже никому причинам в тридцатые годы оставленных здесь на хранение. Большинству досталась лучшая, чем тому идолу, судьба. До начала реставрации здания они стояли в рабочих кабинетах сотрудников. Наконец-то более-менее вразумительный ответ на давно мучивший вопрос: куда все-таки подевались сокровища Румянцевского музея? Как могло случиться, что огромное собрание, точно Атлантида, исчезло бесследно? Из музейных залов, из справочных изданий и уже почти что из нашей памяти. Не уверена, что все читатели сегодня представляют, о чем идет речь. Поэтому позволю себе справку из БСЭ:

«Румянцевский музей, собрание книг, рукописей, монет, этнографических и других коллекций, составленное графом Н. П. Румянцевым и переданное после его смерти (1826) государству... Был одним из наиболее популярных культурно-просветительных учреждений Москвы. Рост всех подразделений Румянцевского музея, особенно библиотеки, картинной галереи и этнографического музея, привел в начале XX века к переполнению его фондов. В 1921—1927 расформирован, а его коллекции (кроме библиотеки и отдела рукописей) переданы другим музеям и картинным галереям Москвы».

Сравнить Румянцевский музей сегодня не с чем. Подобного у нас теперь нет, хотя, наверное, потребность в нем не меньшая. Ценою огромных усилий графу Румянцеву удалось собрать немало великолепных произведений искусства разных эпох, ценнейшие исторические реликвии, объединить их единым замыслом. Дополняя друг друга, они рассказывали о подвигах человеческого духа, воспитывали высокие чувства и точный вкус, не одно поколение учили любить Отечество.

От старожилов Москвы мне довелось слышать, как, открывая для себя музей в детстве, потом водили в Пашков дом своих детей и внуков. Раз в неделю — в день бесплатного посещения — очереди тянулись на улицу.

Странички описи уцелевшего, составленной работниками Министерства культуры СССР,— точно отчет археологической экспедиции. Даже по руинам легко представить былое величие. Чтобы увидеть, пришлось бы походить по разным запасникам. Самое знаменитое полотно Румянцевского музея — «Явление Христа народу» Александра Иванова хранится в Третьяковской галерее. И ему пришлось немало вынести в непригодных для хранения запасниках. Давно не видели москвичи приписываемый Боровиковскому известный парадный портрет Николая Павловича Румянцева — в канцлерской мантии зеленого бархата. Когда-то масштабное полотно открывало музей, было как бы его визитной карточкой. Передано Литературному музею А. С. Пушкина для коллекции известных людей пушкинской поры. Однако трудно даже представить себе экспозицию, в которую может оно вписаться.

Судьба других произведений Румянцевского собрания вовсе не поддается логическому объяснению. Ну, зачем, скажем, было делить бюсты самой историей неразрывно связанных выдающихся русских путешественников Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского? Поделили. Один — в Третьяковке. Другой на всякий случай оставили в библиотеке. Вчитываясь в эти удивительные документы, я все отчетливее убеждаюсь: созданное когда-то графом Румянцевым собрание, как ни парадоксально, продолжает существовать. Только в виде некоего нового единства: произведений, как тот идол во дворе, бесприютных, в других музеях так и не прижившихся.

Самоотверженности старых работников ГБИЛ мы обязаны тем, что многие бесценные реликвии и вовсе не пропали. Уцелели просто потому, что были спрятаны за книгами в старых шкафах в надежде на лучшие дни. Так удалось сберечь 83 портрета декабристов. Трудно представить себе размеры возможных потерь, не будь этих подвижников. Ведь даже знаменитую статую Антонио Кановы «Мир», изваянную в честь трех перемирий России со Швецией и Турцией, умудрились «потерять». Нашлась числившаяся без вести пропавшей крылатая богиня Пакс по статье, опубликованной в журнале «Юный художник» № 1 за 1986 год. Стал известен ее новый адрес — Киевский государственный музей западного и восточного искусства (?!).

Какой видится администрации ГБИЛ дальнейшая судьба оставшихся в ее ведении сокровищ? Их предполагается использовать, обнадеживает меня ученый секретарь библиотеки Римма Ивановна Богачева. После окончания реставрационных работ в Музее книги, который будет расширен, они как бы создадут художественный фон для основной экспозиции. Вот только печенегского идола (видимо, потому, что оттенять в Музее книги ему нечего), администрация библиотеки уже решила подарить. Пока, правда, неизвестно кому.

Однако мы задержались. А впереди — еще не один адрес, по которому ждут защиты от варварства XX века сокровища культуры, наше общее достояние.

Улица Кирова, 7. Дом научно-технической пропаганды имени Ф. Э. Дзержинского. Не правда ли, странно выглядит на дверях здания подобного назначения табличка: «Вход только по пропускам!»? Это тот самый Дом Чертковых, известный литературный салон начала прошлого века. Здесь не раз бывали Станиславский, Качалов, Серов.

Дежурный зазевался. Сделаем вид, что и мы причислены к счастливым обладателям пропусков для повышения своих научно-технических знаний, войдем.

Парадная лестница. Мрамор, лепнина, зеркала. Вот-вот навстречу выбежит лакей, подхватит из ваших рук все лишнее, и ничто уже не помешает общению с интересными собеседниками, полету мысли, игре воображения!.. Но лакей не выбегает, и вот уже товарищ рядом роняет увесистый атташе-кейс на деревянный подзеркальник. А тот — резной с позолотой; XIX век! Двум гражданкам не хватило мест в лекционном зале, и уже тащат поближе к его распахнутой двери тяжелые кресла за витые ручки по старинному паркету.

Подсосенский переулок, 21. «Дом Морозова». Москвичи старшего поколения еще помнят самого Алексея Викуловича Морозова, отпрыска знаменитого купеческого рода, и его коллекции, специально для которых было построено здание. История же его такова.

С юности Алексей Викулович Морозов тоже был, как говорили тогда, приставлен к делу. Однако вскоре передал его брату, а сам целиком занялся коллекционированием. Собирал графические и литографические портреты русских людей, изделия из серебра, миниатюры, иконы и русский фарфор, который постепенно стал главным увлечением. Дом в Подсосенском видоизменялся по мере роста коллекций.

В 1921 году коллекции Морозова были преобразованы в Музей фарфора, а Алексей Викулович назначен пожизненно их хранителем. Дожил он до 1934 года. Музей же просуществовал в доме в Подсосенском переулке до 1928-го. Потом коллекцию упаковали в ящики и перевезли в Кусково. Лишь незначительная часть ее экспонируется. Остальное так и хранится в ящиках в запасниках.

И вот передо мной стопка писем в адрес Министерства культуры СССР, другие инстанции. Спорящие стороны — Музей керамики в Кускове и нынешний арендатор «Дома Морозова» — издательство «Наука». Музей предлагает свою помощь, чтобы возобновить в историческом здании работу Музея фарфора, обязуется реставрировать его, организовать экспозицию. Есть еще одно мнение: использовать просторное помещение и для экспозиции, посвященной творчеству Ф. О. Шехтеля, других выдающихся архитекторов рубежа веков. Но и издательство «Наука» не сдает позиций. Пусть тесно сотрудникам, пусть не приспособлены для издательского дела заведомо музейные помещения. Пусть пропали бесследно детали композиций из резного дерева. Пусть десятилетия пролежали в запасниках великолепные панно Врубеля на сюжеты из «Фауста», когда-то украшавшие верхние ярусы выполненных в готическом стиле помещений. Ничто не способно было поколебать административного упорства. Правда, пришлось-таки издательству начать ремонт и реставрацию. Но это шаг в полном смысле слова вынужденный. Работники «Науки» до сих пор считают, что родились в рубашке. Оба раза, когда с потолка запущенного до крайности здания обваливались мощные пласты штукатурки, по счастью, пришлись на выходные, когда «Дом Морозова» был пуст.

Лед тронулся. Не отговориться теперь иным директорам незнанием цен на произведения старого искусства. И все же хочется напомнить: начавшаяся опись — лишь первый шаг. В соответствии с Законом «Об охране и использовании памятников истории и культуры» организации обязуются прежде всего обеспечить условия, необходимые для сохранности вверенных им памятников. В противном случае те должны быть возвращены государству. Попытаемся же ответить в принципе, возможно ли в напряженном ритме работы современных организаций и учреждений при всех искусственных ограничениях такие условия обеспечить? Стоит ли требовать от их сотрудников, посетителей, чтобы те вели себя, как в музее? Найдется ли когда-нибудь в напряженном расписании дня директора гигантской библиотеки или крупного издательства время заботиться еще и о сохранности вверенных ему произведений искусства? Да и допустимо ли сокровища такой цены целиком отказывать на волю людей, от искусства далеких? Не пора ли каждому заняться своим делом?

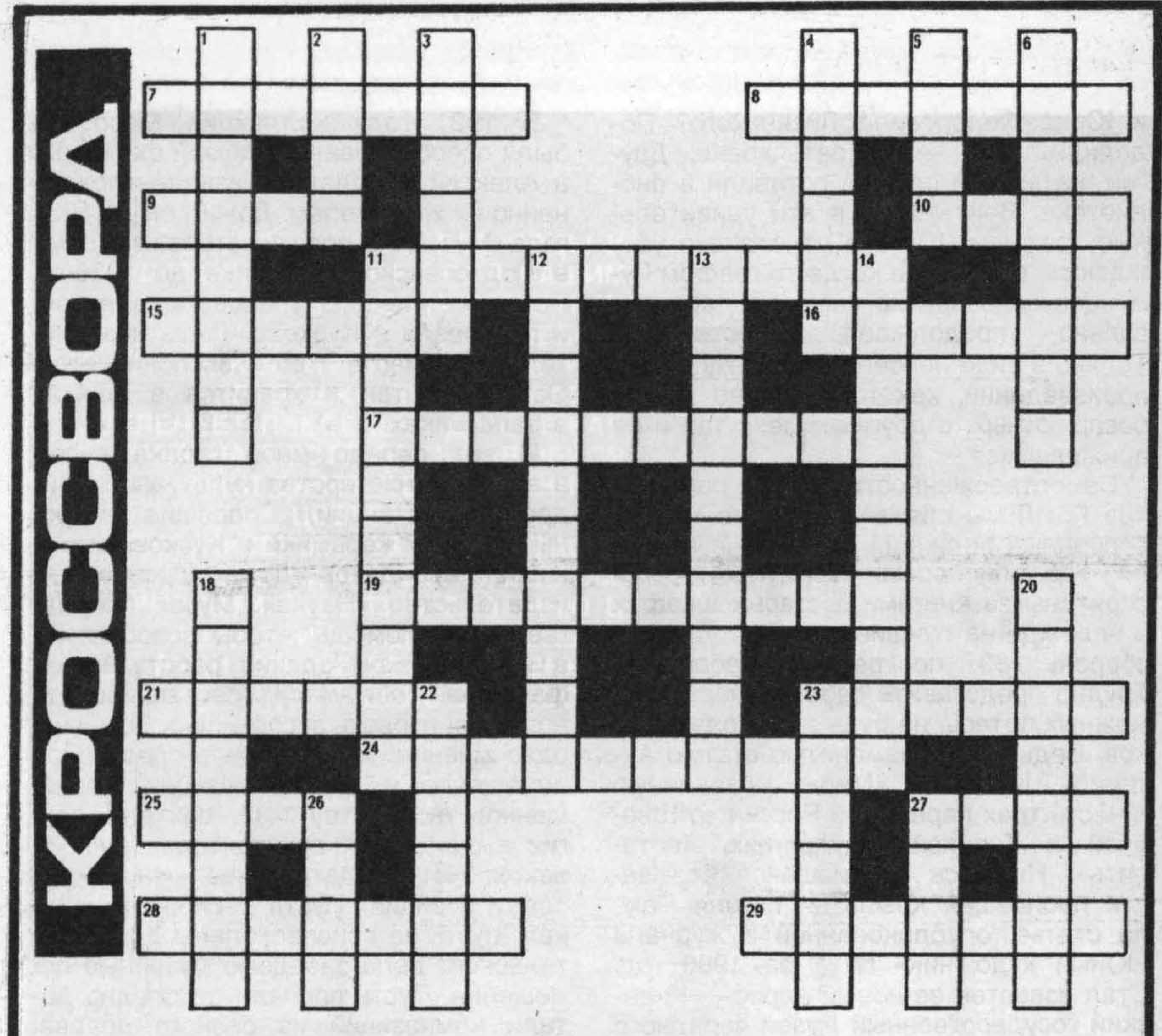
...Недавно зашла в знакомый библиотечный дворик проверить, не возымел ли акт переписи ценностей ГБИЛ благоприятного воздействия на судьбу бедолаги идола. На прежнем месте его не оказалось. Там вовсю хозяйничали строители: началась реставрация «Дома Пашкова». Но не успела я порадоваться за каменного истукана, как он снова вырос на пути, точно из-под земли. Не было ничего удивительного в том, что сразу я его не приметила. Он стоял, прислоненный к забору, за створкой настежь распахнутых ворот. С наступлением холодов статую прикрыли деревянным ящиком. Однако с тех пор одна мысль не дает мне покоя. Что, если кто-нибудь решит, что в доверчиво выставленном к самому входу ящике отнюдь не идол, а что-нибудь в хозяйстве полезное? Что тогда?

● *Одна из редакционных комнат издательства «Наука».*
● *Печенегский идол.*
● *Интерьер с холодильником*

Фото Дмитрия ДЕБАБОВА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Рассказ М. Горького. 8. Герой оперы М. И. Глинки. 9. Группа мест в зрительном зале. 10. Советский скульптор, автор памятника М. Горькому в Москве. 11. Действующее лицо комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 15. Струнный музыкальный инструмент. 16. Медицинское учреждение, изготавливающее лекарства. 17. Заголовочные данные над текстом страницы журнала, газеты. 19. Исполнение набросков чертежей, рисунков. 21. Массовое собрание для обсуждения политических вопросов. 23. Пространная реплика, монолог в пьесе. 24. Промышленное полиграфическое предприятие. 25. Комедия-водевиль. 27. Пьеса В. В. Маяковского. 28. Лирический тенор, народный артист СССР. 29. Советский композитор, автор оперетты «Цирк зажигает огни».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Журнал, основанный М. Горьким, издававшийся в Петрограде. 2. Французский композитор XIX века. 3. Струнный музыкальный инструмент, распространенный в Казахстане. 4. Арфистка, народная артистка СССР. 5. Музыкальный жанр с четким ритмом. 6. Горная система в Афганистане, Индии, Пакистане. 11. Студент, применяющий и закрепляющий на деле знания. 12. Город в Волгоградской области. 13. Волочение с небольшими обжатиями сортовой стали. 14. Создание художественных изображений из наклеенных или нашитых кусочков цветной бумаги, материи. 18. Русский писатель, друг М. Горького. 20. Гармоничный или мелодичный оборот, завершающий музыкальное произведение. 22. Кубинский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 23. Город в Ленинградской области. 26. Несколько сельскохозяйственных орудий, соединенных вместе. 27. Жанр джазовой музыки.

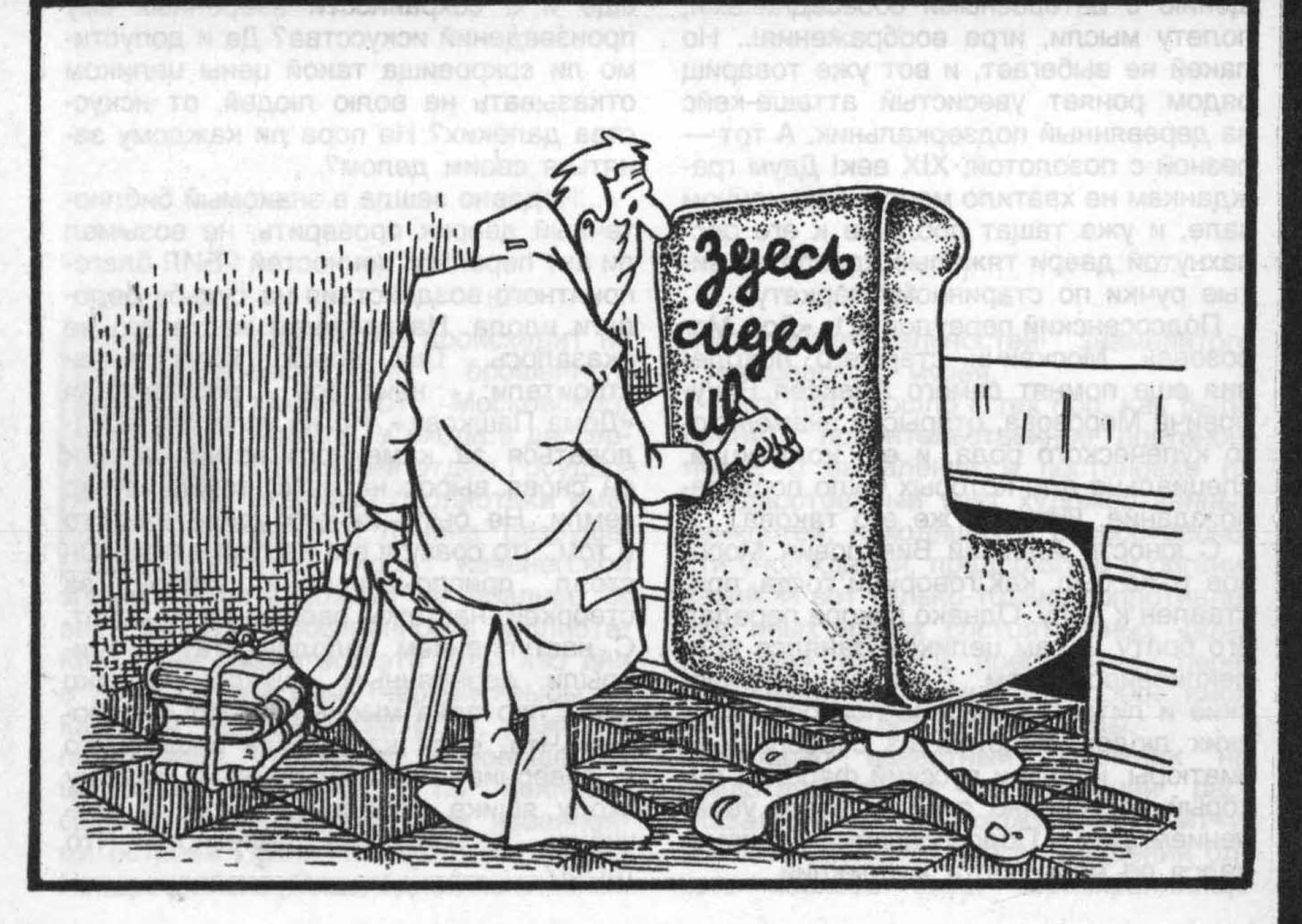
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Прометей». 8. Горбатов. 10. Лигроин. 11. Медаль. 14. Сборка. 17. Дадон. 19. Баобаб. 20. Нектар. 21. Трест. 22. Курако. 26. Атташе. 29. Кулинар. 30. Пирожное. 31. Столовая.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чумиза. 2. Адажио. 3. Драже. 4. Сталь. 5. Франс. 6. Лоток. 9. «Предложение». 12. Дозатор. 13. Лемборк. 15. Бисквит. 16. Рабатка. 17. Дебит. 18. Нонет. 23. Ужвий. 24. Алголь. 25. Окунь. 26. Аргон. 27. Тулома. 28. Шемая.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Станислава АШМАРИНА

Виталий ЗАСЕЕВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

...В кассу этого театра очереди не было. Да и вместительные трибуны конноспортивного комплекса «Битца», где выступал «Каскадер», были заполнены, увы, едва ли наполовину.

Легенда о Золотом руне — олицетворении богатства и славы древней Колхиды — не раз привлекала к себе драматургов и постановщиков. На этот раз она воплотилась в пьесе для конного театра (авторы Яков Голяков и Александр Матусов, режиссер Игорь Шуб, балетмейстер Людмила Баева). Есть здесь и погони, и сабельные схватки, и соревнования в джигитовке, и пленительные, полные огня и страсти восточные танцы, и многое другое. Зрители с неослабным вниманием следят за перипетиями, происходящими на манеже, и искренне радуются, когда добро побеждает зло. И аплодируют, не жалея рук. Да, да, не жалея. Только рук этих, к сожалению, мало. Мало по той простой причине, что никто своевременно не позаботился о рекламе, как это делается, когда рождается нечто новое, необычное.

— У нас сорок лошадей, лучшие в стране артисты-наездники, но помещения своего мы не имеем и вынуждены кочевать с одной базы на другую,— рассказывает директор театра Леонид Ковнут.— К сожалению, подавляющее большинство этих баз мало приспособлено для содержания животных, и мы постоянно рискуем потерять ту или иную лошадь. А ведь хорошая лошадь, как известно, стоит десятки тысяч рублей...

Мой собеседник отнюдь не пытается сгущать краски. В ночь перед первой премьерой «Каскадер» лишился одного из своих лучших «артистов» — прославленного Алмаза, который не только отменно исполнял «школу», но и великолепно танцевал вальс, брал препятствия и «дирижировал» партнерами по выездке.

К разговору присоединяется драматург Яков Голяков:

— В Москве десятки пустующих помещений, которые можно было бы отдать под первый в мире конный театр. Стационар ему нужен не только для того, чтобы сохранить лошадей, но и для того, чтобы глубже и ярче раскрыть возможности уникального зрелища. Имея свой зал, мы сможем решить вопросы с декорациями, освещением, соответствующими эпохе костюмами. Мы сможем шире использовать светотехнику, пиротехнические эффекты и многое, многое другое.

Стоило конному театру дать первые представления, как в ее дирекцию зачастили солидные «заинтересованные лица». Западные менеджеры тут же предложили коллективу театра выгоднейшие контракты: поездку по странам Южной Америки, длительные гастроли в Канаде, неограниченное количество спектаклей в странах Персидского залива и т. д. и т. п. Даже крохотное княжество Лихтенштейн и то изъявило желание пригласить к себе «Каскадер».

Итак, «Каскадер» начинает и... Что будет с первым в мире конным театром? Кто ответит на этот вопрос?

В МОСКВЕ СО СПЕКТАКЛЕМ «ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОМ РУНЕ И ВЕРНОЙ ЛЮБВИ» ВЫСТУПИЛ ПЕРВЫЙ В МИРЕ КОННЫЙ ТЕАТР «КАСКАДЕР» ПОД РУКОВОДСТВОМ НАРОДНОГО АРТИСТА СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР МУХТАРБЕКА КАНТЕМИРОВА.

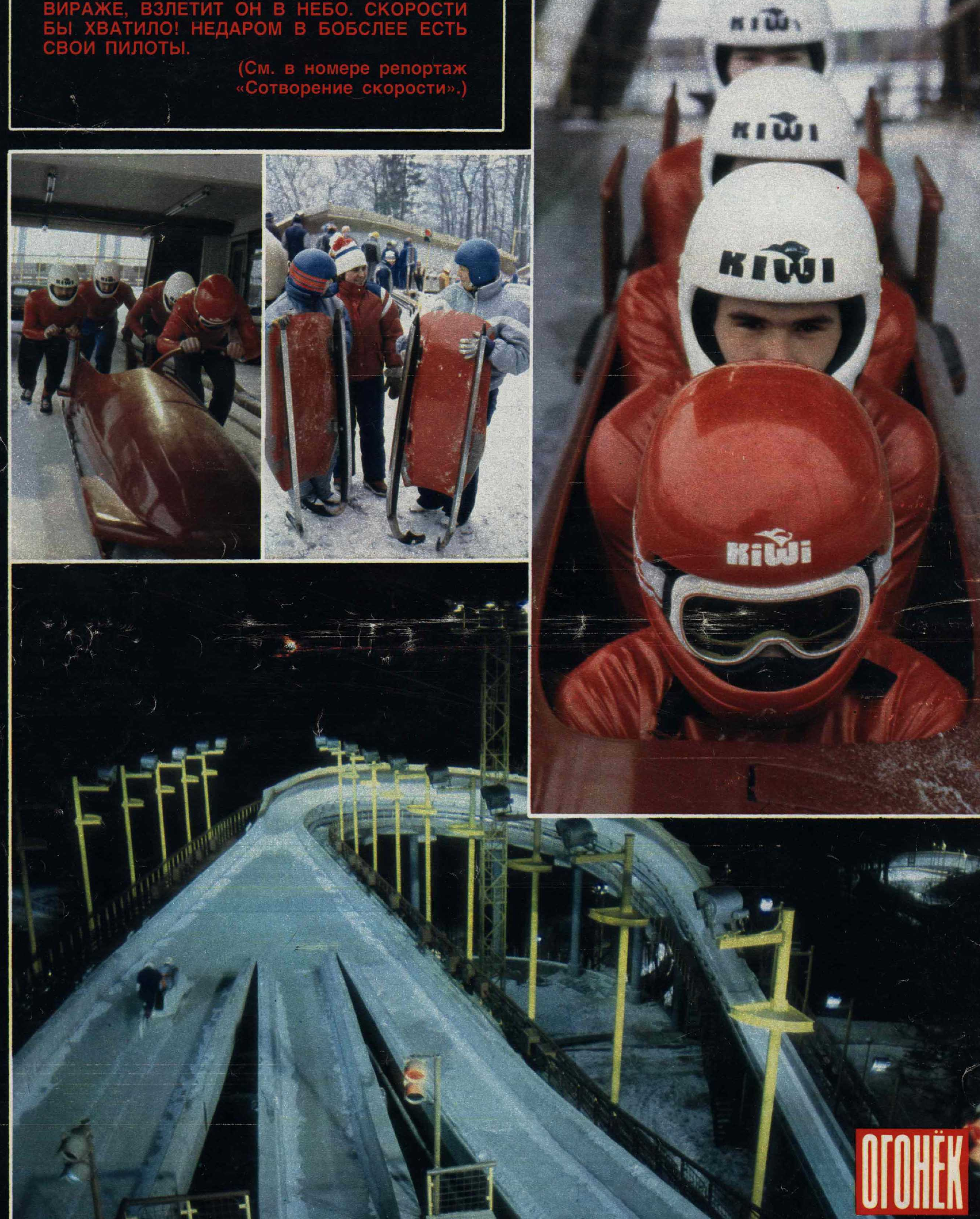

ДЕР» НАЧИНАЕТ И...

А ЕСЛИ К «БОБУ» ПРИЛАДИТЬ КРЫЛО? ТАК И КАЖЕТСЯ, СВЕРКНУВ СТРЕЛОЙ НА ВИРАЖЕ, ВЗЛЕТИТ ОН В НЕБО. СКОРОСТИ БЫ ХВАТИЛО! НЕДАРОМ В БОБСЛЕЕ ЕСТЬ СВОИ ПИЛОТЫ.

(См. в номере репортаж «Сотворение скорости».)

ISSN 0131–0097.

Индекс 70663. Цена номера 40 коп.